

В новогоднюю ночь происходят самые невероятные события и случаются настоящие чудеса... Злодей и его тетка оказываются перед лицом правосудия за то, что не успели к Новому году выполнить условия договора и натворить необходимое количество гадостей, подлостей и гнусностей. Но есть спасительное средство — пунш желаний, который все может исправить. Если, конечно, сварить его правильно и успеть выпить до звона колокола, возвещающего о наступлении нового года. Вот только злодей и не догадываются, что все их разговоры подслушали приставленные к ним посланники животного мира. Хотя что возьмешь с общипанного ворона да растолстевшего кота?!

RACCOON

Михаэль Энде

Волшебный пунш

Михаэль Энде

Волшебный пунш

Михаэль Энде

Волшебный пунш

RACCOON

2014

УДК 82-93
ББК 84.4Г
Э 64

Михаэль Энде

Волшебный пунш

Ответственный редактор А. М. Решетникова

Перевод Г. В. Снежинская

Оформление Е. И. Королева

Верстка А. М. Решетникова

Корректурa О. В. Скавронская

Энде, Михаэль

Э 64 Волшебный пунш / Михаэль Энде ;
[пер. с англ. Г. В. Снежинской]. — Т. : РАССООН, 2014. — 126 с.

ISBN

УДК 82-93

ББК 84.4Г

© Снежинская Г. В., перевод.
© Королева Е. И., оформление. 2014
© Издание на русском языке.
ООО РАССООН. 2014

Волшебный пунш

В тот вечер — последний вечер уходящего года — необычайно рано спустилась непроглядная тьма. Черные тучи мчались по небу, и вот уже несколько часов вьюга завывала над деревьями Мертвого парка.

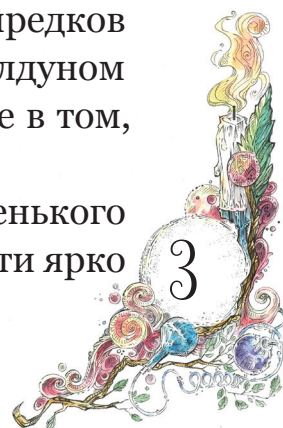
Зато на вилле «Ночной кошмар» все было спокойно, только плясали по стенам отблески пылавшего в камине зеленого пламени, и от этого вся колдовская лаборатория озарялась призрачным тусклым светом. В тишине вдруг жутко захрипели висевшие над камином часы с маятником. На первый взгляд это были обыкновенные часы с кукушкой. Но на самом деле вместо кукушки из оконца высовывался большой палец руки, и по нему, отсчитывая часы, крепко ударял молоток.

Ой! Ой! Ой! Ой! Ой! — прокричали часы. Это они пробили пять часов вечера.

Обычно, услышав жалобные вопли часов, Тайный советник по колдовским делам Вельзевул (Вельзевул — демоническое существо в христианских представлениях, «князь бесов».) Бредовред всегда приходил в великолепнейшее расположение духа, но нынче, в день Святого Сильвестра, он обернулся к часам с довольно злобной миной. Вельзевул раздраженно махнул рукой, приказывая часам умолкнуть, затянулся трубкой и начал пускать густые клубы дыма. В голове у него так же густо клубились мрачные мысли. Вельзевул Бредовред знал, что его ждут крупные неприятности и что начнутся они очень скоро, не позднее полуночи, то есть с наступлением Нового Года.

Колдун сидел в большом кресле с высокой спинкой. Четыреста лет тому назад один умелец-вампи́р сколотил это кресло из гробовых досок. А вместо обычной обивки вампир обтянул кресло шкурами оборотней — надо заметить, впрочем, что за четыре столетия обивка малость повытерлась. Это кресло Бредовред Вельзевул получил в наследство от предков и обращался с ним необычайно бережно, хотя вообще он был колдуном вполне современным и не отставал от прогресса. По крайней мере в том, что имело отношение к его профессии.

Трубка, которую курил Бредовред, была сделана в виде маленького черепа с глазами из зеленого стекла, и при каждой затяжке глаза эти ярко

вспыхивали зеленым светом. Из дыма возникали всевозможные фигуры — в воздухе плавали цифры и формулы, извивались змеи, носились летучие мыши и шныряли крохотные привидения. Но сейчас в воздухе повисло множество вопросительных знаков.

Вельзевул Бредовред глубоко вздохнул, поднялся с кресла и принялся расхаживать взад и вперед по лаборатории. Скоро от него потребуют отчета — тут у колдуна не было ни малейших сомнений. А вот с кем при этом придется иметь дело? И чем он сможет оправдаться? А главное: сочтут ли уважительными причины, которые он может привести в свое оправдание?

Долговязый, тощий, как скелет, Вельзевул Бредовред был одет в просторный шелковый балахон ядовито-зеленого цвета. Ядовито-зеленый вообще был любимым цветом Тайного советника по колдовским делам. Голова у него была маленькая и лысая, казалось, какая-то она у него усохшая, вроде вялого яблочка. На крючковатом носу сидели массивные очки в темной роговой оправе, их толстые, как лупа, стекла ярко блестели, глаза за ними казались необычайно большими. Уши у колдуна были оттопыренные и походили на ручки кастрюли, а губы — тонкие и узкие, словно шрам от пореза бритвой. Так что в целом внешность колдуна назвать располагающей было трудновато. Но Вельзевула это ничуть не огорчало: уж кем-кем, а компанейским парнем он не был. Он предпочитал жить в полном одиночестве и заниматься своим делом тайно.

Но вот Бредовред остановился и задумчиво почесал лысину.

— Хотя бы эликсир номер девяносто два приготовить надо, — проворчал он. — Хотя бы девяносто второй... Только бы проклятый кот не помешал. — Он подошел к камину.

Над зеленым пламенем был установлен на железном треножнике стеклянный котел, а в нем тихонько булькал некий отварчик. Вид у отварчика был, прямо скажем, тошнотворный — он был черный, как деготь, и вязкий, как слизь улитки. Колдун помешал в котле палочкой из горного хрусталя. В то же время он в глубокой задумчивости прислушивался к завыванию метели, стучавшей оконными ставнями.

К сожалению, отварчик был не готов. Надо было, чтобы он еще час, а то и больше, побулькал на медленном огне, — лишь тогда эликсир приобретет волшебную силу.

Готовый эликсир должен был представлять собой абсолютно безвкусное зелье, которое можно добавлять к любым кушаньям или смешивать с напитками. Отведав эликсира, всякий сразу же начинал верить, будто бы все, что производится в колдовской лаборатории Вельзевула,

служит на благо человечества.

Вскоре после Нового года колдун собирался сбыть эликсир оптом в самые большие магазины города. Чтобы зелье продавалось в них под названием «Супербальзам бодрости».

Но пока что нечего было даже думать о продаже. Приготовление эликсира требовало времени — тут-то и была загвоздка.

Отложив трубку, Тайный советник окинул взглядом свою сумрачную лабораторию. Отблески зеленого огня плясали на древних и новых книгах, которые повсюду были свалены грудями. В этих книгах можно было отыскать любую формулу и любой рецепт, какой только мог понадобиться Бредовреду для разных колдовских экспериментов. В темных закоулках просторной залы таинственно мерцали реторты, колбы, бутылки, стеклянные змеевики. Жидкости всевозможных цветов переливались в них, вскипали и снова опускались на дно сосудов, пенились, пузырились, дымились... А еще здесь были компьютеры и электрические приборы с крохотными мерцающими лампочками. Машины тихо гудели и жужжали. В отдаленной темной нише то вспыхивали, то гасли красные и синие светящиеся шары, а под мерцающим хрустальным колпаком курился белый дым. И время от времени этот дым вдруг превращался в призрачный огненный цветок.

Как уже было сказано, Бредовред не отставал от века, а кое в чем даже опередил современную науку.

Но... в назначенный срок он не уложился — отстал от времени. Уж где отстал, там отстал...

Бредовред услышал чье-то негромкое покашливание и вздрогнул.

Обернувшись, он увидел, что в старинном кресле кто-то сидит.

«Ага, — подумал колдун. — Вот оно, началось! Главное теперь — не струхнуть!»

Конечно же, любой колдун, и уж тем более такой выдающийся чародей, каким был Бредовред, ничуть не смущается, если в его доме вдруг появляются всякие странные создания, причем сплошь и рядом они приходят без приглашения и не предупреждают о визите. Однако обычно в гости приходят самые заурядные призраки: кто-то, бывает, несет под мышкой собственную отрубленную голову, а то явится трехглазое шестирукое чудище или огнедышащий дракон, или еще какое-нибудь страшилище. Никто из таких гостей не испугал бы Тайного советника, ведь с ними он был накоротке и виделся чуть ли не каждый день, или каждую ночь.

Нынешний посетитель был совсем, совсем иного рода. Выглядел он, правда, как самый обыкновенный прохожий, который взял да и зашел на

огонек. Но был он необыкновенно обыкновенным, просто до ужаса обыкновенным. Поэтому-то Бредовред и потерял присутствие духа.

На госте был строгий черный плащ и черный котелок, на руках — черные перчатки, а на коленях он держал черный портфель. Лицо гостя ничего не выражало, оно было очень бледным, почти белым. Бесцветные, чуть на выкате глаза глядели пристально, не мигая. Век у него не было.

Бредовред Вельзевул решительно направился к посетителю.

— Кто вы? Что вам здесь нужно? Визитер не спешил с ответом. С минуту он разглядывал хозяина холодными лягушачьими глазами, потом наконец заговорил невыразительным бесцветным голосом:

— Имею ли я удовольствие видеть Тайного советника по колдовским делам, профессора, доктора наук Вельзевула Бредовреда?

— Имеете. Что дальше?

— С вашего позволения, я хотел бы представиться.

Не вставая с кресла, гость чуть-чуть приподнял шляпу. На секунду стало видно, что на гладком белом черепе у него торчат маленькие красноватые рожки, ни дать ни взять прыщики.

— Меня зовут Трупп. Могилус Трупп. Вельзевул твердо решил не подавать вида, что все это производит на него хоть какое-то впечатление.

— По какому праву вы нарушили мой покой? — спросил он.

— Позвольте вам заметить, уважаемый господин профессор, что столь глупый вопрос не стоило и задавать, — без улыбки сказал Могилу с Трупп.

Бредовред так стиснул пальцы, что раздался хруст.

— Уж не явились ли вы из...

— Именно так. Я оттуда, — сразу понял гость и показал пальцем в землю.

Бредовред проглотил комок, застрявший в горле, и ничего не ответил. Гость продолжал:

— Я прибыл по личному поручению Его Адского Превосходительства, глубокочтимого покровителя вашей персоны.

Колдун попытался изобразить радостную улыбку, но губы у него точно склеились намертво. Потом он с большим трудом выдавил:

— Какая честь!

— Да, господин профессор, высокая честь. Я прибыл к вам от самого министра Чернейшей Тьмы, Его Превосходительства господина Вельзевула. Вам оказана незаслуженно высокая честь, ибо вы носите его имя. Моя ничтожная особа является лишь исполнителем первого, низшего, разряда. Если я выполню поручение и Его Превосходительство останется доволен, то мне можно будет надеяться на скорое повышение по службе. Не исключено, что я стану тогда не просто злым духом, а начальником

собственного производственного участка.

Поздравляю вас, господин Трупп, заикаясь сказал Бредовред. — А в чем жесостоит ваша задача? — Колдун малость позеленел.

— Я нахожусь здесь исключительно в силу служебной необходимости, — заявил Трупп. — Можно сказать, я пришел к вам как судебный исполнитель.

Колдун смущенно кашлянул и осипшим от волнения голосом спросил:

— Но что... Во имя всех черных дыр Вселенной, чего вы хотите? Может быть, описать мое имущество? По-видимому, произошло какое-то недоразумение!

Там разберутся, с этими словами Трупп извлек из своего черного портфеля некий документ и протянул его Бредовреду. — Вам, уважаемый господин советник, несомненно знаком этот договор. Вы лично заключили его с моим шефом и собственноручно скрепили подписью. По данному договору ваш покровитель предоставляет вам чрезвычайные властные полномочия на срок до окончания текущего столетия. Поистине чрезвычайные полномочия — власть над всей природой и над вашими сородичами людьми. Со своей стороны, согласно данному договору, вы взяли на себя обязательство ежегодно прямым или косвенным путем уничтожать не менее десяти видов животных, как-то: бабочек, рыб, млекопитающих и прочая. Далее, вы обязались ежегодно загрязнять не менее пяти рек либо устраивать загрязнение только одной реки, но зато — пятикратно. Следующий пункт гласит: обеспечивать ежегодно гибель не менее десяти тысяч деревьев. И так далее, и так далее. Наконец, последний параграф: ежегодно устраивать не менее одной эпидемии, в результате которой должны погибать люди или звери, либо и те, и другие. И последнее: воздействовать на климат своей страны таким образом, чтобы осуществлялось смещение времен года, возникали засухи или наводнения. За истекший год вы, уважаемый, выполнили ваши обязательства лишь наполовину. Мой шеф весьма, весьма недоволен вами. Он... Чуть было не сказал, что он потерял самообладание. Вы ведь знаете, что может стрястись, если Его Превосходительство потеряет самообладание?.. Ну-с, вы, кажется, хотите что-то сказать?

Бредовред, который уже несколько раз безуспешно порывался вставить слово, затараторил:

— Да ведь старый год еще не кончился! Ах, ты Всемогущая Двуокись серы! Ведь сегодня — последний вечер старого года. У меня еще есть время до полуночи...

Могилус Трупп уставился на него холодными безвекиими глазами.

— Разумеется, есть. Но вы, что же, за какие-то несколько часов

надеетесь наверстать упущенное? В самом деле, уважаемый, у вас есть такая надежда? — Он мельком взглянул на часы.

Ну конечно! — уверенно, хоть и сильным голосом ответил Вельзевул. И тут же понуро повесил голову и пробормотал: — Нет, это нереально...

Гость встал и подошел к камину. На стене здесь висели разнообразные грамоты и дипломы в аккуратных рамочках, все они удостоверяли подлинность титулов Тайного советника по колдовским делам профессора Вельзевула Бредовреда. Как многие колдуны, Бредовред придавал огромное значение титулам и званиям. В одном из дипломов, например, значилось: «Чакчермаг», то есть член Академии Черной магии. В другом — «Доктор honoris causa», иначе — почетный доктор наук, в третьем — «Доц. Практ. Гнус» — доцент практических гнусностей. И еще: «Учашабброк» — участник шабаша на горе Броккен. И много еще было там разных титулов.

— Вот что. Послушайте меня. Давайте поговорим спокойно, — сказал Бредовред. — Дело ведь вовсе не в моей злой воле. Злой-то воли у меня предостаточно, поверьте.

— Неужели? — усмехнулся Трупп. Колдун достал платок и утер холодный пот с лысины.

— Я наверстаю упущенное. Так быстро, насколько удастся. Его Превосходительство может на меня положиться. Пожалуйста, передайте ему мое обещание.

— Наверстаете? — переспросил Трупп.

— Проклятье! — воскликнул колдун. — Поймите же, я не успел вовремя выполнить мои договорные обязательства, потому что так обстоятельства сложились. Дайте мне отсрочку, я все улажу.

— Обстоятельства? — Господин Трупп с необычайной заинтересованностью разглядывал почетные профессорские дипломы. — Какие же это обстоятельства?

Бредовред подошел к нему вплотную и, глядя куда-то на черный котелок гостя, сказал:

— Вероятно, вам известно, каких успехов я добился за последние годы. Мои достижения значительно превосходят то, что предусмотрено условиями договора.

Трупп обернулся и уставился в лицо Бредовреда стеклянным взглядом.

— Скажем так: успехи были удовлетворительными. Серединка на половинку.

От страха у тайного советника развязался язык, да так развязался, что начал заплетаться:

— Да нельзя же вести войну на уничтожение и думать, будто противник ничего не замечает! Именно из-за того, что я столь многого достиг,

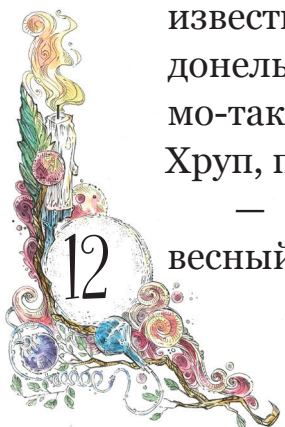

природа начала оказывать мне сопротивление. И она готовит ответный удар — она просто пока еще не знает, против кого этот удар следует направить. Первыми, конечно же, взбунтовались стихийные духи: гномы (Гномы (иначе «темные эльфы») — в скандинавской и германской мифологии живущие в пещерах подземные хранители горных сокровищ, искусные кузнецы.), кобольды (Кобольды — в ирландской мифологии домовые или духи, обитающие в пещерах, заброшенных шахтах.), ундины (Ундины — в европейской мифологии духи воды, русалки, прекрасные девушки (иногда с рыбьими хвостами).), эльфы (Эльфы — в германской мифологии духи в виде красивых маленьких человечков ростом с дюйм, в шапочках из цветов. Обитают на деревьях, ночью водят хороводы при луне, очаровывают музыкой своих слушателей и заставляют танцевать под нее даже неживую природу.). Они же — самые сметливые! Мне стоило невиданных усилий и огромных затрат времени поймать и обезвредить всех, кто изобрел способы и средства борьбы с нами и кто, следовательно, мог бы нарушить наши планы. Уничтожить вредителей, к сожалению, нельзя, они ведь бессмертны. Но мне удалось упечь их в надежное место, и я полностью парализовал их с помощью колдовства. Между прочим, моя коллекция заслуживает внимания — она там, в коридоре. Если вам угодно, пожалуйста, господин Струп, пойдите и сами взгляните...

— Трупп, — поправил гость. Приглашение осмотреть коллекцию он пропустил мимо ушей.

— Что? Ах, да, конечно! Извините, господин Трупп. — Колдун нервно хохотнул. — Все прочие стихийные духи были тогда не на шутку напуганы, попрятались в самые отдаленные уголки света. Так что от них мы избавились. Но пока я возился со стихийными духами, зародились подозрения у животных! Они созвали Высокий Совет зверей и на нем решили тайно разослать по всему свету наблюдателей. Эти наблюдатели должны установить, где источник зла. Как ни прискорбно, но даже в моем доме год назад завелся такой шпион. Это всего-навсего кот. К счастью, сообщает он туго. Сейчас он спит, вы можете, если вам угодно, взглянуть на него. Он, кстати, вообще очень много спит, и не только по природной своей склонности. — Колдун ухмыльнулся. — Уж я позаботился, чтобы кот не увидел, чем я тут занимаюсь. Он даже не догадывается, что мне стало известно, зачем он явился в мой дом. Я раскормил котикшу, избаловал донельзя, вот он и вообразил, что я большой друг животных. Он меня прямо-таки боготворит, этот жирный дуралей. Но вы, уважаемый господин Хруп, понимаете, конечно, что...

— Трупп! — на сей раз гость довольно резко оборвал этот словесный поток. На бледную физиономию Могилуса Труппа падал отблеск

беспокойного зеленого пламени, вид у гостя был просто жуткий.

Бредовред так и присел от страха.

— Простите! Простите! — Он ударил себя кулаком по лбу. — Я несколько рассеян сегодня, все из-за стресса. Для моих нервов выполнение договорных обязательств оказалось довольно большой нагрузкой, а ведь помимо того мне приходится постоянно водить за нос шпиона, который живет в моем собственном доме. Понимаете ли, этот кот хоть и глуповат, но видит и слышит превосходно, как все кошки. Я работаю в чрезвычайно сложных условиях, вы не можете этого не признать. Но главное — ушло много, много времени, уважаемый господин... э-э...

— Прискорбно, — перебил его Трупп. — Поистине, весьма прискорбно. Но все это — ваши проблемы, любезнейший. Договор останется договором. Или вы считаете, что я не прав?

Бредовред испуганно втянул голову в плечи.

— Поверьте, я давно подверг бы вивисекции (Вивисекция — операция на живом животном.) проклятого кота, я готов зажарить его живьем на вертеле или запустить на Луну. Но тогда Высокий Совет зверей наверняка забьет тревогу. Там ведь знают, что кот поселился у меня. А зверье одолеть гораздо труднее, чем гномов, кобольдов и прочий сброд, не говоря уж о людях. С людьми почти никогда не возникает осложнений. А вот кабана или кузнечика вы никогда не пытались загипнотизировать? Безнадежное дело! И если все звери на земле, большие и маленькие, однажды вздумают объединиться и пойдут на нас войной — тут не спасет никакое колдовство. А значит, необходима крайняя осторожность. Пожалуйста, разьясните это Его Адскому Превосходительству, вашему глубокоуважаемому шефу... Господин Трупп взял с кресла свой черный портфель, затем снова обернулся к колдуну.

— В мои служебные обязанности не входит посредничество при передаче каких-либо разьяснений.

— Что вы хотите сказать? — закричал Бредовред. — Его Превосходительство должен понять меня, ведь это в его же интересах! В конце концов, я не могу наколдовать... Нет, то есть... Колдовать-то я умею, конечно, но существуют известные пределы и прежде всего временные. Я тоже не живу вне времени. Да к чему вообще вся эта невыносимая спешка? Мир все равно скоро погибнет, ведь он идет кратчайшей дорогой напрямик к гибели! Неужели два или три года здесь что-то значат?

Что я хочу сказать? — Трупп с ледяной вежливостью стал отвечать на заданный Бредовредом конкретный вопрос. — Хочу сказать, что я вас предостерег. Я приду снова ровно в полночь, с наступлением Нового года. Такое я получил задание. Если до полуночи вы не совершите того

количества злодеяний, которое предусмотрено договором...

— Что тогда?

— Тогда вы, господин советник, понесете наказание за содеянное должностное преступление. Желаю веселой встречи Нового года!

— Подождите! — крикнул колдун. Только одно слово, господин Струп, э-э... господин Трупп, прошу вас!

Но гость уже исчез.

Колдун устало опустил в кресло, снял тяжелые очки и закрыл лицо руками. Если б колдуны умели плакать, он бы сейчас разревелся. Но из глаз Вельзевула выкатились лишь две сухие крупинки соли.

— Что же делать? — Колдун вздохнул. — Ради всех попыток и пыток, что же мне делать?

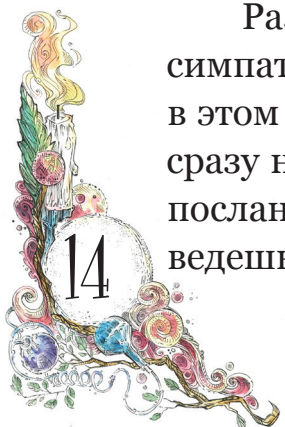
Волшебство — не важно, злое или доброе — занятие далеко не простое. Многие недоучки думают, правда, что достаточно пробормотать какое-нибудь тайное заклинание, фокус-покус, шурум-бурум, раз, два, три — и готово! Ну, в крайнем случае помахать вдобавок волшебной палочкой, вроде того, как дирижер машет перед оркестром — вот тебе и все, тут тебе и превращение, и наваждение, и еще что-нибудь в том же роде.

А ведь все совсем не так. Любое магическое действие невероятно сложно, для него необходим огромный запас знаний и масса принадлежностей, материалов и подручных средств, раздобыть их бывает очень трудно. А еще нужна длительная подготовка, — бывает, она отнимает много дней, а то и месяцев. Кроме того, магия всегда крайне опасна, потому что малейшая допущенная ошибка может привести к совершенно неожиданным последствиям.

Вельзевул Бредовред в развевающемся балахоне метался по залам и коридорам своей виллы, он в отчаянии искал средство, которое могло бы его спасти. Но при этом он слишком хорошо понимал, что уже не успеет ничего предпринять. Колдун стонал и завывал, как злой дух, бормотал, разговаривал сам с собой. Шаги его гулко отдавались в тишине.

Выполнить условия договора он не мог, речь шла только о том, чтобы спасти собственную шкуру, как-то спрятаться от адского судебного исполнителя Могилуса Труппа.

Разумеется, Бредовред мог бы превратиться, например, в крысу или в симпатичного снеговика, или в переменное электрическое поле. (Впрочем, в этом случае его было бы просто обнаружить, потому что во всем городе сразу начались бы телевизионные помехи). Но колдун отлично знал, что посланца Его Адского Превосходительства подобными фокусами не проведешь. Тот узнает Бредовреда под любой личиной.

Столь же безнадежной была и мысль о побеге куда-нибудь в дальние края — в пустыню Сахара или на Северный полюс, или на горные кряжи Тибета. Потому что пространства и расстояния для Труппа роли не играли. Колдун подумал даже, не спрятаться ли в городском соборе за алтарем или на колокольне, но тут же отбросил эту мысль. Ведь — как знать? — может быть, в наши времена слуги дьявола уже могут, коли им заблагорассудится, беспрепятственно разгуливать и в церквах?

Бредовред бросился в свою библиотеку, где на длинных полках стояли рядами древние фолианты вперемежку с последними новинками справочной литературы. Колдун пробежал взглядом названия на толстых кожаных корешках: «Ликвидация совести. Учебное пособие. Второй год обучения», «Практическое руководство по отравлению колодцев», «Толковый словарь проклятий и наговоров». Нет, не было здесь книги, которая могла как-то помочь колдуну в его нынешней безвыходной ситуации, и он в отчаянии забегал из комнаты в комнату.

Вилла «Ночной кошмар» представляла собой громадное мрачное здание. Снаружи всюду торчали бесчисленные башенки и балконы, а внутри было множество закоулков, извилистых коридоров и галерей, обветшавшие лестницы, затянутые паутиной сводчатые потолки. Все здесь было в точности таким, как мы представляем себе жилище злого волшебника. В свое время Бредовред сам начертил план виллы, потому что вкус в архитектуре у него был самый что ни на есть консервативный. В минуты хорошего настроения он называл виллу своим «хорошеньким уютным домиком». Но сейчас Бредовреду было не до шуток. Он шел по длинному сумрачному коридору. Слева и справа вдоль стен тянулись высокие стеллажи, а на стеллажах стояли сотни — нет, тысячи закупоренных стеклянных банок, вроде консервных. Это и была коллекция, которую колдун хотел продемонстрировать господину Могилусу Труппу. Он называл ее своим музеем естественных наук. Тут были всевозможные гномики, домовые, эльфы, кобольды и еще ундины — крохотные русалочки с пестрыми рыбьими хвостиками, а еще водяные, сильфы и сильфиды (Сильфы и сильфиды — духи воздуха.) и даже духи огня — саламандры (Саламандра — 1) дух огня в средневековой магии и алхимии; 2) животное, способное жить в огне.), которые когда-то имели неосторожность поселиться в камине Бредовреда. На всех банках были аккуратно наклеены этикетки с точным названием стихийного духа и указанием даты его поимки.

Волшебные существа сидели в своих стеклянных тюрьмах абсолютно неподвижно, потому что колдун всех их загипнотизировал. Если иногда он и будил кого-нибудь из стихийных духов, то лишь для того, чтобы

использовать для своих жестоких экспериментов.

Между прочим, среди пленников Бредовреда было одно на редкость уродливое маленькое чудовище, официально оно называлось «критик литературный», а в народе его называют еще «зануда неотвязная» или «придира-буквояд». Смысл существования подобных мелких тварей состоит в том, что они ищут, к чему бы придраться в той или иной книге. Никому еще не удалось до конца разобраться, для чего они вообще нужны. Бредовред, кстати, поймал и посадил Буквояда в банку как раз ради того, чтобы выяснить это путем длительных наблюдений. Чутье говорило колдуну, что Буквояд может пригодиться для всяких черных дел. Но сейчас это совершенно не интересовало Бредовреда. Он шел по коридору и рассеянно постукивал пальцем то по одной, то по другой стеклянной банке. Стихийные духи спали глубоким сном.

Наконец, колдун подошел к дверям маленькой каморки в дальнем конце коридора. Здесь висела табличка:

«Камерный певец Мьяуро ди Мурро»

Каморка была превосходно оборудована, здесь было все, чего только может пожелать избалованная и привыкшая к роскоши кошка. Вдоль стен были расставлены старые мягкие диваны и кресла, о которые так удобно точить когти, всюду валялись клубки шерсти и другие кошачьи игрушки, на особом низком столике стояло блюдечко со сметаной и несколько мисочек с разными кошачьими деликатесами. Здесь было даже зеркало, подвешенное на высоте кошачьего роста, чтобы обитатель каморки мог перед ним умываться и охорашиваться, любуясь собственной персоной. Но пределом кошачьих мечтаний была уютная корзинка — постелька с синими бархатными подушками и пологом.

В этой-то постельке спал, свернувшись клубочком, маленький толстый котик. Сказать «толстый» — значит, пожалуй, ничего не сказать, — дело в том, что котик был круглый как шар. А так как был он трехцветный — весь в рыжих, белых и черных пятнах, — то больше всего походил на туго набитую пеструю диванную подушку на четырех довольно коротких ножках, с жалким коротким хвостиком.

Чуть больше года тому назад Мьяуро пришел на виллу «Ночной кошмар» по заданию Высокого Совета зверей. И был он в то время больной, ободранный и такой отощавший, что все ребра торчали наружу, хоть пересчитай. Мьяуро пришел к Вельзевулу Бредовреду просто как бездомный кот и думал, что ловко провел колдуна. Очень скоро Мьяуро понял, что на улицу его не выгонят, наоборот, волшебник только и делал, что баловал да ублажал котика, и тут-то наш Мьяуро разнежился да и забыл, что пришел на виллу не просто так, а по заданию Совета зверей. Он начал

даже восхищаться своим хозяином! Впрочем, Мяуро и вообще легко приходил в восхищение по любому поводу, но скорей всего — от лести. И еще его приводило в восхищение то, что, по его мнению, соответствовало изящной жизни.

— Мы, принадлежащие к благородному обществу, — так он частенько говаривал Бредовреду, — знаем, что в жизни всего важнее. Даже испытывая нужду, бедствуя, мы помним, что в жизни всегда и во всем должен быть стиль.

«Стиль» — это было одно из любимых словечек Мяуро, хотя сам он вряд ли сумел бы объяснить, что оно, собственно, значит.

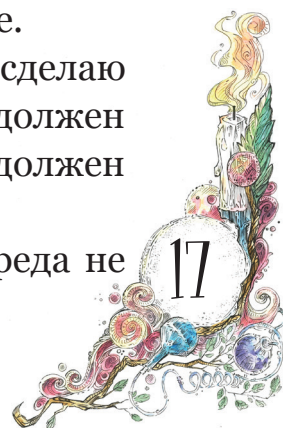
Спустя две-три недели после своего появления на вилле «Ночной кошмар» Мяуро сказал колдуну:

— Вероятно, в первую минуту вы приняли меня за самого заурядного бродячего кота. Я не в обиде. Ведь вы не могли предполагать, что я веду свое происхождение от древнего рыцарского рода. В династии ди Мурро было множество знаменитых певцов. Вам, должно быть, в это не верится, ведь я сейчас не в голосе. — И в самом деле, голос Мяуро походил скорее на кваканье лягушки, чем на мяуканье кота. — Но и я, — продолжал Мяуро, — был когда-то прославленным лирическим тенором, и самые непреклонные сердца смягчались при звуках моих любовных песен. Дело в том, что мои предки жили в Неаполе, а как известно, все поистине великие певцы родом из этого города. На нашем фамильном гербе начертан девиз: «Красота и отвага». Все коты, принадлежавшие к нашему роду, руководствовались в своей жизни этим девизом — служили красоте и совершали подвиги. Но, увы, я, заболел. В той местности, где я жил, все кошки однажды внезапно заболели. Во всяком случае, недуг поразил всех, кто питался рыбой. А именно рыбные блюда предпочитают благородные представители кошачьих. Рыба была отравлена, потому что была отравлена река, в которой ее ловили. Вот тогда-то я и потерял свой замечательный голос. И почти все кошки в тех краях упокоились навеки. Вся моя семья ныне пребывает на небесах у Всемогущего Котищи.

Выслушав эту историю, Бредовред притворился, будто бы он глубоко потрясен. На самом деле колдун отлично знал, почему река вдруг оказалась отравленной. Он высказал Мяуро глубочайшее сочувствие и даже назвал его «героем трагедии», чем чрезвычайно польстил котике.

— Доверься мне, — сказал колдун, — я берусь тебя вылечить. Я сделаю так, что голос к тебе вернется. Подберу хорошее лекарство. Но ты должен запастись терпением, лечиться придется долго. Главное же, ты должен выполнять все, что я велю. Согласен?

Конечно, Мяуро согласился. С этого дня он называл Бредовреда не

иначе как «дорогой маэстро». А про поручение Высокого Совета зверей почти совсем забыл.

Разумеется, Мяуро не подозревал, что колдун Вельзевул Бредовред с помощью Черного зеркала и прочих магических средств информации давным-давно узнал, с какой целью и кем прислан в его дом маленький котик. И Тайный советник по колдовским делам сразу же решил использовать слабости Мяуро в своих интересах, так, чтобы кот и навредить ему не мог и подвоха не заподозрил. Котик зажил как в раю. Он ел и спал, спал и ел, нагулял жирку и до того обленился, что даже мышей ловить перестал.

Но все-таки спать беспробудно неделями и месяцами не может никто на свете, даже кот. Так что и Мяуро время от времени просыпался, вставал на свои коротенькие лапки и, едва не волоча по полу толстый живот, бродил по вилле. Колдуну приходилось смотреть за ним в оба, иначе котик мог однажды застать его врасплох в самый разгар зловредной колдовской деятельности. Из-за этого Бредовред потерял массу времени и вот теперь оказался в страшном цейтноте.

Итак, колдун стоял над кроватью с бархатным пологом и кровожадно глядел на пестрый и пушистый живой шарик, что так уютно свернулся на синих бархатных подушках.

— Паршивое кошачье отродье! — прошипел колдун. — Вот кто во всем виноват!

Котик не проснулся, а только замурлыкал во сне.

— Все равно погибать, так хоть потешу себя напоследок, сверну коту шею, — пробормотал Бредовред, и его длинные костлявые пальцы потянулись к Мяуро. А тот, как по заказу, не просыпаясь, перевернулся на спину, растопырил все четыре лапы да так прямо и подставил колдуну горло. Но Бредовред вдруг передумал.

— Не стоит, — сказал он. — Какой от этого прок? Да и успею еще, уж на это время найдется.

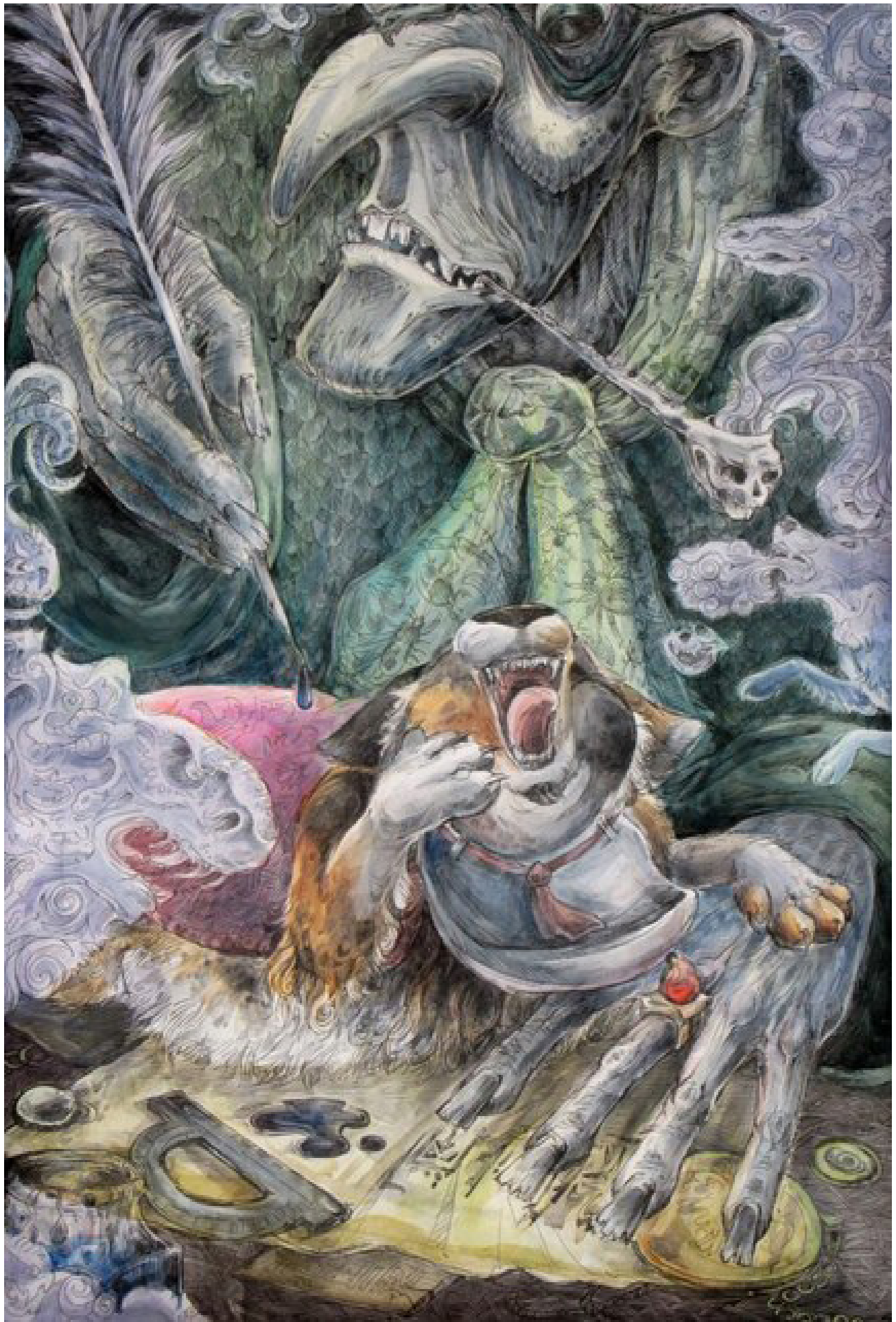
Колдун вернулся в лабораторию и сел за стол. Он решил написать завещание.

На лежавшем перед ним листке вскоре появились строки, написанные вычурным кудрявым почерком:

Моя последняя воля

В полном присутствии моих духовных сил я, Вельзевул Бредовред, Тайный советник по колдовским делам, доктор,

*профессор и прочая, и прочая... в возрасте ста восьмидесяти
семи лет, одного месяца и двух недель...*

Бредовред перестал писать и принялся грызть ручку, которая вместо чернил была наполнена синильной кислотой (Синильная кислота — яд, цианистый калий.).

В расцвете лет... вздохнул он. — Я так молод по сравнению с моими коллегами... И уж конечно, я слишком молод, чтобы отправиться в ад.

Тетке колдуна, ведьме, было уже под триста, но она еще бодро трудилась на своем поприще.

Бредовред слегка вздрогнул — это котикшка вдруг вскочил на письменный стол и зевнул, жеманно высунув язычок, потом вольготно потянулся, выгнув спину и чихнул несколько раз кряду.

— Фу-фу-фу! Чем это здесь так противно пахнет? — сказал Мяуро. С этими словами он преспокойно уселся прямо на завещание и принялся умываться.

— Как спалось, господин камерный певец? — раздраженно спросил колдун и спихнул котикшку с листка с завещанием.

— Не знаю, — жалобно пропищал Мяуро. — Я всегда чувствую себя таким усталым. Сам не пойму, отчего. А кто к нам приходил, пока я спал?

— Никто! — буркнул Бредовред сердито. — Будь любезен, не мешай мне. У меня срочная работа.

Мяуро поднял нос кверху и принялся.

— Очень, очень странный запах. Сюда приходил кто-то чужой.

— Что за ерунда! Не выдумывай! И все, хватит, теперь изволь молчать.

Кот начал умывать лапами мордочку, но вдруг замер и удивленно уставился на колдуна.

— Что стряслось, дорогой маэстро? У вас такой обескураженный вид.

Бредовред нетерпеливо отмахнулся.

— Ничего не стряслось! Послушай, оставишь ты меня наконец в покое или нет?

Но Мяуро и ухом не повел. Он снова уселся на завещание и стал мурлыкать и тереться мордой о руку колдуна.

— Я догадываюсь, чем вы так расстроены, маэстро. Сегодня, в канун Нового года, когда все веселятся и празднуют в дружеской компании, вы сидите всеми покинутый, один как перст. Мне вас очень жаль...

— Я не такой, как все, — буркнул колдун.

— О да! Вы гений и великий благодетель людей и зверей. А истинно великие умы всегда одиноки. Мне ли этого не знать... Но, быть может, вы сделаете сегодня исключение и выйдете немного погулять, чтобы

развеяться? Вам наверняка сразу станет легче.

— Типично кошачья мысль, — отрезал Бредовред, все более раздражаясь. — Не желаю никаких компаний и развлечений.

— Но, маэстро, — живо возразил Мяуро, — не даром ведь говорится, что разделенная радость — двойная радость!

Бредовред стукнул кулаком по столу и строго сказал:

— Наукой доказано, что часть чего-то всегда меньше целого. Я ничем ни с кем не делюсь! Запомни!

— Хорошо, хорошо, — испугался кот и поспешил добавить самым льстивым тоном: — Вы ведь не одиноки, маэстро. У вас есть я.

— Ну да. Только тебя мне и не хватало.

— Правда? — обрадовался Мяуро. — Вам меня не хватало?

Бредовред злобно фыркнул.

— Убирайся наконец отсюда! Пошел вон! Марш! Иди в свою каморку. Мне нужно спокойно подумать. Я занят серьезным делом.

— Не могу ли я быть чем-то полезен вам, маэстро? — услужливо предложил кот.

Колдун застонал и закатил глаза.

— Ну ладно, — сказал он затем со вздохом. — Если уж тебе так хочется помочь, то пойди и помешай девяносто второй эликсир. Вон там, в котле над огнем. И смотри мне, не засни, как в прошлый раз! Иначе такое может случиться... Уж и не знаю, что.

Мяуро спрыгнул со стола и переваливаясь с боку на бок побрел к камину. Взяв в передние лапы хрустальную палочку, он сказал:

— Определенно, этот эликсир — замечательное целебное снадобье. Может быть, это лекарство, которое вы так давно ищете, чтобы вернуть мне голос? — С этими словами Мяуро принялся осторожно помешивать черное варево.

— Да замолчишь ты наконец? Сколько раз тебе повторять! — злобно рявкнул колдун.

— Слушаюсь, маэстро, — с готовностью ответил Мяуро.

На некоторое время в зале лаборатории воцарилась тишина, слышен был лишь свист ветра за окнами.

Но затем кот снова нарушил молчание.

— Маэстро! — позвал он шепотом. — Маэстро, мне не дает покоя одна вещь...

Бредовред ничего не сказал, лишь с измученным видом подпер голову рукой. Мяуро продолжал:

— Я должен открыть вам тайну, которая уже давно отягощает мою совесть.

— Совесть... — Бредовред скривился. — Смотри-ка! Интересно, с каких это пор у котов завелась совесть?

— О, конечно, у котов есть совесть, — серьезно ответил Мяуро. — Не у всех, разумеется. Но уж у меня-то совесть есть, не сомневайтесь. Я как-никак отпрыск древнего рыцарского рода.

Бредовред откинулся на спинку кресла и со страдальческой миной закрыл глаза.

— Дело в том, что я — не тот, за кого вы меня принимаете, — запинаясь, признался Мяуро.

— Как все мы, — глубокомысленно заметил колдун.

Кот снова начал помешивать варево в котле.

— Все время, что я живу у вас, маэстро, я кое о чем умалчивал. И теперь я безумно этого стыжусь. Но я решил во всем вам признаться. Сегодня, в этот особенный вечер.

Колдун открыл глаза и внимательно посмотрел на кота сквозь толстые стекла очков. На губах у него заиграла ехидная усмешка, но кот ничего не заметил.

— Маэстро, вам лучше, чем кому-либо, известно, что всюду на свете творятся скверные дела. Звери и люди все чаще болеют, все больше деревьев гибнет, все сильнее загрязняются реки и моря. И потому мы, звери, уже довольно давно созвали большое собрание — тайно, конечно. И на этом собрании было решено следующее. Необходимо выяснить, кто или что является причиной всех наших бед. Чтобы это узнать, Высокий Совет разослал по свету тайных агентов. Вот и я, маэстро, пришел в ваш дом, чтобы шпионить за вами...

Кот замолчал и посмотрел на колдуна большими горящими глазами. Затем он продолжал:

— Поверьте, маэстро, мне было очень нелегко. Ведь подобного рода деятельность отнюдь не соответствует свойственному мне благородному образу мыслей. Но я был вынужден принять предложение Высокого Совета. Это был мой долг перед другими зверями. — Мяуро вновь умолк и лишь спустя несколько минут робко спросил: — Вы очень на меня сердитесь?

— Помешивай в котле, помешивай! — сказал колдун. Несмотря на дурное настроение, он едва удержался, чтобы не захихикать.

— Маэстро, вы прощаете меня?

— Ладно уж, Мяуро. Прощаю. Забудем эту историю.

— Ах! Какое благородное сердце! — взволнованно воскликнул кот. — Вот погодите — поправлюсь как следует, отдохну, и тогда я немедленно пойду в Высокий Совет зверей и доложу всем его членам о том, какой вы прекрасный человек. Сегодня, в канун Нового года, даю вам в том

торжественное обещание.

Упоминание о Новом годе разом испортило настроение Бредовреду, который только было немного повеселел.

— Что за сентиментальная чепуха! Перестань, — проворчал он. — Не действуй мне на нервы.

Мяуро опешил. Он совершенно не мог взять в толк, почему маэстро вдруг рассердился. В эту минуту в дверь постучали.

Колдун вытянул шею и даже привстал. Постучали снова — громко и четко. Мяуро застыл на месте с хрустальной палочкой в лапах и простодушно заметил:

— По-моему, стучат, маэстро.

— Цыц! Молчать! — шикнул на него Бредовред.

Ветер с силой ударил в ставни.

— Только не сейчас! — прохрипел колдун. — Клянусь всеми химическими зарядами и снарядами, так поступать непорядочно!

Постучали в третий раз и уже довольно нетерпеливо.

Колдун зажал уши руками.

— Оставьте меня в покое! Меня нет дома! Теперь вместо стука раздался настоящий грохот. Среди завываний вьюги послышался чей-то невнятный хриплый голос, и, кажется, довольно сердитый.

— Мяуро! Дорогой мой котик! — зашептал колдун. — Сделай милость, отопри дверь и скажи там, что я неожиданно уехал из дому. Скажи, что я поехал к тетке, к старухе Тирании Кровосос, встречать Новый год.

— Маэстро! — кот так и ахнул от удивления. — Да ведь это же чистейшая ложь. Вы действительно хотите, чтобы я такое сказал?

Колдун со стоном закатил глаза.

— Не могу же я сам это сказать!

— Хорошо, хорошо, маэстро. Для вас я готов на все.

Мяуро засеменил к двери, собрав все силенки, подтащил табурет, забрался на него и повернул огромный ключ. Замок щелкнул, тогда Мяуро повис на дверной ручке. Та опустилась, и порыв ветра резко распахнул дверь. По зале пронесся сквозняк, бумаги на столе взлетели вверх, а зеленые языки пламени в камине метнулись вниз.

Но за дверью никого не было.

Кот опасливо выглянул за дверь, вышел за порог, осмотрелся в темноте, потом вернулся в дом и отряхнул шерстку от снега.

— Никого нет, — сказал он. — Наверное, нам показалось. Ой, где же вы, маэстро?

Бредовред высунулся из-за высокой спинки кресла.

— Правда, никого?

— Можете не сомневаться, — уверил Мяуро.

Колдун выбежал в прихожую, с треском захлопнул дверь и запер ее на все замки. Потом вернулся в лабораторию, бросился в кресло и запричитал:

— Не могут подождать! Не терпится им довести меня до безумия!

— Кому не терпится? — удивился кот.

И тут в дверь снова застучали — теперь уже с бешеной силой.

Бредовреда прямо-таки перекосило от ужаса. Страх и ярость — вот что было написано на его лице. Вид был не из приятных.

— Ну нет, не выйдет! — сказал он. — Посмотрим еще, чья возьмет, посмотрим... — Он крадучись вышел в прихожую. Котишка угодливо затрусил следом.

На левой руке колдун носил перстень с большим рубином. Разумеется, это был волшебный рубин — он мог поглощать и накапливать огромное количество световой энергии. Когда рубин был хорошенько заряжен энергией, он превращался в страшное оружие.

Бредовред медленно поднял левую руку, прищурил глаза, прицелился — тонкий как нить алый лазерный луч с шипением метнулся в сторону входной двери и прожег в ее толстой средней доске крохотное дымящееся отверстие. Колдун выстрелил еще и еще раз, вскоре массивные деревянные доски превратились в настоящее решето. Световая энергия рубина была полностью исчерпана.

Ну вот и прекрасно, — сказал колдун и облегченно вздохнул. Теперь уж никто не помешает.

Он вернулся в лабораторию и снова сел за стол писать завещание.

— Маэстро! — в страхе пролепетал кот. — А вдруг вы ранили кого-нибудь там, за дверью?

— Значит, так ему и надо, — буркнул Бредовред. — Нечего шнырять возле моего дома. — Но ведь вы даже не знаете, кто это был! А что если это был кто-то из ваших друзей?

— У меня нет друзей.

— Ну тогда, кто-то, кому нужна помощь? — Колдун злобно хохотнул.

— Не знаешь ты жизни, мой маленький. Запомни: лучше всех стреляет тот, кто стреляет первым.

И тут снова раздался стук.

Бредовред ничего не сказал, но скулы у него заходили ходуном.

— Окно! — воскликнул Мяуро. — Маэстро, по-моему, стучат в окно.

Он вспрыгнул на подоконник, приоткрыл створку окна и посмотрел наружу в щель между ставнями. — Я кого-то вижу. Кажется, там какая-то птица. По-моему, это ворон или птица, похожая на ворона.

Колдун по-прежнему безмолвствовал. Он лишь выставил вперед

ладони, как бы защищаясь.

— Может быть, с кем-то случилась беда, — предположил котик и, не дожидаясь ответа, открыл ставни.

Вместе со снежным вихрем в лабораторию влетела птица. Она была такой ободранной, что походила на кривобокую картофелину, в которую воткнули несколько черных перьев. Птица опустилась на пол, с лету проехала еще немного на своих тоненьких ножках, наконец затормозила, и тогда взъерошила жалкие перышки и грозно разинула внушительных размеров клюв.

— Позор! Позор! Позор! — закаркала она, причем голосом внушительной силы. — А вы не торопитесь отворять дверь! Окочуришься, пока откроют! Да еще стрелять, ишь чего придумали! Вот, прошу полюбоваться на результат: единственное перышко в хвосте оставалось, и оно теперь пробито. Просто неприлично! Куда же это я попал?

И вдруг птица сообразила, что перед ней — кот, стоит и смотрит на нее горящими круглыми глазами. Ворон быстро спрятал голову под крыло, отчего весь он как будто сгорбился, и теперь уже вконец испуганно прокаркал:

— Караул! Враг всех пернатых! Ну все, приехали... Поздравляю! Ох, не кончится все это добром...

Мяуро, который за свою недолгую жизнь не поймал еще ни одной птички — не то что такой большущей и страшной птицы, — в первую минуту даже не понял, что «враг всех пернатых» это он самый и есть.

— Приветствую! — важно промяукал он. — Добро пожаловать, незнакомец.

Колдун меж тем по-прежнему хранил молчание, он удивленно и недоверчиво разглядывал странное пернатое существо.

А ворон понемногу освоился. Склонив голову набок, он поглядел на кота, затем на колдуна и наконец прокаркал:

— Господа, если вы не против, попрошу вас закрыть окно. Кроме меня, вряд ли сюда кто-то прилетит, а сквозняк вы устроили — ого-го! Провистит в два счета. А у меня и так резьма-тизма или как там это называется... Свербит, в общем, в левом крыле.

Кот затворил окно, спрыгнул с подоконника и принялся крадучись ходить вокруг ворона большими кругами. Он хотел всего лишь удостовериться, что с птицей все в порядке, однако, ворон, кажется, истолковал пристальное внимание кота по-другому.

К Бредовреду тем временем вернулся дар речи, и он приказал:

— Мяуро, спроси этого падалыщика, откуда он взялся и что ему здесь нужно.

— Моему доброму маэстро угодно узнать твое имя, — заговорил кот, стараясь выражаться аристократично. — Изволь сообщить нам также, с какой целью ты пожаловал.

Описываемые Мяуро круги становились все уже.

Ворон крутил головой, не спуская с кота глаз.

— Передай привет твоему маэстре, — тут ворон изо всех сил подмигнул коту. — Мое почтенное имя — Якоб Карр. Я, так сказать, воздушный гонец мадам Тирании Кровосос, высокочтимой тетуски твоего маэстры. — Тут ворон подмигнул другим глазом. — И, к вашему сведению, я вовсе не падальщик. Я старый, испытанный в жизненных передрягах ворон. Можно сказать, я ворон-горемыка. Ага. Вот именно. Горемыка.

— Надо же, ворон! — насмешливо сказал колдун. — А не представился бы, так мы и не догадались бы!

— Ха-ха, очень остроумно, — тихо, чтобы не услышал колдун, сердито каркнул Якоб.

— Горемыка? — участливо переспросил Мяуро. — Какое же у тебя горе? Говори без опаски, мой добрый маэстро тебе поможет.

— Мне не везет, мне во всем не везет, — мрачно ответил Якоб. — Вот хоть сейчас, например — на кого я нарвался? На кровожадного врага всех пернатых. И перья у меня все повыпали — это я однажды прямиком в ядовитое облако залетел. В последнее время их в небе все больше и больше, а почему — никто не знает. — Тут ворон опять подмигнул коту. — А своему доброму маэстре ты вот что передай. Если мой потрепанный наряд ему не нравится, так пускай не смотрит. Другого у меня все равно нет.

Мяуро обернулся к колдуну.

Вот видите, маэстро, беда-то с ним, выходит, все-таки случилась. Как я и говорил.

— Спроси-ка этого ворона, почему он тебе все время подмигивает, — сказал Бредовред.

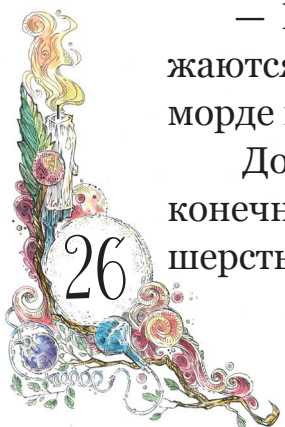
Якоб Карр поспешил ответить:

— Я не нарочно, господин советник. Не обращайтесь внимания. Просто нервы пошаливают.

— Так, так. И отчего же мы такие нервные? — с расстановкой произнес Бредовред.

— Потому что не по нраву мне такие вот надутые господа! И выражаются этак напыщенно, и когти-то у них вон какие острые, и две фары на морде вместо нормальных глаз.

До Мяуро все-таки дошло, что его оскорбляют. Снести обиду он, конечно же, не мог. Он соорудил как можно более суровую мину, распушил шерсть, прижал уши и профырчал:

— Маэстро, разрешите ощипать этого бесстыжего грубияна?

Колдун посадил кота к себе на колени и погладил.

— Потерпи немного, мой маленький герой. Успокойся. Он ведь сказал, что прилетел от моей высокочтимой тетушки. Послушаем, какие вести он нам принес. Сомневаюсь я, правда, что его словам можно верить. А ты как думаешь?

— Манеры у него, во всяком случае, отвратительные, — промурлыкал Мяуро.

Ворон яростно взмахнул крыльями и закаркал:

— Эх, поддать бы вам обоим под зад, да покрепче!

— Просто диву даешься, — сказал Бредовред, почесывая Мяуро за ухом, — просто диву даешься, какую вульгарную прислугу завела себя моя тетя. А ведь когда-то славилась взыскательностью...

— Что?! — рассвирепел ворон. — Ну, все! Это уж ни в какие ворота не лезет! Кто вульгарный? Я вульгарный?! По-вашему, это что — пустяки — лететь в буран и вьюгу, чтобы доложить, что моя хозяйка направляется сюда, в гости к вам? И прилетел-то аккурат к ужину, так нет же — ни крошки не предложат, маковой росинки не дадут, наоборот, того и гляди самого сейчас сожрут прямо с перьями. Попрошу еще раз повторить: кто здесь ведет себя вульгарно?

Бредовред встревожился:

— Что ты говоришь, ворон? Тетя Тирания идет сюда? Когда она прибудет?

Якоб Карр еще не остыл от гнева и скакал по полу.

— Сейчас! Прямо сейчас! Сию минуту! Вот-вот явится! С минуты и на минуту!

Бредовред поник в своем кресле и простонал:

— Ах ты, бородавка злокачественная... Не было печали...

Ворон поглядел на колдуна, склонив голову на бок, и довольно пробормотал:

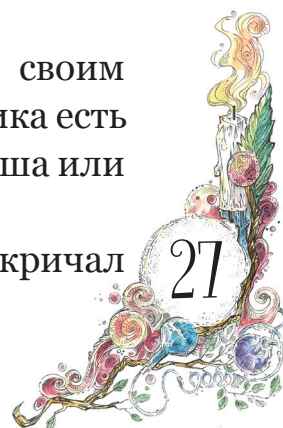
— Ага, кажется, я принес дурную весть. Для меня это характерно.

— Вот уже полвека, как я не встречался: лицом к лицу с тетей Тирашей, — причитал Бредовред. — И что это ей от меня понадобилось? И как раз сегодня, когда ее визит совсем не кстати.

Ворон взмахнул крыльями.

— Она сказала, что должна встретить Новый год вместе со своим горячо любимым племянником. И еще она сказала, что у племянника есть какой-то особый рецепт. Для приготовления какого-то особого пунша или еще чего-то там. Ей позарез нужен этот самый рецепт.

Бредовред сбросил с колен кота и вскочил. — Она все знает! — закричал

он. — Клянусь всеми язвами и нарывами, она решила воспользоваться тем, что я попал в затруднительное положение. Под личиной родственных чувств она хочет втереться в доверие и совершить хищение моей интеллектуальной собственности. Знаю я тетю, ох как хорошо знаю!

И тут Бредовред разразился очень замысловатой древнеавиловской, а может, древнегреческой бранью. При первых же словах все стеклянные сосуды задребезжали и зазвенели, а по полу так и покатались во все стороны шаровые молнии.

Мяуро, который еще никогда не видал своего маэстро в таком гневе, струхнул и одним гигантским прыжком взлетел в безопасное место — на голову акулье чучела, — оно висело на стене среди других трофеев колдуна.

Да только там Мяуро струхнул еще больше — потому что ворон тоже взлетел на чучело акулы и оба они, от страха сами не заметив, как это вышло, вцепились друг в дружку. В следующее мгновение кот и ворон в ужасе шарахнулись друг от друга.

А Тайный советник по колдовским делам трясущимися руками перерывал гору бумаг на своем столе. Расшвыряв все листки, он проревел страшным голосом:

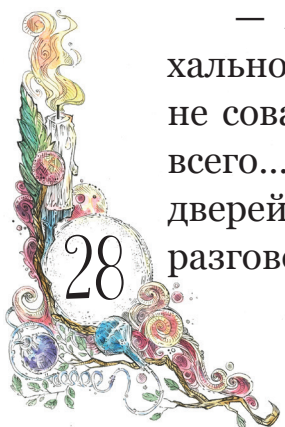
— Клянусь кислотными дождями, она не увидит ни одной запятой в моих бесценных вычислениях! Эта коварная гиена вообразила, что вот так задаром, за здорово живешь приберет к рукам результаты моих исследований. Ну нет, просчиталась тетушка. Ничего она не получит в наследство, ровным счетом ничего. Сию же минуту спрячу все бумаги с важнейшими формулами в тайник. Мой погреб надежно защищен от любого колдовства. Тетке туда ни за что не пробраться, да и вообще туда никто не залезет.

Бредовред припустил было к выходу, но вдруг остановился на полпути и стал оглядываться по сторонам, словно в поисках чего-то.

— Мяуро, пестицид (Пестициды — химические препараты для борьбы с сорняками, вредителями, болезнями культурных растений.) тебя побери, куда ты запропастился?

— Я здесь, маэстро, — промяукал кот, свесившись вниз с акульей головы.

— А ну слушай! Пока меня не будет, не спускать глаз с этой нахальной вороны, понял? И смотри мне, не спать! Следи, чтобы ворон не совал свой длинный клюв в дела, которые его не касаются. А лучше всего... Вот что, отведи-ка его в свою каморку, запи там и сторожи у дверей. И ни в коем случае не слушай, что бы он ни говорил, ни в какие разговоры не вступай. Вообще, смотри, чтобы он не втерся тебе в доверие.

Ты отвечаешь мне за ворона.

Бредовред бросился в коридор, ядовито-зеленый балахон развеялся за его спиной.

Кот и ворон остались вдвоем. Они сидели друг против друга, Мяуро смотрел на Якоба, Якоб — на Мяуро. Через некоторое время ворон спросил: — Ну что?

Что — ну что? — фыркнул кот. Ворон снова начал подмигивать.

— Так ты, что ли, ничего не кумекаешь, а, коллега?

Мяуро был сбит с толку, но он ни за что в этом не признался бы и потому сказал:

— Придержи-ка свой длинный клюв. Маэстро запретил мне болтать с тобой.

— Но он же ушел, — каркнул Якоб. — Мы, коллега, можем теперь наконец поговорить откровенно.

— Втереться в доверие задумал? Не выйдет! — сурово отрезал Мяуро. — И не надейся. Ты дерзок. Кроме того, у тебя нет стиля. Ты мне несимпатичен.

— Я никому не симпатичен. Чего уж там, я к этому давно привык. Но все-таки мы должны помогать друг другу. Ты — мне, я — тебе. Ведь такое у нас с тобой задание.

— Все, больше ни слова! — Котишка заурчал и постарался принять как можно более грозный вид. — Живо, идем в мою каморку. Прыгай вниз. И не вздумай предпринять попытку к бегству. Марш!

Якоб Карр лишь покачал головой и спросил:

— Ты и правда дурак или только притворяешься?

Мяуро не знал, как быть и что сказать в ответ. С той минуты, как они с Якобом остались наедине, ворон вдруг стал казаться ему очень-очень большой птицей, а уж клюв — теперь-Мяуро разглядел, какой острый и страшный у ворона клюв. Кот выгнул спину, усы у него встопорщились. У горемыки Якоба сердце отчаянно застучало от страха, он понял, что дело его плохо. Он послушно слетел на пол с акульей головы. Котишка, не ожидавший такого эффекта от своих слов, тоже спрыгнул вниз.

— Ты не тронь, не тронь меня — и тебя не трону я, — сказал Якоб и захохотался. Мяуро почувствовал себя хозяином положения.

— Марш вперед, чужак! — скомандовал он.

— Ох, пропала моя головушка, — печально прокаркал ворон. — Лучше бы сидеть мне в родимом гнезде с моей Кларой...

— Кто такая Клара?

— Ах, всего лишь моя бедная жена, — ответил Якоб и зашагал вперед, неуверенно переступая тонкими ножками. Кот пошел следом.

Они вошли в длинный темный коридор, где на стеллажах стояли стеклянные банки. И тут Мяуро, который успел кое о чем поразмыслить, спросил:

— А с какой стати ты называешь меня коллегой?

— Ох ты пресвятая веревка повешенного! Да потому что мы и есть коллеги. Или во всяком случае, раньше были коллегами.

— Кот и птица не могут быть коллегами ни при каких условиях, — надменно возразил Мяуро. — Смотри, не возомни о себе слишком много, ворон. Кошки и птицы — враги по своей природе.

— Правильно, — согласился Якоб. — Я хочу сказать, правильно, что по природе враги. По природе, когда все в порядке в этой самой природе. А если не все в порядке в природе, то враги по природе, бывает, становятся коллегами.

— Стой! Я ничего не понимаю. Вырази свою мысль яснее.

Якоб остановился и обернулся к коту.

— Ведь ты тоже выполняешь секретное задание. Ты следишь за своим маэстрой. Так или нет?

— Что? Как? — Мяуро вконец растерялся. — А ты что, тоже тайный агент? Но зачем же Высокий Совет зверей прислал сюда еще одного агента?

— Совет не сюда меня направил, — объяснил Якоб. — Вернее, сюда — не меня. Ох, от твоей тупости у меня просто ум за разум зашел! Ну, слушай. Я лазутчик в доме мадам ведьмы, такой же, как ты в доме твоего мосье колдуна. Дошло, наконец?

От изумления Мяуро так и сел.

— Ты правду говоришь?

— Это такая же правда, как то, что я птица несчастья, — со вздохом подтвердил Якоб. — Ты не будешь возражать, если я сейчас немного почищу перышки? А то — все зудит, прямо сил нету.

— О, конечно, пожалуйста! — Мяуро милостиво махнул лапой. — Мы ведь коллеги. — Он изящно уложил хвост вокруг передних лап и принялся наблюдать, как Якоб с наслаждением скребет и чешет когтями голову.

Кот вдруг почувствовал удивительную симпатию к этому старому ворону.

— Почему же ты сразу как-нибудь не намекнул, кто ты такой? — спросил он.

— А я намекал, — ответил Якоб. — Я же все время тебе подмигивал.

— Ах вот оно что! — воскликнул Мяуро. — Но ты мог бы и просто сказать. Что тут такого?

Теперь настала очередь Якоба удивляться.

— Сказать? Просто сказать? Чтобы твой хозяин услышал? Ну, котик, ты и впрямь светлая голова!

— Маэстро и так все знает.

Что?! — Ворон даже подскочил. — Он докопался до правды?

— Нет. Эту великую тайну открыл ему я. Ворон разинул клюв.

— Ох, нет... Не может такого быть, — прохрипел он наконец. — Сбил ты меня, влет сбил... Повтори, что ты сказал!

— Я не мог поступить иначе, — с важным видом начал объяснять Мяуро. — Было бы не по-рыцарски обманывать маэстро и дальше. Я долгое время за ним наблюдал и в конце концов пришел к выводу, что маэстро — благороднейшая личность, истинный гений, а значит, он достоин нашего доверия. Нельзя не признать, что сегодня он ведет себя довольно странно — что правда, то правда. Но со мной он всегда обращался как с принцем. А это говорит о том, что он добрый человек и благодетель животных.

Якоб в изумлении уставился на Мяуро.

— Нет, просто ушам своим не верю! Не может быть кот таким простофилей — разве что два или три кота суммарно. Но чтобы у одного-единственного кота было столько глупости... Да ведь ты, мой птенчик, все изгадил. Теперь всему крышка, план зверей, считай провалился, да еще с каким треском. Я давно это предчувствовал, с самого начала предчувствовал — быть беде!

— Но ты же совсем не знаешь моего маэстро, — обиделся кот. — Обычно он совсем не такой, как сегодня.

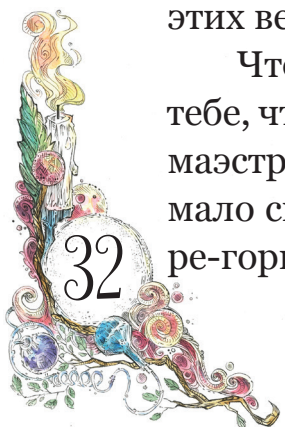
— Может, с тобой он и добренький. Да он же подмазал тебя! Ну, точно — жирком подмазал. Вон какой ты жирный!

— Как ты смеешь думать обо мне так плохо! — разъярившись не на шутку, прошипел кот. — Да что ты вообще смыслишь! Что ты знаешь о маэстро!

— А у тебя гляделки-то есть? Или нету? — закаркал Якоб. — Ты хоть вокруг поглядел бы! Что это там такое, а? Скажи, скажи, что это? — Ворон взмахнул крылом, показывая на полки с длинными рядами стеклянных банок.

— Как — что? Это лазарет, — ответил Мяуро. — Так мне сам маэстро сказал. Он старается помочь несчастным гномам и эльфам. Ах, да что ты в этих вещах понимаешь!

Что я понимаю? — Якоб Карр все больше выходил из себя. — Сказать тебе, что это такое? Тюряга! Камера пыток! Вот что это такое. Твой добрый маэстро на самом деле страшный злодей, такой злодей, каких на свете мало сыщется. Вот так-то, эх ты, олух... Ха-ха! Гений, благодетель! Ох, горе-горькое... Знаешь, что твой маэстро умеет делать? Атмосферу отравлять

— вот что он умеет! Загрязнять воду в реках, напускать болезни на людей и животных, губить леса и поля. В этих делах твой маэстро непревзойденный искусник, а больше он ничего не умеет.

Мяуро чуть не задохнулся от возмущения.

— Ты... Ты... Возьми свои слова обратно! Немедленно! Клеветник! Не то... Не то я... — шерсть у кота встала дыбом, он сделался чуть не вдвое больше обычного. — Я не потерплю, чтобы ты тут оскорблял великого человека! Извинись, не то я научу тебя вежливости, ты, висельник!

Но Якоба уже понесло, он не мог остановиться:

— А ну, подойди, подойди! Только тронь! Ты раскормленный маменькин сынок, слюнтяй, зажравшийся лоботряс! Да ты же ни на что не годен — только и можешь клубочками играть да дрыхнуть на диване! Ты, лизоблюд, а ну катись давай, не то я живо тебе перо вставлю да и пушу лететь напрямик домой, к твоей семейке, к твоим смазливym кискам с бантами на шее!

В глазах у Мяуро вспыхнули яркие огоньки. Я отпрыск древнего неаполитанского рода! Мои предки-рыцари жили еще во времена царя Котиллы! Я не потерплю, чтобы кто-то оскорблял моих родичей! И кто же?! Какой-то беглый каторжник, какое-то воронье отродье!

— Ха! Ха! Видать, предки-то умны были, да со временем порастрясли мозги, профукали на всякую ерунду, тебе ничегошеньки не осталось.

Мяуро выпустил когти.

— Да знаешь ли ты вообще, с кем разговариваешь, ты, метелка из перьев! Знай же: ты видишь перед собой великого артиста. Я знаменитый лирический тенор, я покорял самые непреклонные сердца своим пением. Пока не потерял голос...

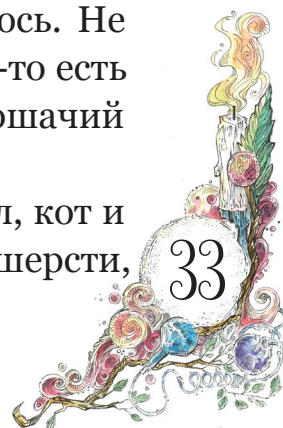
Старый ворон издевательски расхохотался.

— Как же, как же, поверил! Жди! Это ты-то холерический (Холерический (от слова холерик), быстрый, темпераментный) певец? С твоей-то жирной тушей и с заплывшими жиром мозгами? Смотри, не лопни! Ишь как надулся важно, ни дать ни взять ершик для бутылок!

— Невежда, профан, — с величайшим презрением прошипел кот. — Ты даже не знаешь, что такое лирический певец. А выражения свои ты, жалкий бродяга, почерпнул, не иначе, в сточной канаве.

— Вот уж на это мне наплевать. Как привык, так и выражаюсь. Не твоего это кошачьего ума дело, нечего мне клюв затыкать. У меня-то есть клюв, да какой острый, а у тебя — блохи одни, ты, блошивый кошачий принц...

И вдруг, сами не поняв, как это случилось и кто первым начал, кот и ворон сцепились и мигом сделались одним клубком из перьев и шерсти,

который покати́лся по полу. Дрались они так, что только ключья летели. Кот царапался и кусался, ворон клевал и щипал его клювом. Но поскольку силы у них были приблизительно равные, одержать победу не мог ни один, ни другой. То ворон пускался наутек, а кот мчался вдогонку, то, наоборот, кот удирал, а ворон гнался следом. И сами не заметили, как они снова очутились в лаборатории. Тут Якоб ухватил Мяуро за хвост и больно его прищемил, но и кот отчаянно драл ворона когтями, и наконец взял его в такой клинч (Клинч — запрещенный захват в боксе.), что у Якоба дух сперло.

— Сдавайся! — проорчал кот. — Не то убью!

— Нет, ты сдавайся, — просипел Якоб. — Не то оторву тебе хвост.

И тут оба они разом выпустили друг друга и едва дыша плюхнулись на пол. Котишка со слезами на глазах попытался распрямить свой хвост — тот согнулся крючком и выглядел теперь совсем не стильно. Ворон печально взирал на перья, которые валялись вокруг на полу, и думал, как худо ему придется без них.

Но, как часто бывает, после отчаянной драки противники почувствовали дружелюбие и готовность пойти на мировую. Якоб подумал, что не стоило так уж сильно грубить маленькому толстячку-коту. А Мяуро подумал, что был, пожалуй, несправедлив к бедному ворону-горемыке.

— Извини меня, пожалуйста, — промяукал он.

— И ты прости, — прокаркал Якоб. Спустя несколько минут Мяуро заговорил дрожащим голосом:

— Знаешь, у меня просто в голове не укладывается то, что ты сказал про маэстро. Неужели он мог так хорошо обращаться с великим артистом из кошачьего племени и в то же время быть таким подлым негодяем? Ведь так не бывает.

— Бывает, к несчастью. — Якоб грустно кивнул. — Бывает, бывает. Он, видишь ли, вовсе не обращался с тобой хорошо. Он только приручал тебя. Он тебя одурачил. Моя начальница, мадам Тирания, тоже пробовала меня приручить. Но я не поддался. Я только притворился, будто стал ручным. И она ничего не заметила. Выходит, это я ее одурачил, — ворон ехидно засмеялся. — И благодаря этому я многое разведal о мадаме, а заодно и о твоём распрекрасном маэстре. Кстати, где это он так долго пропадает?

Кот и ворон прислушались, но в доме было тихо. Лишь завывала вьюга, да ветер свистел за окнами.

Чтобы попасть в свои подвалы, надежно защищенные от любого колдовства, Вельзевул Бредовред должен был пройти через самый настоящий лабиринт подземных ходов. Каждый ход был с помощью магии заперт

на множество замков, каждая дверь отпиралась и запиралась путем длительных и сложных манипуляций. На все это требовалось огромное время.

Якоб придвинулся поближе к Мяуро и зашептал с заговорщицким видом:

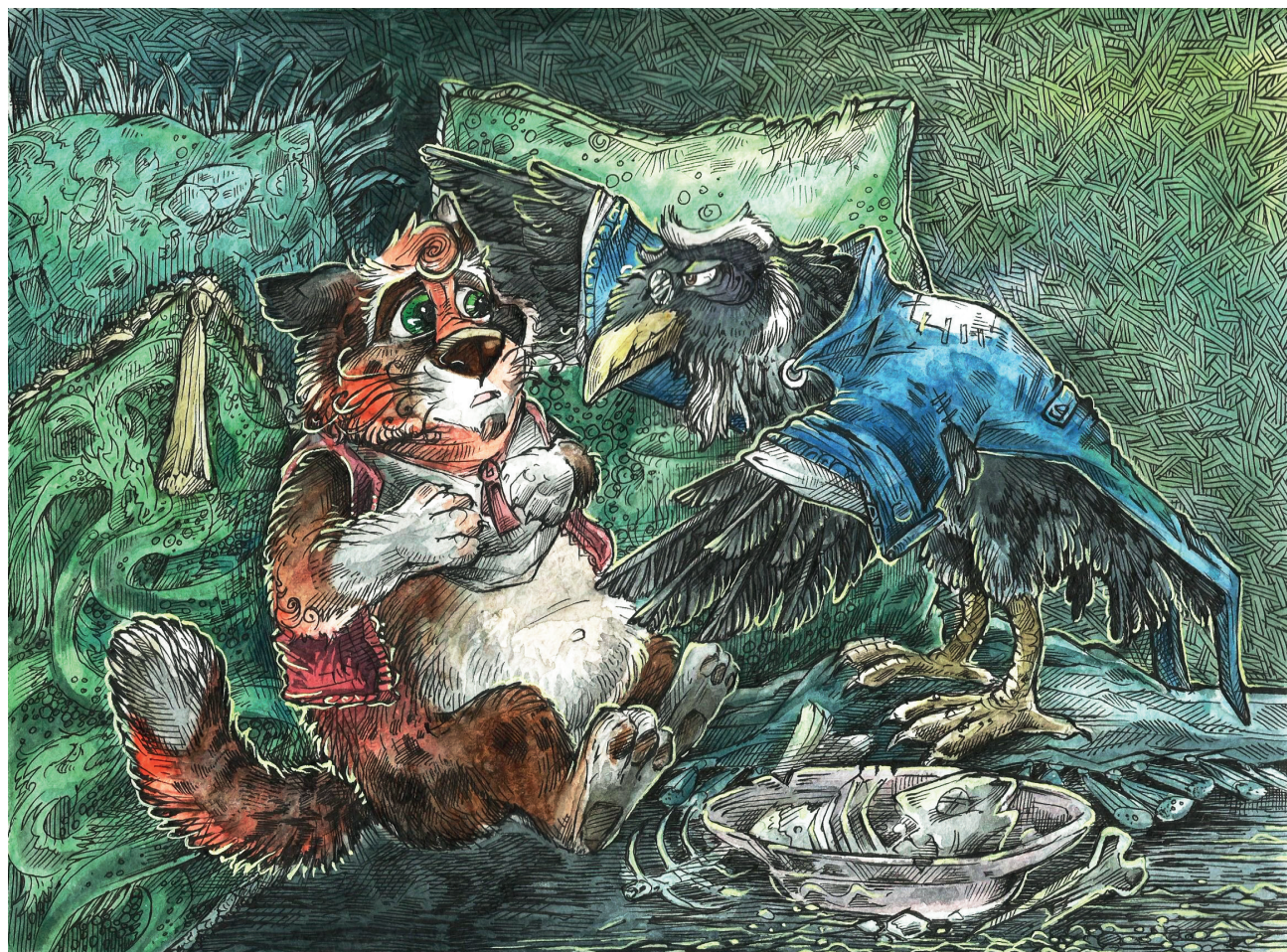
— Вот что, послушай-ка меня, котик. Моя мадама — она не только тетка твоего маэстры. Она платит ему деньги. Он продает ей все, чего она ни попросит, и мадама проворачивает колоссальные сделки со всей этой отравой, которую варит для нее твой маэстро. Мадама, она — бизнес-ведьма, понимаешь?

— Нет. Что еще за бизнес-ведьма? — удивился Мяуро.

— Я и сам точно не знаю, — признался Якоб. — Но она творит колдовские дела при помощи денег. Как-то она так устраивает, что деньги у нее сами собой множатся. В общем, оба они страшные, каждый по-своему. А уж если бизнес-ведьма и хим-колдун объединятся — тут кричи караул. Тут уж мрак настанет во всей Вселенной.

Мяуро вдруг почувствовал, что ужасно устал. Всего происшедшего оказалось для него слишком много, ему захотелось поскорее очутиться в уютной бархатной постельке.

— Раз ты все так хорошо знаешь, то почему же ты не пошел в наш

Высокий Совет и не рассказал там про все это? Давным-давно мог бы это сделать, — промяукал он довольно плаксиво.

— Я рассчитывал на тебя, — хмуро ответил Якоб. — Дело в том, что... Понимаешь, до сих пор у меня нет никаких доказательств, что эта парочка заодно. У людей — уж можешь мне поверить — деньги решают все. Особенно у таких людей, как твой маэстра и моя мадама. Ради денег они на все пойдут, а если есть деньги, значит, можно сотворить все, что угодно. Деньги — это их колдовское средство, вот что такое для них деньги. И поэтому мы, звери, до сих пор ничего не вывели. Ведь у нас-то ничего похожего на деньги просто не существует. Мне было известно, что в доме Вельзевула Бредовреда обитает один из наших агентов. Но я не знал, кто этот агент. Ну, подумал я, вместе с коллегой мы непременно раздобудем доказательства. Тем более сегодня вечером.

— А что будет сегодня вечером? — спросил кот.

И вдруг ворон закаркал — громкое и злое хриплое карканье раскатилось по всем закоулкам виллы. У котешки поджилки затряслись.

— Извиняюсь! — Якоб снова заговорил обычным голосом. — С нами, воронами, такое случается. Когда где-нибудь заваривается каша. Мы, понимаешь ли, заранее чувствуем всякие скверные вещи. Я еще не знаю, что затевает эта парочка, но готов поспорить на мои последние перышки, что затевают они жуткое людство.

— Жуткое — что?

— Ну, свинство ведь не скажешь. Свиньи — кому они что плохое сделали? Так вот. Теперь ты понимаешь, почему я примчался сюда темной ночью в бурю и вьюгу. Моя мадама не знает, что я здесь. Я, понимаешь, рассчитывал на тебя. Но ты, оказывается, выболтал тайну своему маэстре. Значит, всему крышка. Ох, в самом деле, лучше бы сидел я дома в теплом гнездышке с моей Амалией...

— Кажется, ты говорил, что твою жену зовут Кларой?

— Это другая, — недовольно каркнул Якоб. — И вообще, дело не в том, как зовут мою жену. Дело в том, что ты провалил дело.

Мяуро сконфуженно уставился на Якоба.

— Мне кажется, ты все видишь в черном свете. Ты пессимист.

— Правильно! — бесстрастно подтвердил Якоб. — И поэтому я почти всегда оказываюсь прав. Хочешь, поспорим, что я и в этот раз буду прав?

Котишка состроил упрямую физиономию.

— Идет. На что спорим?

— Если окажется, что ты прав, я проглочу ржавый гвоздь. Моя правда — значит, ты его съешь. Согласен?

Мяуро, с трудом сохраняя невозмутимый вид, согласился, однако

голос его при этом предательски дрогнул:

— Отлично. Договорились.

Якоб Карр кивнул. Затем он стал внимательно осматривать лабораторию. Мяуро семенил следом.

— Ты что же, ищешь ржавый гвоздь? — Ехидно поинтересовался он.

— Нет. Ищу, где бы нам получше спрятаться.

— Зачем нам прятаться?

— Затем! Надо подслушать, о чем будут говорить мадама и мосье.

Котишка остановился и возмущенно воскликнул:

— Нет! Такими вещами я не занимаюсь! Это — не мой стиль.

— Чего-чего?

— Я хочу сказать, подслушивать — это не по-рыцарски. Я на такое не пойду. Я не подонок!

— А я подонок, — спокойно сказал ворон.

— Да ведь нельзя подслушивать! Это некрасиво, — попытался объяснить Мяуро.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Я? — Мяуро на минуту задумался. — Я просто спросил бы маэстро. Напрямик. Честно и откровенно.

Ворон насмешливо поглядел на кота и каркнул:

— Караул — эк загнул! Честно и откровенно! Я тебе честно и откровенно скажу: честно и откровенно с ними говорить — это просто дурость.

Кот и ворон добрались до темного закоулка лаборатории, где стоял большой железный бак с поднятой крышкой. На баке была надпись: «Спецмусор».

Кот и ворон уставились на эту надпись. Ты умеешь читать? — спросил Якоб.

— А ты, что ли, не умеешь? — презрительно фыркнул Мяуро.

— Я никогда не учился читать, — сказал ворон. — Что тут написано?

Мяуро не отказал себе в удовольствии покрасоваться перед вороном:

— Здесь написано следующее: «Пищевые отходы». Или... Ах, нет, тут написано: «Горючее». Хотя, как же так? Ведь первая буква, кажется, «я»...

В эту минуту в шуме ветра за стенами виллы вдруг послышался какой-то новый звук, больше всего он был похож на отдаленный вой сирены. Звук быстро приближался.

— Мадама! — ахнул Якоб. — Она всегда прилетает с адским шумом. Она думает, много шуму подобает ее высокому положению. Скорей прыгай в бак. Ну, живо!

Якоб взлетел на край бака. Мяуро не решался прыгнуть за ним.

И тут где-то в камине раздался голос:

— Тра-ля! Тра-ля! А вот и я! Кто это — «я»? — Гостья твоя!

И мощный порыв ветра ворвался через дымовую трубу камина. Зеленые языки пламени прибило книзу, в залу лаборатории поползли густые клубы дыма.

— Ух! Это мадама! Скорей, котик, прыгай скорей! Чего ты ждешь?

Голос в камине раздавался все громче. Похоже было, что кто-то вопит, приставив к губам длинную трубу:

— Торговля! Сделки! Злой силы проделки! Деньги вперед — Даешь доход!

И вдруг в камине послышалось кряхтенье, а потом голос пробормотал:

— Минуточку... По-моему, я... По-моему, я застряла. А? Что? Ну-ка! Ага, все в порядке, пролезла.

Ворон подскочил на краю бака и закаркал: — Да скорей же, прыгай! Ну, живо, прыгай!

Котишка вспрыгнул на верх бака. Ворон подтолкнул его клювом к отверстию, потом и сам слетел в бак. В последнюю секунду они вместе захлопнули тяжелую крышку.

Пронзительный голос в камине теперь был совсем близко:

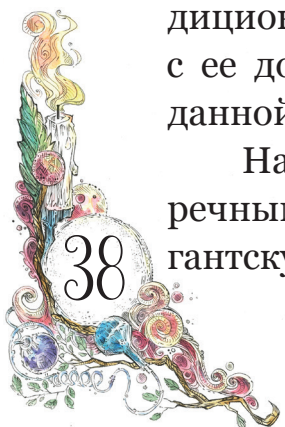
— Продадим весь белый свет За большой мешок монет. Все-все продадим, Всех-всех разорим! А как сбудем наш товар, То получим мы навар, Да еще проценты...

И тут из дымохода в камин посыпался настоящий дождь золотых монет. Деньги падали со звоном, котел, в котором варился эликсир номер 92, опрокинулся, варево зашипело на раскаленных углях. (Так что «Супербальзам бодрости» не скоро поступит в продажу). А прямо посреди языков пламени приземлилась Тирания Кровосос. Она пропищала тонким голоском:

— Где аплодисменты?

Как мы обычно представляем себе ведьму? Тощая и морщинистая древняя старуха с большущим горбом, с бородавками и щетиной на подбородке, с одним-единственным длинным клыком в беззубом рту. Но в наши дни ведьмы, как правило, выглядят совсем по-другому. Во всяком случае, Тирания Кровососс виду была полной противоположностью традиционной ведьмы. Она была маленького роста, особенно по сравнению с ее долговязым племянником Бредовредом, но зато отличалась невиданной толщиной. Что в высоту, что в ширину ведьма была одинакова.

Наряд ее состоял из шикарного платья цвета серы с черными поперечными полосами разной ширины, и потому ведьма походила на гигантскую осу. (Цвет серы вообще был ее любимым цвет.)

С головы до пят Тирания Кровосос была увешана украшениями, и все зубы у нее были золотые с блестящими бриллиантовыми пломбами. На каждом пальце, толстом как сосиска, сверкали кольца и перстни. А длиннющие ногти Тирании были выкрашены золотым лаком. На голове у ведьмы была огромная, величиной с автомобильное колесо, шляпа, а по краям полей были подвешены золотые монеты, которые звенели при каждом движении.

Тирания вылезла из камина и важно расправила плечи. В эту минуту она больше всего была похожа на торшер, причем такой, который стоит очень-очень дорого.

В отличие от ведьм прошлого Тирания не боялась огня, он не причинял ей ни малейшего вреда. Она сердито сбила ладонью язычки пламени, которые прыгали по ее нарядному платью.

Бульдожья физиономия бизнес-ведьмы с толстыми складками возле носа и обвислыми щеками была так ярко размалевана, что, глядя на нее, всякий невольно вспоминал витрины парфюмерных магазинов. Вместо дамской сумочки в руке у Тирании был небольшой несгораемый сейфик с секретным замком.

— Привет, привет, привет! — пропищала ведьма, причем постаралась пищать самым сладким голоском. А сама тем временем быстро огляделась вокруг. — Здесь что, никого нет? Э-эй! Малыш! Где ты, маленький мой?

Ответа не последовало.

Бизнес-ведьма терпеть не могла, чтобы пренебрегали ее особой. И обожала эффектно появляться, когда ее не ждали. То, что Бредовреда почему-то вдруг не оказалось в лаборатории, привело ведьму в ярость. Но не теряя времени даром, она принялась шарить в бумагах на письменном столе племянника. Долго шарить ей не пришлось — послышались шаги. Это Вельзевул вернулся наконец из подземелья. Ведьма поспешила на встречу племяннику с расprostертыми объятиями.

— Вельзевульчик! — засюсюкала она. — Мой дорогой племянничек! Ну-ка, дай на тебя посмотреть. Да ты ли это? Может, это не ты?

— Я тетя, я, — колдун скривился, силясь изобразить радостную улыбку. Тирания попыталась его обнять, но ничего не получилось — такая она была толстая.

— Конечно, это ты, мой дорогостоящий племянничек, — проверещала она. — Я сразу поняла, что это ты. Да и кем еще ты можешь быть, как не самим собой? Верно я говорю?

Ведьма захихикала и затряслась от смеха, так что зазвенели золотые монеты на ее шляпе.

Бредовред уклонился от теткиных объятий и буркнул:

— Я тоже сразу понял, что это ты, тетя. Тирания привстала на цыпочки и ущипнула племянника за щеку.

— Надеюсь, ты удивлен приятно. Или, может быть, ты ожидал визита какой-нибудь хорошенькой маленькой ведьмочки?

— Ну что ты, тетя Тираша, — хмуро возразил Бредовред. Ты же меня знаешь. Да и времени нет на такую ерунду. Работы много.

— Как же мне тебя не знать, мое золотко, — хитро улыбаясь, ответила Тирания. — Я знаю тебя лучше, чем кто-либо другой. Верно я говорю? Я как-никак тебя вырастила, и образование ты получил на мои денежки. И, как я вижу, живешь ты нынче неплохо. А все за мой счет.

Похоже, Бредовреду не слишком нравилось, когда ему напоминали о таких вещах. Он помрачнел еще больше и заметил:

— И тебе за мой счет тоже неплохо живется, тетушка. Достаточно только посмотреть на тебя, чтобы это понять.

Тирания выпустила племянника из объятий, отошла на шаг и угрожающим тоном спросила:

— Что ты хочешь сказать?

— О, ничего, ничего, — увильнул Бредовред. — Только то, что за последние полвека, с тех самых пор, как мы виделись в последний раз, ты ничуть не изменилась.

— А вот ты ужасно изменился и постарел. Бедный мальчуган!

— Ах, вот как! Что ж, должен сказать тебе, тетя, что ты ужасно растолстела. Бедная старушка!

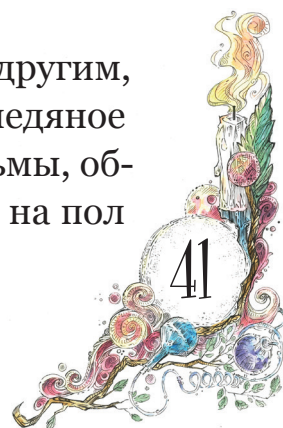
Секунду-другую они злобно смотрели друг на друга, потом Бредовред сказал примирительно:

— Как бы там ни было, хорошо, что мы оба остались в точности такими же, как прежде.

— Верно на все сто процентов, — кивнула Тирания. — И взаимопонимание у нас с тобой стопроцентное, как в старые времена.

Кот и ворон сидели в мусорном баке. Им было так тесно, что каждый слышал, как у другого бьется сердце. Они едва осмеливались вздохнуть. Колдун и ведьма еще некоторое время вели разговор в привычном для них дурашливом тоне. Было совершенно ясно, что и он, и она подстерегают друг друга и относятся друг к другу с недоверием. Но в конце концов, запас пустых слов и фраз у них иссяк.

Они уселись друг против друга и принялись наблюдать один за другим, как игроки перед началом партии в покер. В воздухе повисло ледяное молчание. Там, где сталкивались в воздухе взгляды колдуна и ведьмы, образовалась толстенная ледяная сосулька, спустя минуту она упала на пол и разбилась со звоном.

По лицу Бредовреда ничего нельзя было понять.

— Я так и думал, что ты пришла не просто ради того, чтобы выпить со мной новогоднего пунша.

Ведьма резко выпрямилась.

— С какой стати тебе вдруг явилась такая мысль? Как это ты до такого додумался?

— Да потому что сперва прилетел твой ворон — как его? Якоб Карр, что ли?

— Он был здесь?

— Да. Ты же сама его прислала.

— Я его не присылала, — сердито возразила Тирания. — Я хотела преподнести тебе сюрприз, нагрязнить неожиданно.

Бредовред улыбнулся — не сказать, чтобы улыбка была радостная.

— Не стоит относиться к пустякам так серьезно, дорогая тетя Тираща. Зато узнав, что ты придешь, я смог должным образом подготовиться к твоему визиту.

— Этот ворон слишком много себе позволяет! Распустился!

Знаешь, мне тоже так кажется. Невероятно дерзок и нахален. Ведьма кивнула.

— Он живет у меня уже около года, и с самого начала выяснилось, что характер у него настырный.

Колдун и ведьма немного помолчали, не спуская глаз друг с друга. Затем Бредовред спросил:

— Что же он знает о тебе и о твоих занятиях?

— Ровным счетом ничего, — ответила Тирания. — Он же простой пролетарий, что с него возьмешь?

Ты уверена?

— На все сто процентов!

Тут Якоб беззвучно захихикал и прошептал на ухо котишке:

— Вот как можно просчитаться!

Бредовред продолжал расспрашивать тетку:

— Почему ты вообще держишь у себя эту нахальную оципанную ворону?

— Потому что я очень много о нем знаю.

— И что же ты знаешь?

Засверкали бриллиантовые пломбы в золотых зубах ведьмы — она улыбнулась.

— Все!

— Что значит «все»?

— А то, что на самом деле этот ворон-шпион. Его подослал в мой дом

Высокий Совет зверей. Ему поручено шпионить за мной. Этот кладбищенский горемыка воображает себя великим умником. И он действительно до сего дня уверен, что я ничего не заметила!

Якоб чуть не щелкнул клювом с досады. Мяуро толкнул его в бок и прошептал:

— Вот как можно просчитаться, коллега!

Колдун в это время сказал, наморщив лоб и задумчиво покачивая головой:

— Смотри-ка! Ведь и у меня в доме с некоторых пор завелся шпион. Совершенно безмозглый кот, который вообразил себя певцом. Он легковверен, прожорлив и тщеславен, иначе говоря, характер у него прекрасный. По крайней мере, с моей точки зрения. Обезвредить такого шпиона было проще простого. Я его раскормил, напичкал до отвала едой и кое-какими одуряющими средствами. Так что он только и знает дрыхнуть с утра до вечера и с вечера до утра. Всем доволен и радуется жизни, маленький идиот. А меня чуть ли не обожествляет.

— Кот ни о чем не догадывается?

— Он сама доверчивость. Знаешь, тетя, какую штуку он сегодня выкинул? Признался мне во всем — и кто его сюда подослал, и с какой целью. Мало того — он еще и прощенья у меня просил. За то, что так долго меня обманывал. Представляешь, а? Каков простак!

Напряжение между ведьмой и колдуном разрядилось — оба громко расхохотались. Смеялись они на два голоса, но благозвучным этот смех трудно было назвать.

Мяуро не удержался и тихонько всхлипнул. Якоб, который хотел отпустить какую-то ехидную реплику, понял, как обидно котишке, и тактично промолчал.

— И все-таки необходимо соблюдать величайшую осторожность, мой мальчик, — сказала Тирания, внезапно снова став серьезной. — В моем и моем доме завелись шпионы. Это говорит о том, что мы на подозрении у Высокого Совета зверей. Интересно только, кто в этом виноват, а, маленький мой?

Бредовред дерзко посмотрел прямо в глаза тетке и сказал:

Ты меня спрашиваешь? Мне кажется, как раз ты, тетя, вела себя довольно легкомысленно. Откуда нам знать, что там у твоего ворона на уме? Надеюсь, этот пернатый хлыщ не испортит моего безмозглого кота, не внушит ему каких-нибудь вредных — для нас — идей.

Тирания оглянулась вокруг.

— Надо хорошенько допросить обоих, — предложила она. — Куда они запропастились?

— Они в кошачьей каморке, — сказал колдун. — Я велел Мяуро — коту — запереть там ворона и сторожить.

— Он выполнил приказ?

— Чтоб мне лопнуть, если не выполнил!

— Ладно. Пусть пока там и сидят, — решила ведьма. — Мы всегда успеем хорошенькоих потрясти. Сейчас есть более спешные дела, и я хочу обсудить их с тобой.

К Бредовреду мгновенно вернулась прежняя подозрительность.

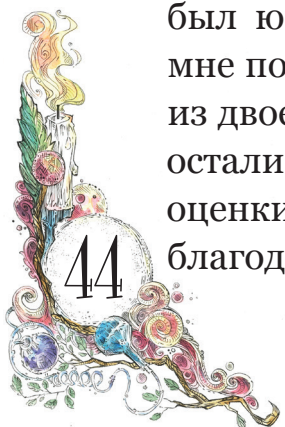
— Что же это за дела, тетя?

— Ты даже не поинтересовался, зачем я, собственно говоря, прибыла к тебе.

— Как же, как же, очень интересно.

Ведьма откинулась на спинку кресла и некоторое время пристально и строго смотрела на племянника. Бредовред понял, что сейчас ему придется выслушать одно из так называемых «наставлений с двойным дном». Он их ненавидел, потому что, читая ему нотации, тетка всегда преследовала какие-то тайные цели. Бредовред нервно побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, поглядел в потолок, начал насвистывать.

— Итак, слушай меня внимательно, Вельзевул, — заговорила ведьма. — Ты, в сущности, обязан мне всем, что у тебя есть. Ты хоть понимаешь это по-настоящему? Твои дорогие родители — моя прекрасная сестра Лилит (Лилит — по древнееврейской легенде, первая жена Адама, дьяволица. Ее имя часто упоминается в средневековых легендах.) и ее муж Асмодей (Асмодей — в древнеиранских и древнееврейских легендах имя демонического существа.) из-за злосчастной ошибки трагически погибли при кораблекрушении, которое сами же устроили. И я взяла тебя к себе. Я вырастила тебя, Вельзевул. У тебя было все. Когда ты был еще в нежном младенческом возрасте, я лично, вот этими руками, преподавала тебе первые уроки прибыльного истязания животных. Пришло время, и я отправила тебя учиться в Чертовы школы, в гимназии Содома и Гоморры (Содом и Гоморра — в Ветхозаветном предании два города, жители которых погрязли в распутстве и были за это уничтожены огнем, посланным с небес.), в колледж Аримана (Ариман — в иранской мифологии верховное божество зла.). Но характер у тебя всегда был трудный, золотко. Когда ты был юным студентом Магико-технического университета в Бесовбурге, мне постоянно приходилось покрывать твои проделки и вытягивать тебя из двоек. Что поделаешь, ведь из нашего рода на свете только мы с тобой остались. Все это обошлось мне в кругленькую сумму, ты знаешь. Хорошие оценки на экзаменах по аналитической демонографии ты получил только благодаря мне, потому что я пустила в ход связи — я ведь президентша

Международного акционерного общества злыдней. Я позаботилась о том, чтобы тебя приняли в Академию Черной магии. Я открыла тебе путь в Низшие сферы, и там ты лично познакомился с твоим покровителем и благодетелем, с тем, чье имя ты носишь. Короче, ты — мой должник, а значит, не откажешь мне в пустяковой просьбе. Выполнить ее тебе ничего не будет стоить, абсолютно ничего, ни гроша.

На лице Вельзевула промелькнуло хитроватое выражение. Если тетка начинала издали, дело всегда кончалось тем, что она пыталась так или иначе одурачить племянника.

— Что же, это ничего не стоит? Очень хотелось бы узнать, — не спеша спросил он.

— Ах, такая чепуха, даже слова тратить жалко. Среди вещей, которые достались тебе в наследство от твоего деда Велиала (Велиал — в иудейской и христианской мифологии демон, дух небытия, лжи и разрушения.) Бредовреда, была, если память мне не изменяет, одна древняя грамота, пергаментный свиток длиной метра два с половиной.

Бредовред неуверенно кивнул.

— Где-то в кладовой лежит, должно быть. Надо поискать. Я его убрал подальше, потому что он ни на что не годен. Когда-то этот свиток был, видимо, гораздо длиннее, но добрый дедуля Велиал однажды разорвал свиток пополам. В приступе ярости, которыми он так славился. Так что в наследство мне он оставил только половину свитка, уж такой злыдень был дедуля. А где другая половина — никому не известно. Кажется, на этом пергаменте был написан какой-то рецепт. Увы, от половины рецепта нет проку. И тебе, тетушка, половина рецепта тоже ни к чему.

— Ага! — Тирания засияла улыбкой, золотые зубы заблестели, словно желтые леденцы. — Раз уж ты, как я поняла, и в будущем рассчитываешь на мою финансовую поддержку, то не согласишься ли сделать мне подарок? Отдай мне этот ни на что не годный кусок пергамента.

Острый интерес тетки к старинной грамоте заставил колдуна насторожиться.

— Подарок? — Он точно выплюнул это слово, как что-то противное. — Я никогда неделаю подарков. Разве мне кто-нибудь что-то дарит?

Тирания вздохнула.

— Да... В общем я и рассчитывала на такой ответ... Погоди, погоди... — Она принялась ковыряться длинными золочеными ногтями в секретном замке своего сейфа-ридикюля. И при этом деловито пробормотала заклинание:

Маммона (Маммбн (Маммона) — древнееврейский демон богатства.),
всесильный князь мира сего! Господство твое не имеет предела. Ты

денежки делаешь запросто из ничего, А денежки — сила, они ведь решают все дело...

— Вот! — сказала затем Тирания. — Может быть, это тебя заставит поверить, что я забочусь лишь о твоей выгоде — как всегда. Тысяча, две тысячи... три, четыре... Сколько ты хочешь? — Она выудила из ридикюля несколько толстых пачек бумажных денег.

Бредовред оскалил зубы, точно череп скелета. Старая его тетушка допустила серьезный, очень серьезный промах. Колдун, конечно же, знал, что бизнес-ведьма может наколдовать столько денег, сколько пожелает — такая у нее была специализация в области черной магии. У самого Бредовреда подобных талантов не было, ведь он работал в другой отрасли. Но колдун знал и то, что тетка его — воплощенная скупость и никогда гроша не отдаст просто так, ради какой-то ерунды. Если она предлагает такие суммы, значит половина древнего свитка имеет для нее огромное значение.

— Драгоценная тетушка, — заговорил он, сохраняя невозмутимый вид. — Я не могу избавиться от чувства, что ты от меня что-то утаиваешь. Это нехорошо с твоей стороны, тетя Тираша.

— Сейчас же замолчи! — строго оборвала его ведьма. — Так дела не делаются. — Она встала, подошла к камину и, притворившись обиженной, сделала вид, будто смотрит на огонь.

— Эге, котик! — зашептал в эту минуту ворон своему товарищу по несчастью. — Слушай внимательно, да не клюй носом!

Мяуро вздрогнул.

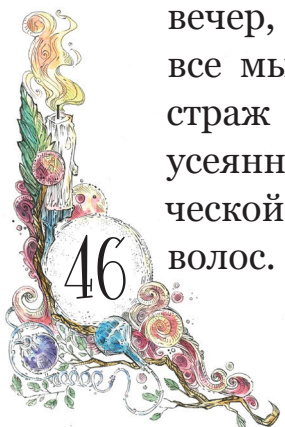
— Извини, — шепнул он. — Моя сонливость вызвана одуряющими препаратами. Если тебе не трудно, пожалуйста, ущипни меня, да покрепче.

Якоб выполнил его просьбу.

— Сильнее! — потребовал Мяуро.

Тогда Якоб ущипнул его так крепко, что кот едва не взвыл во весь голос, однако в последний миг он героическим усилием сдержался. Спасибо, — прошептал он со слезами на глазах. — Теперь долго не засну.

Знаешь ли, Вельзевул, — заговорила ведьма мечтательно, — в такой вечер, как нынче, я всегда вспоминаю старые добрые времена, когда все мы были вместе: дядя Цербер (Цербер — в греческой мифологии страж подземного мира мертвых, пес с тремя головами и туловищем, усеянным головами змей.) и его прелестная жена Медуза (Медуза — в греческой мифологии одна из трех дев Горгон со змеями на голове вместо волос. От взгляда Медузы люди обращались в камень.), малютка Нерон

(Нерон — римский император (54–68 гг. н. э.), известный своей лютой жестокостью.) и его сестричка, и мой кузен Вирус — он еще так за мной увивался! И твои родители, и дедушка Велиал — помнишь, как он качал тебя на коленях? А помнишь, как мы однажды выехали на пикник и до тла спалили целый лес? Грандиозное было зрелище...

— К чему ты клонишь? — мрачно спросил Бредовред.

— Я хочу купить у тебя пергаментный свиток, малыш. Просто мне хочется иметь такой вот сувенир. На память о дедушке Велиале. Продай! В знак родственного расположения ко мне.

— Тетя! Что за чепуху ты мелешь!

— Ну, ладно, — Тирания снова заговорила обычным тоном, лишенным всякой мечтательности, и снова запустила руку в сейф-ридикюль. — Сколько тебе нужно? Даю еще пять тысяч.

Вытащив несколько денежных пачек, она швырнула их на стол перед колдуном. При этом Тирания порядком разозлилась. На столе возвышалась уже довольно солидная куча денег — во всяком случае их было куда больше, чем мог вместить маленький сейфик-ридикюль.

— Ну? — Тирания начала терять терпение. — Здесь десять тысяч. Это мое последнее слово. Бери или кончим разговор.

Морщины на лице колдуна обозначились резче. Сквозь толстые стекла очков он уставился на деньги. Руки Вельзевула так и тянулись к пачкам, но он сдержался. В его отчаянном положении от денег все равно не было никакого толку. Но чем больше предлагала ему тетка, тем больше он убеждался, что на самом деле предлагает она сущие гроши. Бредовред решил во что бы то ни стало дознаться, что же у тетки на уме.

Он перешел к тактике неожиданных атак и сделал выстрел наугад:

— Ладно, ладно, старушка, — сказал он, стараясь сохранять спокойствие. — Я же знаю, что вторая половина свитка у тебя.

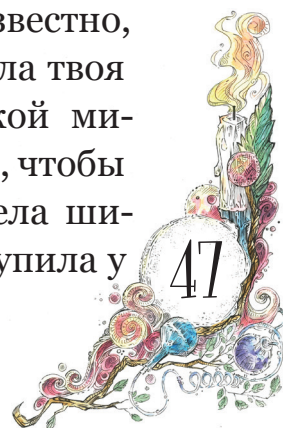
Тетка побледнела — даже толстый слой косметики этого не скрыл.

Откуда ты... То есть... Как же это... Опять ты выкинул один из своих паршивых фокусов!

Бредовред торжествующе улыбнулся.

— Ну да. И у тебя, и у меня есть свои способы получения информации. Тирания испуганно дернулась, но деваться ей было некуда.

— Хорошо, раз уж ты все знаешь... Когда-то давно мне стало известно, кому досталась в наследство вторая половина свитка — ее получила твоя троюродная сестрица, кинозвезда Мегера (Мегера — в греческой мифологии одна из трех эриний, богинь мести, являющихся на землю, чтобы возбуждать месть, безумие, злобу.) Мумия из Голливуда. Она вела шикарную жизнь и потому постоянно нуждалась в деньгах. Вот я и купила у

нее половину свитка. За чудовищную сумму, должна заметить.

— Ну вот, давно бы так. Теперь мы наконец приблизились к сути дела. Однако, боюсь, тетя, тебя здорово облапошили. Все, что происходит из Голливуда, чаще всего оказывается не аутентичным.

— Как ты сказал?

— Это значит не оригинальным, а наверняка какой-нибудь подделкой, имитацией. У них, в Голливуде, что ни возьми — все подделка.

— Нет. У меня подлинник. Уверена на все сто процентов!

— Ты показывала свой пергамент специалистам? Покажи его мне, я скажу, настоящий он или нет.

В глазах Бредовреда сверкнуло что-то хищное. Тетка капризно надула губы.

— Покажи твою половину, тогда я тебе покажу мою.

— Ах, да мне ведь совсем не интересно, — со скучающим видом ответил колдун. — Пусть твоя половина остается у тебя, а моя у меня.

Эти слова попали в цель. Тетка сорвала с головы гигантскую шляпу и принялась вытягивать из нее длинный пергаментный свиток, который был намотан с обратной стороны широченных полей. Вот, значит, для чего она надела этот немыслимый головной убор! И кстати, теперь стало видно, что у Тирании очень редкие крашенные в ярко-рыжий цвет волосы, на макушке они были закручены в малюсенький жалкий узелок, похожий на луковку.

— Вот. Подлинник. Подлинней не бывает, — злобно буркнула Тирания и протянула племяннику конец свитка.

Бредовред склонился над пергаментом, поправил на носу очки и разглядел причудливые письмена и знаки. По ним он сразу сообразил, что тетка сказала правду — это был подлинник.

Он хотел схватить свиток, но Тирания вовремя отскочила назад.

— Руки прочь, золотко! Посмотрел и хватит.

— Гм, — Бредовред потер подбородок, — похоже, это и в самом деле часть какого-то рецепта. И что же это за рецепт?

Тирания беспокойно заерзала на стуле.

— Просто не понимаю тебя, Вельзевул. Почему ты такой любопытный? Десять тысяч талеров — кругленькая сумма, такие денежки на дороге не валяются. Или ты вздумал еще меня помурить? Ах ты, пройдоха, ах ты висельник! Ну, так сколько? Торгуйся! Назови свою цену! — Она снова принялась вытаскивать из ридикюля пачки денег.

На лысине у колдуна выступил пот.

— Интересно, милая тетя, кто здесь на самом деле пройдоха и висельник? Вот что, довольно. Хватит вилять, тетя. Карты на стол:

что это за рецепт?

Тирания сжала пухлые круглые кулачки:

— Ах, чтоб у тебя каждый день был Черной пятницей! Вот ведь какой любопытный! Это всего-навсего старинный рецепт пунша. А мне вот охота выпить сегодня в новогоднюю ночь этого пунша, потому что он, как говорят, необычайно вкусный. Мы, гурманы, так уж устроены — любые деньги готовы заплатить, лишь бы полакомиться чем-нибудь особенно вкусеньким. А я известная лакомка.

— Вовсе нет, тетушка, — Бредовред покачал головой. — И тебе, и мне прекрасно известно, что вот уже лет сто или больше как у тебя начисто отшибло вкус. Ты же не отличишь малиновый сироп от серной кислоты. Кого ты надеешься обмануть, тетя?

Тирания затряслась от злости, вскочила и вперевалку затрусилась по лаборатории. Все время, пока шел разговор, она украдкой поглядывала на часы и с каждой минутой становилась все беспокойнее.

— Будь по-твоему, — вдруг выпалила она. — Открою тебе все. Ох и зловредный же ты упрямец! Но прежде поклянись Черным Дворцом финансов самого Плутоса (Плутос — бог богатства у древних греков.), что продашь мне свою половину пергамента.

Колдун пробормотал что-то невразумительное и едва заметно кивнул, вернее, как-то странно дернул головой — это можно было счесть кивком.

Ведьма придвинула свой стул поближе к племяннику, с пыхтеньем и сопеньем уселась и заговорица понизив голос заговорила:

— Итак, слушай меня внимательно. Это рецепт волшебного катастрофанархисториязвандалкогорючего кунштюк-пунша. В нем заключено одно из самых древних великих чудес всей Вселенной. Действует это волшебное зелье только в новогоднюю ночь. Кунштюк (Кунштюк — проделка, фокус.) в том, что пунш исполняет желания, а, как ты знаешь, в новогоднюю ночь все желания имеют особую силу. Сегодняшняя ночь будет как раз шестая из двенадцати ночей — шесть до и шесть после Нового года — в эти двенадцать ночей все силы тьмы привольно гуляют на просторе, ты же знаешь.

Объяснение названия «КАТАСТРОФАНАРХИСТОРИЯЗВАНДАЛКОГОРЮЧИЙ»

«Подобные длинные слова нередко встречаются в волшебных книгах. Называются такие слова словами-телескопами — вероятно, потому, что их можно растянуть в длину и наоборот сложить, как трубу телескопа или старинную подзорную трубу. Есть слова-телескопы, которые растягиваются

на несколько строк, а то и на целую страницу. А в некоторых, очень редких случаях, такое слово может даже заполнить целую главу в книге. Говорят, когда-то была такая книга, которая состояла из одного-единственного невероятно длинного слова. Волшебники и ведьмы считают слова-телескопы необычайно сильным колдовским средством. Составляются такие слова по довольно простым правилам, однако несмотря на кажущуюся простоту, соорудить такое слово бывает трудно. Дело в том, что последний слог одного слова должен просто или непросто совпадать с начальным слогом следующего слова, и так далее. И все слова, из которых состоит телескоп, должны хорошо подходить друг к другу по смыслу. В нашем слове-телескопе такие составные части: 1. Катастрофа 2. Анархист 3. История 4. Язва 5. Вандал 6. Алкогольный 7. Горючий. Из них можно сложить шесть „простых“ двойных слов (с одним сочленением): 1. Катастрофанархист 2. Анархистория 3. Историяязва 4. Язвандал 5. Вандалкаголь 6. Алкогогорючий. Из этих слов складываются пять тройных слов (с двумя сочленениями): 1. Катастрофанархистория 2. Анархисторияязва 3. Историязвандал 4. Язвандалкаголь 5. Вандалкогорючий. Из них составляются четыре четверных слова (с тремя сочленениями): 1. Катастрофанархисторияязва 2. Анархисториязвандалкаголь 3. Историязвандалкогорючий 4. Язвандалкогорючий. Из них складываются три дважды сдвоенных слова (с четырьмя сочленениями в каждом): 1. Катастрофанархисториязвандалкаголь 2. Анархисториязвандалкогорючий 3. Историязвандалкогорючий. Из этих слов получаем два спятеренных слова (по пять сочленений в каждом): 1. Катастрофанархисториязвандалкогорючий и 2. Анархисториязвандалкогорючий. И наконец — последнее, дважды строенное слово с шестью сочленениями: КАТАСТРОФАНАРХИСТОРИЯЗВАНДАЛКОГОРЮЧИЙ»

А с пуншем так: надо загадать желание, произнести его вслух и тут же залпом выпить полный бокал пунша — до дна. И желание исполнится. Гарантия стопроцентная.

Бредовред слушал разъяснения тетки и глядел на нее застывшим остекленевшим взглядом. В мозгу у него кипела работа. Когда колдун заговорил, голос у него от волнения сделался сишлым:

— Во имя вездесущего и всемогущего углекислого газа! Тетя, откуда ты все это узнала?

— Перед самым рецептом дается инструкция по применению пунша. Все на моей половине свитка. Ошибки быть не может — гарантия стопроцентная.

В голове колдуна мгновенно пронеслись тысячи мыслей, они вспыхивали и гасли, словно зарницы перед надвигающейся грозой. Будь у него

этот волшебный кунштюк-пунш, — мигом сообразил Бредовред, — он выкрутился бы из всех своих неприятностей и разом наверстал бы упущенное. Вот оно спасение! Оно здесь, рядом, только хватай! И уж тогда он покажет адскому судебному исполнителю, почем фунт лиха. Но конечно, чудодейственное зелье должно находиться в его, Бредовреда, безраздельной собственности. Ни за какие деньги он не уступит тетке свою половину пергаментов с рецептом, пусть хоть златые горы сулит! Нет уж, теперь Бредовред хотел сам заполучить вторую половину свитка, любой ценой, во что бы то ни стало. Пусть даже ради этого ему придется колдовскими фокусами сжить родную тетку со света или спровадить родственницу в другую галактику.

Но мечтать легко, а вот что-то сделать... Племяннику слишком хорошо было известно, какими могучими колдовскими талантами была наделена его тетка, понимал он и то, что теперь следовало держаться с нею как можно более осторожно. Чтобы Тирания не заметила, как сильно трясутся у него руки, Вельзевул Бредовред встал и, заложив руки за спину, прошелся по лаборатории. Потом он в задумчивости остановился возле железного бака с надписью «спецмусор», побарабанил пальцами по железной крышке, отбивая такт модного адского шлягера и вполголоса пропел:

*Уймись, волнение в крови,
— Дракула Розе сказал...*

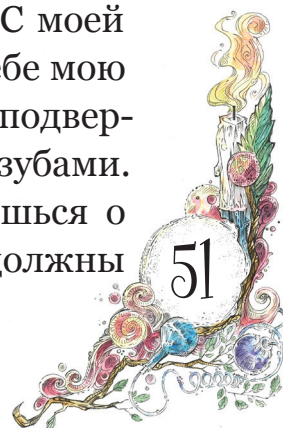
Кот и ворон, сидевшие в мусорном баке, съежились от страха, затаили дыхание и крепче вцепились друг в дружку. Все, о чем говорили колдун и ведьма, они слышали до последнего слова.

Бредовред резко повернулся и сказал:

— Боюсь, тетя Тираша, из этой затеи ничего не получится. Хотя и очень мне тебя жаль.

Ты забыла одну мелочь. Мелочь — это кот и ворон. Они ведь захотят присутствовать при нашей работе. Когда ты начнешь вслух называть свои желания, они все услышат. И уж тогда Высокий Совет зверей не даст тебе ничего сделать. А если мы посадим кота и птицу под замок или применим против них силу, то это опять-таки навлечет на нас подозрения. С моей стороны было бы безответственным поступком, если бы я отдал тебе мою половину рецепта. Я не могу допустить, чтобы ты, милая тетя, подвергалась такому большому риску. Тирания снова блеснула золотыми зубами.

— Как трогательно! Какая забота, малыш! Как ты беспокоишься о своей тете! Но все, что ты сказал — чепуха. Кот и ворон как раз должны

присутствовать. По-моему, самое главное повернуть наше дельце при свидетелях. Ведь в этом-то самое удовольствие и есть!

Колдун снова подошел к столу. — То есть как?

— Ведь речь идет не о каком попало волшебном напитке, — начала объяснять ведьма, — катастрофанархисториязвандалкогорючий волшебный пунш обладает одним совершенно исключительным свойством. И прямо-таки идеальным для нашей цели. Понимаешь, это зелье выполняет желания шиворот-навыворот. Пожелаешь всем доброго здоровья — начнется эпидемия, пожелаешь благополучия — настанет всеобщая нужда, попросишь мира — разразится война. Теперь, золотко, дошло до тебя, какое это великолепное зелье? — Тирания ажхрюкнула от восторга и продолжала. — Ты ведь знаешь, что я очень люблю всякие благотворительные мероприятия. Это просто моя страсть. Так вот, я устрою настоящий праздник... Ах, да какое там праздник — устрою оргию благотворительности, вот что я устрою!

Глаза Бредовреда засверкали за толстыми стеклами очков.

— Клянусь излучением стронция (Стронций — химический элемент, его излучение радиоактивно и опасно для жизни.)! — воскликнул он. — Значит, шпионы будут нашими свидетелями и скажут, что у нас на уме только хорошее. Что мы хотим осыпать благодеяниями несчастную страдающую Землю.

Тирания захохотала.

— Ох, какой славный получится новогодний праздничек! Я всегда о таком мечтала, с тех самых пор, как вызубрила наизусть таблицу умножения ведьмовских доходов.

Но тут племянник, перебив тетку, заревел громовым басом:

— И еще много веков спустя мир будет вспоминать эту ночь — ночь, когда разразилась величайшая катастрофа!

— И никто не будет знать, от кого пошло все зло! — захихикала ведьма.

— Никто, никто не будет знать, — ликовал Бредовред, — ведь мы с тобой, Тираша, ты да я, останемся чистенькими, как невинные овечки.

Тетка и племянник обхватили друг друга за бока и резво заскакали по лаборатории. Все колбы и пробирки заиграли пронзительно дребезжащий танец — Вальс смерти. Кресла и столы топали в такт ножками, зеленое пламя в камине ритмично подпрыгивало, и даже чучело акулы на стене щелкало в такт страшными зубастыми челюстями.

— Эге, котик, кажется, худо мое дело, — прошептал Якоб Карр. — С головой что-то странное творится...

— И с моей тоже, — тихо ответил Мяуро. — Все из-за этой какофонии.

Мы, вокалисты, вообще очень чувствительны ко всякому шуму.

— Может, вы, кошки — вокалисты, не вокалисты — и чувствительные, не знаю. Но нашему-то брату, воронью, любая музыка что с гуся вода.

— Или мне плохо от этих гнусных одуряющих препаратов? — предположил котик.

Тебе, может, от них плохо, но мне-то не от них, — шепотом заспорил ворон. — Ты уверен, что правильно прочитал надпись, которая там снаружи на нашем баке?

— А что? — Мяуро струсил.

— А то, что то, на чем мы с тобой сидим, может быть, какая-нибудь ядовитая гадость.

— Что?! Ты думаешь, мы отравились?

От ужаса котик чуть не выскочил из бака — рванулся вверх, но Якоб вовремя его удержал.

— Стой! Куда?! Надо дождаться, пока эти двое уйдут. Иначе мы пропали.

— А если они вообще никуда не уйдут?

— Тогда, — мрачно сказал ворон, — тогда все это плохо кончится.

— Прости меня, — горестно всхлипнул котик.

— За что?

— Я вообще не умею читать...

С минуту Якоб ничего не отвечал, потом вздохнул:

— Эх, лучше бы сидел я сейчас в родимом гнезде с моей Тамарой!

— Вероятно, Тамара — еще одна твоя жена? — осведомился Мяуро. Но Якоб не ответил.

Хим-колдун и бизнес-ведьма снова уселись в кресла — им надо было отдышаться. То и дело один из них злорадно посмеивался. Вельзевул протер рукавом балахона запотевшие стекла очков, Тирания осторожно, стараясь не размазать косметику, вытерла кружевным платочком пот со лба.

— Да, маленький мой, вот еще что, — сказала она как бы между прочим, — ты тут часто говорил «мы» да «мы с тобой». Так вот, чтобы не возникло недоразумений, скажу тебе прямо. Мне, конечно, нужна твоя половина пергамента. Понадобится и твое содействие в качестве эксперта. Но я тебе щедро заплатила и за то и за другое. Так или нет? А пить волшебный пунш и загадывать желания я, разумеется, буду сама. Твоя помощь не потребуется.

— Ошибаешься, тетушка, — сказал Бредовред. — Одна ты, чего доброго, наклюкаешься. Напиток-то алкогольный. Как бы ты не окосела. Ведь ты уже не молоденькая. Предоставь дело мне и ни о чем не беспокойся.

Можешь сказать мне о своих желаниях, я их загадаю вместо тебя. Только на таких условиях я соглашусь участвовать в предприятии.

От возмущения Тирания подскочила.

— Может быть, я ослышалась?! — закричала она. — Ты поклялся Черным Дворцом финансов самого Плутоса, что продашь мне свою половину пергамента!

Бредовред потер руки.

— Неужели? А я и не помню. Начисто забыл.

— Ради самого Нечистого, малыш! — взвизгнула тетка. — Нет, ты не посмеешь нарушить такую страшную клятву!

— Да не давал я никакой клятвы, — Бредовред ухмыльнулся. — Должно быть, тебе померещилось.

— И до чего же докатился наш древний род, — Тирания скорбно закрыла лицо руками, — если даже безобидная старая тетка уже не может доверять своему любимому племяннику...

— Прошу тебя, тетя Тираша, хватит городить чепуху!

Минуту-другую ведьма и колдун с ненавистью сверлили друг друга взглядами. Затем Тирания сказала:

— Если мы будем продолжать в таком духе, то просидим тут без толку до наступления Нового года и останемся каждый при своем интересе.

И бизнес-ведьма снова взглянула на часы. Было ясно, что она с трудом сохраняет самообладание. Обвислые щеки Тирании тряслись, тройной подбородок вздрагивал.

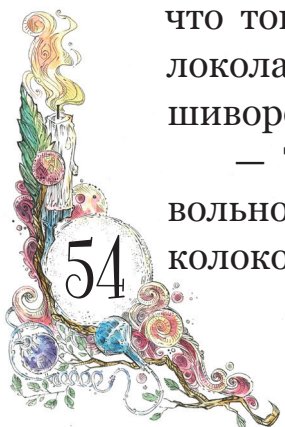
Бредовред испытывал тайное наслаждение от этого зрелища, хотя сам чувствовал себя ничуть не лучше. Много долгих лет он находился в зависимости от бизнес-ведьмы, и она при каждом удобном случае напоминала ему о его зависимом положении — теперь колдун злорадствовал и предвкушал, как наконец-то расквитается с тетушкой.

Он был бы не прочь растянуть это удовольствие подольше, но до полуночи оставалось всего несколько часов, нельзя было терять времени.

— Новый год наступит довольно скоро, — пробормотал он с рассеянным видом.

— Вот именно! — выпалила Тирания. — И знаешь ли ты, идиот, что тогда случится? Ровно в полночь с первым ударом церковного колокола волшебный пунш утратит свою способность исполнять желания шиворот-навыворот.

— Ты, наверное, как всегда, преувеличиваешь, тетя Тираша, — довольно неуверенно возразил колдун. — Я, конечно, тоже терпеть не могу колокольный звон, как услышу — непременно изжога начинается. Но что

бы ты ни говорила, я не поверю, что какой-то удар колокола может свести на нет всю inferнальную (Инфернальный — адский.) волшебную силу чудодейственного напитка.

— Ах, да не всю силу, — раздраженно ответила ведьма. — Не всю. Только его способность все переворачивать с ног на голову. А это гораздо хуже для нас. Ведь ложь станет правдой, понимаешь ты или нет? И все наши желания исполнятся в буквальном смысле.

— Погоди-ка, — колдун был сбит с толку. — Как это понимать?

— Да так, что нам надо непременно успеть сварить пунш до двенадцати часов, и чем раньше он будет готов — тем лучше. Я должна успеть выпить его до последней капли и высказать все мои желания до того, как начнется новогодний колокольный трезвон. Если не допить хоть капельку зелья, все пойдет насмарку. Ты только представь себе, что тогда будет: мои якобы добрые-предобрые пожелания не превратятся в свою противоположность, а будут исполнены в точности, слово в слово. Исполнятся и все пожелания, которые я выскажу вначале, и тоже — не шиворот-навыворот, а в буквальном смысле.

Кошмар! Ужас! — застонал Бредовред. — Чудовищно! Жуть!

— Ну вот, теперь ты понял, — кивнула Тирания. — Но если мы потопимся, все будет хорошо.

— Хорошо?! — Колдуна перекосило, точно от судороги. — То есть как это «хорошо»?!

— Я хотела сказать «плохо», — поправилась тетка. — Хорошо для нас, а для всех остальных плохо. Так плохо, что хуже и желать нельзя.

— Великолепно! Превосходно! Блистательно! Изумительно! — Бредовред пришел в восторг.

— Вот это ты верно говоришь, золотко, — сказала Тирания и потрепала племянника по колену. — Ну а теперь давай-ка берись за работу.

Однако племянник медлил в нерешительности. Увидев это, бизнес-ведьма снова принялась вытаскивать из сейфа-ридикюля пачки банкнот и выкладывать их на стол перед Вельзевулом.

— Может быть, это поможет твоему хилому рассудку окрепнуть, набраться сил и принять наконец решение. Вот тебе двадцать тысяч, пятьдесят, восемьдесят, сто! Сто тысяч. Все, это мое последнее слово. Ну, иди, принеси вторую половину свитка. Быстро, бегом! Не то я передумаю.

Но Бредовред даже не пошевелился.

У него не было никакой уверенности, что тетка не выполнит угрозу: ей ничего не стоило и впрямь передумать. Не было уверенности в том, что он выиграет последний раунд, поставив на карту все. И все-таки Бредовред рискнул. С каменной миной он объявил:

— Убери свои деньги, тетя Тираша. Они мне не нужны.

Тут ведьму прорвало. Она запыхтела и, вне себя от ярости швырнув в лицо племяннику еще несколько пачек, завопила:

— Вот! Вот, вот! Чего тебе еще нужно? Сколько ты хочешь. Говори, сын гиены! Миллион? Три? Пять, десять миллионов? Ну? Сколько? — Она запустила руки в гору денежных пачек и, словно обезумев, стала швырять деньги в воздух. Купюры запорхали под потолком, как мотыльки.

Наконец Тирания в изнеможении поникла в кресле и жалобно пропищала:

— Да что же с тобой такое творится, Вельзевульчик! Раньше тебя было так легко подкупить, ты был такой жадненький и такой вообще милый, славный мальчик. Отчего ты так изменился?

— Брось, тетя, не стоит. Или ты отдашь мне свою половину свитка, или расскажешь откровенно, для чего тебе нужен рецепт волшебного пунша.

Нужен? — Неуверенно переспросила ведьма, делая последнюю попытку обвести племянника вокруг пальца. — С какой стати ты решил, что он мне нужен? На что он мне? Я просто хотела побаловать себя вкусеньким под Новый год.

— Это уже не смешно, — сурово сказал Вельзевул. — У нас с тобой разное чувство юмора, драгоценнейшая тетя. Пожалуй, самое лучшее — бросить всю эту ерунду. Итак, кончено. Точка. Ну а теперь, не хочешь ли выпить чашечку чайку из головастиков?

Однако вместо того чтобы поблагодарить племянника за предложенное угощение, Тирания лишь больше рассвирепела. Под толстым слоем розовой — цвета поросенка — пудры ее лицо сделалось желтее охры. Тетка издала нечленораздельный возглас и взвыла, как корабельная сирена, вскочила и, будто капризный карапуз, затопала ногами.

Хорошо известно, что подобные взрывы гнева у ведьм и колдунов имеют совсем иные последствия, чем у капризных маленьких детей. Пол под ногами у Тирании затрещал и треснул с громовым треском. Из трещины рванулись языки пламени, поползли клубы дыма, и вдруг как бы из-под земли вырос гигантский пылающий красным огнем верблюд. Его голова на длинной и гибкой, как змея, шее разинула пасть, и верблюд громовым голосом заревел на Тайного советника по колдовским делам Вельзевула Бредовреда.

Но тот и глазом не моргнул.

— Очень прошу тебя, тетя, — сказал он устало. — Не надо портить паркет. И мои барабанные перепонки тоже пощади.

Тирания махнула рукой, и верблюд скрылся. Трещина в полу исчезла, не осталось даже следа. Но теперь тетка решила поразить колдуна

выходкой совершенно иного рода.

Ведьма заплакала.

Вернее, она сделала вид, будто плачет. Потому что не только злые волшебники, но и ведьмы не могут плакать настоящими слезами. Ведьма изо всех сил сморщилась, отчего ее лицо стало похоже на высохший лимон. Она терла глаза кружевным платочком и причитала:

— Ах, золотко мое, ну какой же ты нехороший мальчик! Фу, какой злой мальчик! Почему ты не слушаешься своей тети? Ты же знаешь, какая я нервная...

Бредовред поглядел на нее с отвращением.

— Неприятно, — сказал он. — В самом деле, крайне неприятно.

Тирания наудачу выдавила из себя парочку-другую рыданий, но затем решила, что не стоит дальше разыгрывать спектакль, и, всхлипнув еще разок для порядка, объявила:

— Ну, хорошо. Если я открою тебе все без утайки, ты со стопроцентной гарантией согнешь родную тетку в бараний рог. Ты бессовестно воспользуешься своим превосходством, знаю я тебя. Эх, да что толку рассуждать. Все равно я пропала. Слушай. Сегодня ко мне в дом явился некий Могилус Трупп, inferнальный чиновник. Пришел он по поручению моего покровителя, inferнального министра финансов Маммоны. И объявил, что сегодня ночью в двенадцать часов с наступлением Нового года я — именно я! — понесу тяжкое наказание. А виноват во всем только ты, Вельзевул! Я по уши в долгах из-за того, что я твоя начальница. Потому что это ты — ты! — кругом и всюду опоздал. Ты не справился с объемом работ, вот и застопорились все мои сделки, и я не успела натворить столько злых дел, сколько обязалась по контракту. И поэтому Низшие сферы там, под землей, предъявили мне счет. Меня ждет расплата! Вот какую награду я получила за приверженность родственным чувствам, за то, что субсидировала неспособного и ленивого племянника! И если ты хоть чуточку осознаешь свою вину, ты должен сейчас же отдать мне вторую половину свитка с рецептом. Тогда я сварю волшебный пунш. Это моя последняя надежда на спасение. Не отдашь — будешь предан самому страшному проклятью, какое есть на свете — проклятью богатой тетки, лишаящей племянника наследства.

Бредовред встал и выпрямился во весь свой огромный рост. Пока Тирания говорила, кончик носа у колдуна налился ярко-зеленым.

— Стой! — крикнул Бредовред и, словно защищаясь, поднял руку. — Остановись, не делай того, о чем потом будешь жалеть. Если все действительно так, как ты говоришь, то нам обоим не остается ничего другого — надо делать дело сообща. Ведь мы с тобой, милая тетя Тираша,

повязаны намертво. У меня тоже побывал сегодня этот inferнальный судебный исполнитель. И меня тоже в полночь накажут, если я не наверстаю все упущенное за год. Мы с тобой сидим в одной лодке, милая тетя, и либо вместе спасемся, либо вместе погибнем.

Тирания тоже встала и, задрвав голову, поглядела на племянника. В следующую секунду она простерла объятия и засюсюкала:

— Золотко мое, дай я тебя поцелую!

— Потом, потом, уклонился Бредовред. — Сейчас есть более важные дела. Надо немедленно приступать к нашей общей работе — приготовлению катастрофанархисторияз-вандалкогорючего кунштюк-пунша. А потом вместе его выпьем — бокал я, бокал ты, и так далее, и будем по очереди высказывать пожелания — сперва я, потом ты, потом снова я...

— Нет, — перебила его тетка, — лучше сперва я, потом ты.

— Можно кинуть жребий, — предложил колдун.

— Жребий так жребий.

И каждый про себя подумал, что найдет способ одурачить другого, когда они станут тянуть жребий. И каждый знал, что другой так думает. Ничего удивительного: ведь они как-никак были родственниками.

— Так я пойду, принесу мою половину пергамента.

— И я с тобой, малыш, — сказал тетка. — Доверяй, но проверяй, правильно я говорю?

Бредовред быстро зашагал к дверям, Тирания с удивительным проворством припустила следом.

Едва стихли вдали шаги этой парочки, котикша стремглав выскочил из мусорного бака. Голова у него кружилась, чувствовал он себя хуже некуда. Вылетел и ворон, которому было ничуть не лучше.

— Ну что, все слышал? — спросил он.

— Да, — ответил Мяуро.

— И все понял?

— Нет.

Зато я все понял, — заявил ворон. — Ну, кто выиграл спор?

— Ты выиграл, — признал Мяуро.

— Как насчет того, чтобы слопать ржавый гвоздь, коллега? Кто его должен съесть?

— Я, — сказал кот и тут же патетически воскликнул: — Да будет так! Все равно меня ждет смерть!

— Ерунда! — прокаркал Якоб. — Это же просто шутка. Забудем о нашем споре. Главное, теперь ты убедился, что я всегда прав.

— Именно поэтому я и хочу умереть, — с трагическим видом заявил

Мяуро. — Рыцарь и лирический тенор не может пережить такого позора. Тебе этого не понять.

— Э, брось, нечего тут так напыщенно выражаться, — сердито сказал Якоб. — Окочуриться всегда успеешь. Сейчас надо подумать о более важных вещах.

И Якоб запрыгал на своих тоненьких ножках по лаборатории.

— Правильно. Отложим мою гибель на более поздний срок, рассудил Мяуро. Прежде я скажу этому бессовестному негодяю, которого я называл раньше «моим дорогим маэстро», все, что я о нем думаю. Брошу ему в лицо все мое презрение! Пусть он узнает, что...

— Ничего такого ты не сделаешь, — оборвал его Якоб. — Или опять хочешь все дело изгадить?

Глаза Мяуро горели отчаянной решимостью.

— Я не боюсь! Я непременно должен дать выход моему негодованию! Иначе я сгорю со стыда. Пусть он узнает, какого мнения о нем Мяуро ди Мурро!

— Ну, ну, ну! Очень ему интересно знать твое мнение, — сухо возразил Якоб. — Вот что, послушай меня наконец внимательно, ты, гомерический (Гомерический — необычайный по силе, богатырский) тенор! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы эти двое пронюхали, что мы знаем, что у них на уме.

— Почему нельзя? — удивился котик.

— Потому что пока они не знают, что мы все знаем, мы еще, может быть, сумеем им помешать, понял?

— Помешать? Но как?

Ну, хотя бы... Ох, я и сам еще не знаю, как. Надо как-то устроить, чтобы они не успели вовремя приготовить свое колдовское пойло. Станем валять дурака, прыгать, опрокинем посудину, в которой они сварят это зелье. Или... Э, чего там! Что-нибудь придумаем. Главное, нам надо все время держать их на мушке.

— На чем держать?

— Эх, желторотый ты птенец, несмышлениш! Мы должны очень внимательно за ними следить. Глаз с них не спускать — кумекаешь? За каждым шагом следить. А для этого надо, чтобы они не поняли, что мы подслушали их разговор. Ведь сейчас это наш единственный козырь, коллега. Теперь, наконец, сообразил, куда ветер дует?

Якоб взлетел на письменный стол.

— Ах вот оно что! Да ведь это значит, что судьбы всего мира в наших когтях, — изумился Мяуро.

— Вроде того, — ответил ворон, расхаживая по столу среди бумаг. — Я,

впрочем, не сказал бы «в когтях»...

Мяуро ударил себя лапой в грудь и забормотал:

— О великий подвиг мой! Так назначено судьбой!.. Рыцарь благородный я! Нет, не устрашат меня... — Он запнулся, сиюсь припомнить дальше слова знаменитой кошачьей арии, но тут Якоб закаркал:

— Эй, скорей, скорей! Иди сюда.

Ворон обнаружил на столе половину пергаментного свитка, которая принадлежала Тирании. Якоб внимательно рассматривал свиток, прищулив один глаз.

Котишка миглом вскочил к нему на стол.

— Смотри! Смотри! — каркнул ворон. — Вот бросим сейчас эту штуку в огонь, и никакого волшебного пунша просто не будет. Твой маэстро ведь сказал, что ничего не сварит, если у него будет только одна половина свитка.

— Я знал, я был уверен, что у нас родится блестящая идея! — воскликнул Мяуро. Итак, прочь пергамент! В огонь его, скорее! А когда негодяи начнут искать свиток, мы выйдем вперед и скажем, что...

— Что виноват ветер, — подхватил Якоб. — Именно так и скажем. Если вообще придется что-то говорить. А лучше сделаем вид, что знать ничего не знаем. Ты думаешь, мне очень хочется, чтобы они в конце концов свернули мне шею?

— Все-таки ты очень зауряден, — спустившись с небес на землю, сказал Мяуро. — Ты чужд высоких материй.

— Верно, — согласился Якоб. — И потому я до сих пор не издох. Ну-ка, берись с той стороны!

Они взялись за концы пергамента, и вдруг свиток сам собой взвился и поднялся высоко вверх пергаментной спиралью, точно огромная кобра перед заклинателем змей. У наших героев шерсть и перья встали дыбом. Они ухватились друг за дружку и испуганно уставились на раскачивающийся высоко вверху конец свитка, который, казалось, вот-вот бросится на них.

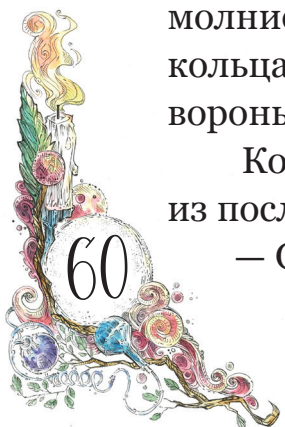
— А вдруг он кусается? — пискнул Мяуро.

— Кабы знать... — клюв у Якоба тихонько постукивал.

Прежде чем они успели сообразить, что к чему, пергаментный свиток с молниеносной быстротой обернулся вокруг обоих, плотно скрутил своими кольцами и поднял в воздух. Из тугого рулона торчали только кошачья и воронья головы. Якоб и Мяуро не могли пошевелиться и едва дышали.

Кольца сжимались все туже, все крепче. Кот и ворон сопротивлялись из последних силенок, но где ж им было разорвать плотный пергамент.

— Ой! Ох-ох! А-а! — только и пропищали оба.

И тут послышался хриплый бас Вельзевула:

Дух своенравный, демон злой, Воле волшебника покорись! Сгинь, наваждение, с глаз долой, Покуролесил — и будет, уймись.

И в тот же миг кольца ослабли, пергаментный свиток упал на стол, раз-другой слабо дернулся и наконец затих, снова обратившись в длинный и узкий кусок пергамента, испещренный причудливыми письменами.

— Покорнейше благодарим, ваша милость, — прокряхтел Якоб. — Туго нам пришлось, ох, как туго...

Мяуро и слова вымолвить не мог — во-первых, оттого, что все кости у него ломило, а во-вторых, он, можно сказать, проглотил язык от изумления. Мяуро не понимал, как же случилось, что именно Бредовред спас им обоим жизнь, тот самый Бредовред, которого он собирался при первой же возможности облить величайшим презрением. Котишкин умишко таких сложностей одолеть не мог.

Но тут ведьма Тирания вынырнула из-за спины колдуна и запричитала: — Ах, ах! Ради всех акций и облигаций! Бедненькие деточки, наверное, вам было очень больно? — И она взъерошила ворону перья на голове.

Колдун в свою очередь погладил Мяуро и миролюбиво сказал:

— Вот что, послушайте-ка меня. Это вам не игрушки. Тебе, Мяуро ди Мурро, между прочим, следовало бы об этом помнить. Без моего разрешения здесь ничего нельзя трогать. Это очень опасно. Неизвестно, что могло бы с вами стрястись, и твой добрый маэстро очень, очень расстроился бы...

— Те-те-те! — едва слышно с насмешкой пробормотал ворон.

Вдруг колдун и ведьма переглянулись, и Тирания спросила:

— Якоб, миленький, а как это ты очутился здесь в лаборатории?

— Простите, мадам, но я же прилетел сюда специально, чтобы сообщить, что вы прибудете с визитом, — с невинным видом ответил Якоб.

— В самом деле? Что-то не припомню, чтобы я давала тебе такое поручение, моя дорогая птичка.

— Я прилетел сюда по собственному почину. Потому что подумал, что вы меня просто пожалели, по вашей доброте. Ведь погода-то пре-паршивая, а при моей резыматизме... Но мне так хотелось сделать для вас что-то хорошее!

— Ну, ну. Очень мило с твоей стороны, голубчик. Но впредь ты должен предварительно спрашивать у меня разрешения.

— Выходит, опять я себя плохо вел? — захныкал Якоб. — Ох, что и говорить, горемыка я, несчастный я ворон...

— Скажи-ка, — обратился тем временем колдун к Мяуро. — Где это вы так долго пропадали? Вот ведь какие озорники, прямо спасу нет!

Мяуро уже собрался ответить, но ворон поспешил дать разъяснения:
— Этот противный птицеед хотел затащить меня в свою каморку, ваша милость. Но я от него улетел и ринулся напрямиком в подземелье. И тут он все-таки меня поймал и посадил в какой-то вонючий ящик. Вот я и просидел там битый час... Но я протестовал! Потому что это просто безобразие, так гостей не принимают! И тогда он открыл ящик и сказал, чтобы я заткнулся, а не то он меня, как цыпленка, зажарит в духовке. Да не тут-то было, я ему тоже поддал жару! В общем, драка у нас пошла, да такая, что и сам я не пойму, как это мы здесь очутились. А тут эта дурацкая бумажная змеюга на нас как бросится и давай душить. А потом вы пришли, на наше счастье. Но я вам честно должен сказать, этот ваш кот — его надо посадить в клетку, да-да, в клетку, потому что он просто ужас какой страшный хищник, просто лютый кровожадный зверь!

Мяуро слушал этот монолог, вытаращив глаза от удивления. Раз или два он хотел вмешаться и что-то возразить, но, к счастью, Якоб не позволил себя перебить. Когда он умолк, Бредовред улыбнулся и сказал:

— Ты молодец, Мяуро. Молодец, мой маленький отважный рыцарь! Но теперь вы должны жить мирно. Обещаете?

— Только этого не хватало! — каркнул Якоб и повернулся к Мяуро спиной. — Я не желаю мириться с тем, кто обозвал меня жареным цыпленком. Пускай сперва извинится.

— Но... — Мяуро хотел что-то сказать, но тут вмешалась ведьма.

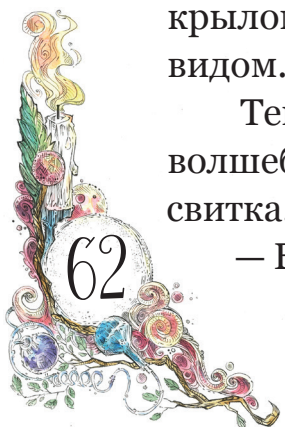
— Никаких «но»! — пропела она сладким голосом. — Ах вы, нехорошие, такие-сякие! Нельзя обижать друг дружку! Вот ведь драчуны! Разве это годится? А ведь мы придумали для вас, мои миленькие, кое-что очень хорошенькое. Если будете пайныками и послушными детками, то мы — мой прославленный племянник и я — разрешим вам присутствовать на нашем новогоднем празднике. Будет очень весело, правда ведь, Вельзевульчик, золотко мое? Очень, очень весело будет, верно я говорю?

— Несомненно, — с кривой ухмылкой подтвердил Бредовред. — Чудесный будет праздничек. Если вы, Мяуро и Якоб, будете вести себя хорошо.

— Ладно уж. Хоть и неохота. Но раз иначе нельзя, мы, так и быть, заключим мир, — сказал Якоб. — Ну что, принц, согласен? — И ткнул Мяуро крылом в бок. Котишка послушно кивнул, хоть и с довольно бестолковым видом.

Тем временем ведьма свернула в рулон свою половину пергамента, а волшебник достал из широкого рукава зеленого балахона свою половину свитка. С виду она была точь-в-точь такой же, как ведьмина.

— Во-первых, тетя Тираша, — сказал он, — мы должны поставить опыт.

Проверим, действительно ли это две половины одного свитка, составляют ли они единое целое. Ты заклинание-то знаешь? И что надо делать, знаешь?

— Все знаю.

И колдун с ведьмой хором прочли заклинание:

*Шестьдесят и шесть волшебных пентаграмм,
Тайну вашу страшную скорей откройте нам:
Соединимы ли две половины?
Станут ли части целым единым?
Колдовство древнейшее,
Злейшее, страшнейшее,
Грозной молнией сверкни,
Два конца соедини!
Ну-ка взяли, ну-ка разом, хоп!*

При слове «хоп!» колдун и ведьма подбросили в воздух свои куски пергамента. Блеснула страшная яркая молния, рассыпались миллионы сверкающих звездочек, словно разорвалась ракета фейерверка. Но ни грома, ни другого шума не было.

Концы двух половинок пергамента точно чудовищной магнитной силой притянуло друг к другу — они соединились и срослись, как будто свиток никогда и не был разорван пополам. Ни шва, ни какой-то разделяющей линии не было видно.

Огромная пятиметровая пергаментная змея лениво колыхалась в воздухе под потолком лаборатории. Затем она плавно опустилась на пол.

Колдун и ведьма, довольные, кивнули друг другу. Потом Бредовред повернулся к ворону и коту.

— А теперь, — сказал он, — вам придется на некоторое время оставить нас здесь одних. Мы будем готовиться к встрече Нового года, и вы нам пока что не нужны.

Якоб все еще надеялся, что они с Мяуро как-нибудь сумеют помешать колдуну и ведьме до наступления Нового года приготовить волшебный пунш. Он начал просить и клянчить, чтобы ему и котишке позволили остаться. Он обещал, что будет сидеть очень тихо. Мяуро его поддержал.

— Ах вы, любопытные малыши! Ничего не выйдет! — ответила Тирания. — Вы будете отвлекать нас бесконечными «почему» да «зачем». И потом, мы же хотим сделать вам сюрприз!

Никакие уговоры не помогали, тогда ведьма просто схватила в охапку ворона, а колдун — кота. Они отнесли их в кошачью каморку.

— Можете пока немножко поспать, чтобы ночью не хотелось, — сказал

Бредовред. — Иначе устанете и будете клевать носом, вместо того чтобы веселиться. Ты слышишь, котик?

— А то, поиграйте в клубок-мотокбол, так время и скоротаете, предложила Тирания. — Главное, будьте хорошими детками и не ссорьтесь больше. Когда все будет готово, мы вас позовем.

— А чтобы вы не подглядывали и не узнали заранее про сюрприз, мы вас запрем на ключ, — сказал Бредовред.

Он закрыл дверь и повернул в замке ключ. Вскоре шаги колдуна и ведьмы стихли вдалеке.

Якоб Карр взлетел на спинку старого плюшевого дивана, из подушек которого там и сям торчали пружины — Мяуро часто точил когти об этот диван.

— Так! — с горечью заговорил ворон. — Мы, значит, должны сидеть взаперти! Мы, два великих суперагента, оказались в дураках?

Мяуро прежде всего побежал к своей роскошной бархатной кровати с пологом, но потом все же принял героическое решение — он не лег спать, несмотря на то что невероятно устал и расстроился. Ситуация была слишком серьезной: тут было не до мечтаний о мягких подушках.

— Что будем делать? — растерянно спросил он.

— Что делать? Хорошую мину будем делать, больше ничего не остается, прокаркал Якоб. — Все, крышка. Проворонили... Никак мы им не можем помешать. Я ведь всегда говорю: «С каждым днем нам становится хуже во всем...» И это правда — не даром так складно звучит. Ох, не кончится эта история добром...

— Почему ты все время это повторяешь? — недовольно спросил Мяуро.

— Такая у меня хилософия, — объяснил Якоб. — Всегда надо рассчитывать на самое худшее, но делать все, что можно, чтобы самого худшего не произошло.

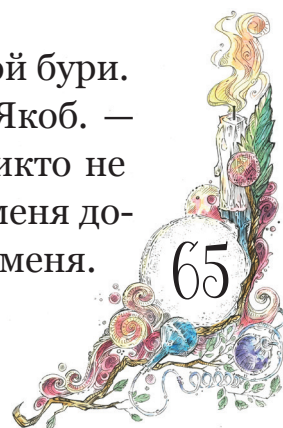
— А что же мы можем сделать?

— Ничего.

Мяуро стоял перед низким столиком, на котором были расставлены блюда со сметаной и другими вкусными вещами. Котишке стоило невероятных усилий не наброситься на еду, но он стойко выдержал искушение, потому что понимал: еда, приготовленная Бредовредом, это яд.

На некоторое время воцарилась тишина, слышен был лишь вой бури.

— Я хочу кое-что сказать тебе, котик, — заговорил наконец Якоб. — Я сыт по горло своей службой. Не хочу быть тайным агентом. Никто не вправе требовать, чтобы я продолжал эту деятельность. Хватит, с меня довольно. Это выше вороньих сил. Все кончено. Пусть обходятся без меня.

— Как, прямо сейчас? Нет, ты не можешь так поступить!

— Могу, могу. Я больше не желаю служить. Хочу снова быть простым бродягой. Я же перелетная птица! Ах, как хорошо было бы сидеть сейчас в теплом гнездышке с моей Рамоной...

Мяуро удивился:

— Рамона? Почему вдруг Района?

— Потому что она живет дальше всех остальных отсюда, — печально сказал Якоб, — а сейчас это устроило бы меня как нельзя лучше.

Через некоторое время Мяуро сказал:

— Знаешь, я тоже хотел бы сейчас странствовать где-нибудь в далеких краях, покорять сердца прекрасными песнями... Но если эти негодяи сегодня ночью погубят наш мир, то какая жизнь ждет тогда лирического певца? Да и будет ли вообще жизнь на Земле?

— Будет — не будет... — сердито закаркал Якоб. — Мы-то, мы что можем поделаться? Птица и кот, паршивые, несчастные — что с нас возьмешь? Почему никто, кроме нас, даже не почешется — там, наверху, на небесах то есть? А главное, вот что хотелось бы знать: почему у злых всегда так много власти? И почему у добрых ну ничегошеньки нету, разве что ревматизма? Это несправедливо, ох как несправедливо, котик! Ну и хватит с меня. Решено — с этой минуты объявляю забастовку, вот!

Ворон спрятал голову под крыло, не желая ничего видеть и слышать.

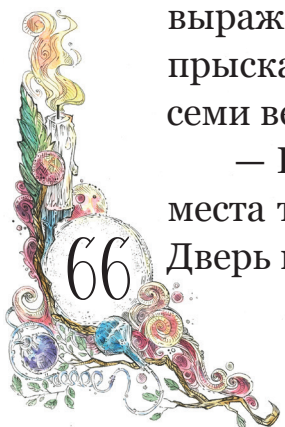
На сей раз молчание длилось очень, очень долго, но в конце концов Якоб не выдержал выглянул из-под крыла и сказал:

— Между прочим, мог бы и возразить!

— Мне надо подумать, — ответил Мяуро. — Я хочу поразмыслить о том, что ты сказал. Со мной-то ведь все по-другому. Моя прабабушка Киса — а она была очень мудрая старая кошка — всегда говорила: если можешь чем-то восхищаться — восхищайся. А если не можешь — спи. Я хочу восхищаться и поэтому всегда стараюсь представить себе, что все кончится хорошо, и делаю все, чтобы так оно и было. Беда в том, что у меня нет столь богатого жизненного опыта и практической сметки, как у тебя. Иначе у меня давно уже родилась бы идея, и я что-нибудь придумал бы.

Ворон высунул голову из-под крыла, разинул клюв, потом захлопнул — он онемел от изумления. Ведь он только что неожиданно услышал выражение признания своих заслуг из уст прославленного артиста и отпрыска древнего рыцарского рода. За всю свою беспокойную жизнь на семи ветрах Якоб ни разу не слышал ничего подобного. Он откашлялся.

— Гм, гм. Да... Ясно по крайней мере одно: пока мы тут сидим, дело с места тоже не сдвинется. Нам надо отсюда выбраться. Вопрос в том, как. Дверь на замке. Тебе ничего не приходит в голову?

— Может, попробуем открыть окно? — Живо откликнулся Мяуро.

— Попробуй.

— А что дальше?

— Пустимся в странствия. Мне кажется, нам предстоит долгий путь.

— А куда?

— Искать помощи.

— Помощи? Ты думаешь, Высокий Совет...

— Нет. Обращаться в Высокий Совет поздно. Пока доберемся, да пока Совет решит, что делать, тут полночь как раз и настанет. Так что нет никакого резона идти в Совет.

— Кто же нам поможет?

Якоб задумчиво поскреб лапой в затылке.

— Кабы знать... Пожалуй, нас может спасти только какое-нибудь маленькое чудо. Если судьба смилостивится... Да только не стоит слишком полагаться на судьбу — мне ли этого не знать, при моем-то жизненном опыте. Но попытаться все-таки можно.

— Этого мало, — вздохнул Мяуро. — Это меня не вдохновляет.

Якоб уныло кивнул.

— Ты прав. Здесь, конечно, уютнее, чем на улице. Только... Мы вот тут сидим да идеи высиживаем, а времечко идет. Эдак ничего у нас не вылупится.

Мяуро на минуту задумался, потом одним махом вскочил на подоконник, навалился на раму и открыл окно.

По комнате вихрем закружились снежные хлопья.

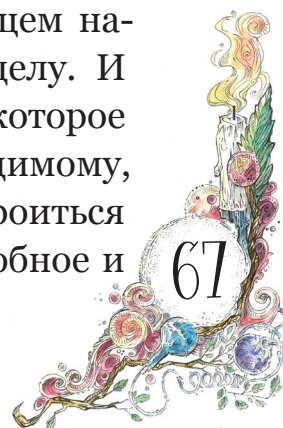
— Вперед! — каркнул Якоб и вылетел из окна. Ветер подхватил его, и Якоб скрылся в темноте.

Маленький толстый котик собрал все свое мужество и прыгнул в окно. Пролетев порядочное расстояние, он плюхнулся в сугроб и провалился с головой. Лишь с большим трудом ему удалось выбраться наверх.

— Якоб, где ты? — жалобно пропищал Мяуро.

— Сюда! — услышал он голос ворона где-то неподалеку.

Занимаясь колдовством, важно не только знать волшебные заклинания и символы, иметь нужные приспособления и своевременно выполнять необходимые действия. Важно еще и самому быть в соответствующем настроении. Внутренний настрой должен отвечать задуманному делу. И это справедливо как для злого колдовства, так и для доброго (которое тоже, конечно, существует, хоть и встречается в наши дни, по-видимому, реже, чем злое). Чтобы наколдовать что-то хорошее, надо настроиться на добрый, радостный лад. Для злого колдовства необходимо злобное и

мрачное настроение. И в обоих случаях требуется определенная психологическая подготовка.

Именно психологической подготовкой и занялись колдун и ведьма.

Ярким светом сияли в лаборатории бесчисленные электрические прожекторы, куда ни глянь — всюду вспыхивали, подмигивали, искрились огоньки и лампочки.

В воздухе плавали клочья тумана — это густые клубы разноцветного дыма поднимались из множества курильниц, они плавали в воздухе, струились вдоль стен и при этом корчили всевозможные дикие рожи, на любой вкус. Рожи быстро расплывались, но в клубах дыма тут же появлялись новые.

Бредовред сидел у органа (даже орган был в лаборатории!) и, высоко вскидывая руки, ударял по клавишам. Вместо труб в этом музыкальном инструменте были кости замученных животных: самые маленькие и тонкие трубы были из куриных косточек, средние — из костей собак, тюленей и обезьян, самые большие — из костей китов и слонов.

Тетка Тирания стояла рядом и переворачивала нотные страницы. Звучала эта музыка довольно жутко — тетка и племянник на два голоса распевали хорал номер Це-ноль-два (C02) из Сатанинской псалтири:

*Лютый злобы пробил час,
И, в свирепой злобе, разом
Предаем проклятью вас,
Мудрость, истина и разум!
Ты в реторте прокипела,
Кривда-ложь, — так действуй смело!
Докажи, что правды нет
И что все на свете — бред.
Прочь, порядок, сгинь во мгле!
Пусть царит свобода воли
И в умах, и на земле,
Суть свободы — в произволе.
Наша власть преград не знает.
Совесть, стыд, — у нас их нет,
Нам ничто не помешает
Натворить ужасных бед.
Нас запреты не пугают.
Тьфу на них!
Пускай всегда*

*Место правды занимают
Глупость, вздор, белиберда!*

После каждого куплета шел рефрен:

Дело черное твори — Сатанинский пунш вари!

Вот такая была психологическая настройка. Не удивительно, что колдун и ведьма не хотели, чтобы кот и ворон стали ее свидетелями. Ну а в итоге Бредовред и Тирания пришли в то настроение, которое лучше всего соответствовало предстоящему делу.

— Во-первых, надо изготовить емкость для пунша, — сказал Бредовред. Тирания удивилась:

— Изготовить? В твоем холостяцком доме не найдется что ли порядочной кастрюли?

— Дорогая тетя, — снисходительно усмехнулся Бредовред, — ты, похоже, и впрямь ничего не смыслишь в алкогольных напитках. Ни одна кастрюля на свете, даже если она сделана из цельного алмаза, не выдержит процедур, которые необходимы для приготовления пунша. Любая посуда треснет, расколется или расплавится, а может, вообще распылится, рассыпавшись на молекулы и атомы.

— Как же быть?

Колдун надменно улыбнулся.

— Ты когда-нибудь слыхала о Холодном пламени?

Тирания отрицательно покачала головой.

— Тогда смотри. Сейчас я кое-чему тебя научу, тетя Тираша.

Колдун подошел к одному из стеллажей и достал что-то вроде аэрозольного баллончика гигантских размеров. Бредовред подошел с ним к камину — зеленое пламя вдруг высоко взметнулось. Он брызнул в огонь каким-то бесцветным веществом из баллона и прочел заклинание:

*Пламень ярый, пламень жгучий,
Ты горшишь всего мгновенье,
Быстрой пляски жар летучий —
Лишь обманное виденье.
Антивремя сладит с жаром,
Вихрь погасит огневой.
Пламень жгучий, пламень ярый,
Стань сосулькой ледяной!*

Огонь перестал плясать и замер, словно обратился в лед. Казалось, в камине растет невиданное растение со жгуче-зелеными зубчатыми листьями. Бредовред голыми руками принялся отрывать один лист за другим и скоро нарвал целую охапку. Едва был оборван последний лист, пламя снова заплясало и запрыгало в камине, как ни в чем не бывало.

Колдун разложил на столе зеленые, прозрачные как стекло листья и начал составлять из них какую-то фигуру, вроде того, как складывают головоломки. Он соединял один лист с другим, и они мгновенно сплавлялись. (В любом огне языки пламени самой диковинной формы составляют единое целое. Но формы постоянно изменяются и притом очень быстро, так что невооруженным глазом различить их не удастся — вот мы ничего и не замечаем).

Таким образом, вскоре под ловкими руками колдуна появилось плоское блюдо, затем Бредовред прилепил к нему стенки, и наконец получился большой круглый сосуд наподобие аквариума. Высотой он был около метра и имел такой же диаметр. Сосуд переливался призрачным зеленым светом.

— Вот и готово, — Бредовред вытер руки полый балахона. — Порядок! Хорош, а? Как ты находишь, тетя?

— А ты уверен, что он не лопнет? Дашь стопроцентную гарантию?

— Хе-хе! Не сомневайся.

— Вельзевульчик! Как же ты это сделал? — с завистью и почтительно спросила ведьма.

— Сложные научные операции вряд ли доступны твоему пониманию, милая тетя, — ответил Бредовред. — Видишь ли, теплота и движение существуют во времени, которое течет в положительном направлении. Если брызнуть на предмет отрицательными моментами, иначе говоря, пустить в ход частицы так называемого антивремени, то положительные и отрицательные моменты взаимно уничтожатся. Огонь станет холодным и неподвижным — что нам и требовалось.

— А потрогать можно?

— Ну конечно.

Ведьма с опаской прикоснулась к поверхности зеленой чаши, затем спросила:

— Ты не мог бы научить меня этой премудрости, маленький мой?

Колдун отрицательно покачал головой:

— Секрет фирмы, тетя!

Мертвый парк, окружавший со всех сторон виллу «Ночной кошмар», был не слишком большим. Находился он в центре города. Однако едва ли кто-то из жителей близлежащих улиц когда-либо его видел — прежде

всего потому, что парк был обнесен трехметровой каменной стеной.

Однако волшебники умеют создавать еще и невидимые преграды — например, преграду забвения, или преграду печали, или преграду заблуждений. Вот и Бредовред возвел вокруг своих владений, с внешней стороны каменной стены, незримый барьер из страха и ужаса. Всякий любопытный, наткнувшись на эту преграду, немедленно бросился бы наутек, а уж о том, чтобы заглянуть поверх стены, и речи быть не могло.

Лишь в одном месте в стене были ворота с заржавленной железной решеткой, но и здесь заглянуть в Мертвый парк было невозможно — вид закрывала высокая густая изгородь из черного терновника. Бредовред открывал ворота только тогда, когда выезжал на своем магомобиле. Но поездки он совершал редко.

Когда-то в Мертвом парке, который в те времена, кстати, не назывался Мертвым, росли прекрасные высокие деревья и пышные кусты. Но теперь все они стояли голыми — и не только потому, что на дворе была зима. В течение многих десятков лет колдун производил над растениями жуткие научные опыты. Он воздействовал на их рост и развитие, не давал им размножаться, выцеживал их жизненные соки и в конце концов замучил все растения до смерти. Теперь в Мертвом парке деревья, словно в предсмертной мольбе, тянули к небу сухие изувеченные ветви, но никто не мог услышать их безмолвной жалобы. Птиц в Мертвом парке давно уже не было ни зимой, ни летом.

Маленький толстый котик брел, по брюхо увязая в снегу, ворон то скакал по сугробам, то пытался взлететь, но жестокий ветер швырял его назад. Кот и ворон шли молча — они берегли силы, ведь путь был ох какой нелегкий...

Высокая каменная стена была пустяковой преградой для Якоба, другое дело — для Мяуро. Но котик вспомнил, что в стене есть ворота — через них он когда-то проник во владения колдуна. Кот и ворон шмыгнули сквозь завитушки железной решетки.

Незримый барьер из страха также не был для них преградой, ведь колдун соорудил его специально как защиту от людей и сделал его из человеческого страха перед призраками, фокус заключался в том, что даже самый отъявленный скептик, очутившись в зоне барьера, внезапно начинал верить в существование призраков и с перепугу сломя голову бросался прочь.

Большинство животных, как и люди, боятся привидений. Но кошки и вороны боятся их меньше, чем другие птицы и звери.

— Скажи, Якоб, — тихо заговорил Мяуро, — ты веришь в привидения?
— Конечно.

— А ты видел когда-нибудь привидение?

— Сам не видел, но все мои родичи в былые времена вечно кружили над виселицами, на которых болтались повешенные. А еще мои предки гнездились на крышах замков, где водятся привидения. В тех замках призраков было хоть пруд пруди. Но мои родичи никогда с ними не ссорились. По крайней мере я о таком не слыхал. Наоборот, с иными привидениями они были добрыми друзьями.

— Вот-вот, мои предки тоже водили дружбу с призраками, — расхрабрившись, сказал Мяуро.

Они одолели незримый барьер и очутились на городской улице.

Окна высоких домов светились по-праздничному, люди готовились к веселой встрече Нового года. По мостовой лишь изредка проезжали автомобили, прохожих почти не было видно, а тот, кто встречался, шел быстро, надвинув шапку на лоб, спешил поскорей добраться домой.

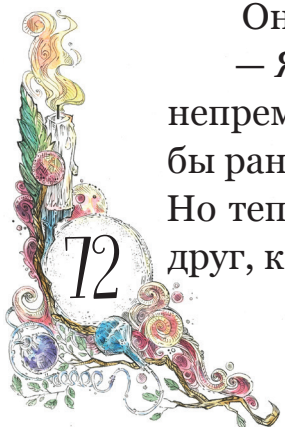
Никто в целом городе не чуял беды, никто не знал, что затеяли колдун и ведьма на вилле «Ночной кошмар». И никто не обращал внимания на маленького толстого кота и облезлого ворона, которые пустились в путь и шли ради спасения мира навстречу неведомым опасностям.

Поначалу кот и ворон подумывали, не будет ли самым простым обратиться к первому встречному на улице. Но они скоро отказались от этой мысли. Во-первых, едва ли обыкновенный человек поймет их мяуканье и карканье. (Он, пожалуй, еще заберет их домой да посадит в клетку!). Во-вторых, оба понимали, что зверю или птице почти не приходится рассчитывать на успех, если они просят помощи у людей. Это было проверено уже тысячу раз. Даже когда в интересах самих людей было бы прислушаться к голосу живых тварей, призывавших на помощь, люди оставались глухими. Они не раз видели кровавые и горькие слезы животных, но все равно обращались с ними ничуть не лучше, чем обычно.

Нет, нельзя было надеяться на скорую и решительную помощь людей. Но если так — кто поможет? Якоб и Мяуро этого не знали. Они просто брели все дальше и дальше. По улице, где снег был убран, идти было легче, и все-таки кот и ворон продвигались вперед очень медленно — из-за сильного ветра, который дул им навстречу. Впрочем, если не знаешь, куда идти, то не слишком торопишься.

Они довольно долго брели молча, затем Мяуро заговорил:

— Якоб, может быть, настали последние часы моей жизни. И потому я непременно должен сказать тебе одну вещь. Я никогда не поверил бы, если бы раньше мне кто-то сказал, что я подружусь с птицей, да еще с вороном. Но теперь я горжусь тем, что у меня есть такой умный и многоопытный друг, как ты. Говорю совершенно искреннее — я восхищаюсь тобой.

Ворон смущенно покашлял, потом грубовато — от смущения — сказал: — Я тоже думать не думал, что у меня однажды вдруг заведется верный приятель, да не какой-нибудь, а знаменитый певец и благородный аристократ. Я не умею складно говорить про всякое такое. Хорошим манерам и красивым словам меня вообще никто не учил. Я, знаешь ли, самый простецкий бродяга, нынче здесь, завтра — там, вот так и перебиваюсь. Я не такой образованный, как ты. Гнездо наше, где я вылупился на свет из вороньего яйца, было самое обыкновенное, да еще и от ветра покосившееся. Родители мои были из простого воронья — самые обыкновенные вороны. И никто меня особенно не жаловал. Да и сам-то себя я не высоко ценил. А уж музыкальности у меня в помине нет. Я никогда не учился петь красивые песни. А по-моему, это здорово, когда кто-то умеет красиво петь.

— Ах, Якоб! — воскликнул котик, с трудом сохраняя невозмутимый вид, чтобы ворон не заметил, что он едва не плачет. — Вообще-то я вовсе не отпрыск древнего рыцарского рода. И мои предки никогда не жили в Неаполе. Честно говоря, я даже не знаю толком, где этот Неаполь находится. И зовут меня вовсе не Мяуро ди Мурро. Я это имя выдумал. На самом деле меня зовут Мориц, без всяких «ди». Ты-то хоть знаешь, кто были твои родители, а я даже этого не знаю, потому что я вырос в сыром подвале с бездомными одичавшими котами. Нам котяткам, заменяли мать разные чужие кошки, кто хотел, тот с нами и возился. Я был самым маленьким из котят, другие всегда меня отпихивали, когда делили еду. Вот я и не вырос, зато аппетит у меня с тех пор, как у кота-великана. И знаменитым лирическим певцом я никогда в жизни не был. У меня никогда не было певческого голоса.

На минуту воцарилось молчание. Потом Якоб задумчиво спросил:

— Зачем же ты все это сочинял? Котик долго думал, прежде чем ответить:

— Сам не знаю. Понимаешь, я всю жизнь об этом мечтал. Очень уж хотелось стать знаменитым артистом — стройным, элегантным, с белой шелковистой шерсткой... И с чудесным голосом. Стать тем, кого все любят, кем восхищаются.

— Гм...

— Это была всего лишь мечта, — продолжал Мориц. — Вообще-то я с самого начала понимал, что она не сбудется. И как раз поэтому я вел себя так, будто это не ложь, а правда. Как ты думаешь, очень тяжкий грех я совершил?

— Почему я знаю! — каркнул ворон. — Грех и прочие разные там благочестивые штучки — тут я ничего не смыслю.

— Ну а ты-то на меня, наверное, обиделся?

— Обиделся? Вот уж чепуха! Маленько ты чокнутый, факт. Но это не беда. Все равно ты — отличный парень. — И ворон обнял крылом своего друга. — Если пораскинуть мозгами, — снова заговорил он, — то имя Мориц, по-моему, не такое уж плохое. Даже наоборот.

— Ах, я другое имел в виду. Я же лгал тебе, что я знаменитый певец.

— Лгал? Как знать, — глубокомысленно сказал Якоб. — Я уже не раз убеждался, что выдумки однажды вдруг становятся правдой. Перестают, понимаешь, быть выдумками.

Мориц довольно неуверенно искоса поглядел на ворона. Он не вполне понял, что тот хотел сказать, и спросил:

— Ты думаешь, когда-нибудь я еще стану певцом?

— Если будем живы, — вздохнул Якоб.

— Я однажды говорил тебе о моей прабабушке Кисе. Этой старой мудрой кошке были ведомы многие тайны. Она тоже жила в нашем подвале. Сейчас она обитает на небесах у Всемогущего Котищи, как и все наши подвальные кошки, кроме меня. Незадолго до своей кончины бабушка Киса сказала мне: «Мориц, если ты действительно хочешь стать великим артистом, ты должен познать все высоты жизни и всю ее низость. Ибо покорять сердца своим искусством дано лишь тому, кто познал все» — вот что она сказала... Ты понимаешь, что она имела в виду?

— Ну, с низостью жизни ты, пожалуй, знаком недурно, — сухо ответил Якоб.

Котишка обрадовался:

— Ты так считаешь?

— Не сомневайся, ниже не скатишься — просто некуда, котик. Дело за пустяком — возвыситься до высот.

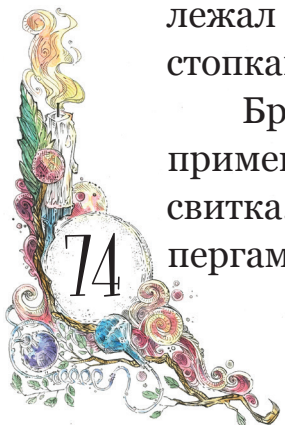
И они побрели дальше.

В самом конце длинной улицы в темном ночном небе высилась колокольня большого собора.

Тем временем работа в лаборатории кипела вовсю.

Прежде всего, колдун и ведьма должны были отыскать различные вещества, необходимые для приготовления катастрофанархисториязвандалкогорючего кунштюк-пунша. Пергаментный свиток был развернут и лежал на полу. Чтобы свиток не скручивался, его концы были прижаты стопками книг.

Бредовред и Тирания еще раз внимательно прочли инструкцию по применению колдовского зелья, которая была написана в самом верху свитка. Затем они принялись изучать рецепт. Оба низко склонились над пергаментом и расшифровывали письмена.

Не будь они волшебником и ведьмой, эта задача оказалась бы неразрешимой. Ведь рецепт был написан необычайно сложным хитроумным шифром, который назывался inferнальным кодом. Но колдун и ведьма в совершенстве владели техникой дешифровки этого кода. Так что им не слишком трудно было разобраться в рецепте и узнать, какие ингредиенты необходимы для приготовления пунша.

В расшифрованном виде этот рецепт начинался так:

*Четыре потока в аду свои воды стремят:
Стикс, Ахеронт, Флегетон и холодный Коцит
(Стикс, Ахеронт, Флегетон, Коцит — в греческой
мифологии реки в царстве мертвых Аиде.).
Ненависть, ужас и горе в тех реках бурлят,
Черная злоба под смрадным туманом кипит.
В каждой реке, зачерпнув, ровно стакан набери
Холода, жара и пены, — тщательно взвесь!
Все это в миксере сбей, на огне провари, —
Так ты получишь Первичную адскую смесь.*

Как всякий профессионал, хим-колдун Бредовред располагал изрядным запасом указанных в рецепте ингредиентов. Он взял по стакану всего, что было нужно, смешал все в миксере, проварил на огне. Затем Тирания прочла вслух следующие строфы рецепта:

*Теперь разживись поживее живыми деньгами.
У бедняков забирай, — все равно они плохо живут.
Бочку монет накопи, — не беда, коли все медяками, —
В банк капитал положи, и процентики вмиг
набегут.
Процентики сразу хватай, со счета снимай,
Живьем в кипяток запускай!
Да не забудь о налоговой декларации
При каждой финансовой операции.*

Что такое «живые деньги» и как ими можно разжиться, бизнес-ведьма, конечно, знала. Спустя недолгое время она уже нахватала нужное количество резвых и шустрых живых денег. Лаборатория озарилась желтоватым светом, который сразу погас, когда Бредовред запустил живые деньги в чашу с Первичной адской смесью. Теперь там, в чаше из Холодного пламени, плескалась черная, как ночь, жидкость, там и сям в ней

вспыхивали молнии, они сверкали на поверхности блестящими золотыми змейками и тут же гасли.

Третья строфа рецепта была такой:

*Пролить постарайся поболее, — лей, лей щедрее! —
Слез крокодиловых. Плачь, голоси, причитай!
Жертву, что сам погубил, оплакивай, слез не жалея,
Слезы по капельке в баночку собирай.
И после сильного потрясения
(то есть встряхнув посильнее) горькие слезы сцеди,
вылей в котел и при слабом кипении
до возгорания адскую смесь доведи.*

Выполнить это требование оказалось значительно сложнее — ведь злые волшебники и ведьмы, как уже говорилось, плакать не умеют, даже притворными слезами. Однако Бредовред не растерялся.

Он вспомнил, что в подвале его виллы хранится несколько бутылей крокодиловых слез многолетней выдержки, а значит, необычайно крепких. Когда-то колдун получил их в подарок от главы одного государства. Этот человек был из числа особо привилегированных клиентов Вельзевула Бредовреда. Итак, колдун принес из подземелья бутылки, их было семь, и вылил содержимое в чашу с черной жижей, потом все хорошенько размешал, и тут варево снова стало менять свой цвет — оно постепенно светлело и вот сделалось красным, как кровь.

Парочка дружно трудилась — то Бредовред находил нужное решение, то ведьма подсказывала, что надо сделать. Обоих вдохновляла ненависть, злодеи трудились не покладая рук и в полном согласии, словно всю жизнь работали вместе.

Только один раз они повздорили. Они дошли до такого места в рецепте, где было сказано следующее:

*Смекалку возьми, оттяпай кусок
Увесистый, жирный — отмерь на глазок,
Но помни: равняться его толщина
Температуре цвета должна.
Цвета любимого твоего...*

«Температура цвета» ни ведьму, ни колдуна ничуть не смутила, тут у них вопросов не возникло. Разногласия появились насчет того, чей любимый цвет следует использовать. Тирания требовала, чтобы был взят

ее любимый цвет, потому что ей принадлежала половина пергаментного свитка, на которой была написана эта часть рецепта. Но Бредовред уперся дескать, надо взять его любимый цвет, потому что эксперимент проводится в его, Бредовреда, лаборатории. Наверное, они спорили бы долго, но к радости обоих вскоре выяснилось, что сернисто-желтый и ядовито-зеленый имеют одинаковую температуру. Так что проблема разрешилась сама собой.

Вероятно, никто не ожидает найти в этой книге длинный перечень всех приправ и веществ, необходимых для приготовления катастрофа-нархисториязвандалкогорючего кунштюк-пунша. И действительно, мы его не приводим — по двум причинам. Во-первых, этот перечень сделал бы нашу историю невозможно длинной (как-никак пергаментный свиток был пятиметровой длины!). А во-вторых, никогда нельзя предугадать, в чьи руки попадет наша книга. Нельзя вводить кого бы то ни было во искушение — читатель, чего доброго, вздумает и сам сварить дьявольский пунш! На свете и без того слишком много людей, подобных ведьме Тирании и колдуну Бредовреду. Поэтому мы просим наших умных читателей с пониманием отнестись к тому, что здесь не сообщаются важнейшие сведения о приготовлении адского напитка.

Якоб и Мориц сидели у подножия соборной колокольни, которая вздымалась в ночное небо, словно гигантская скала со множеством зубчатых уступов. Кот и ворон задрали головы и довольно долгое время молча глядели вверх. Потом ворон откашлялся и заговорил:

— Когда-то давно там, наверху, жила одна совушка-монахиня. Моя знакомая. Звали ее Угу-угу-угуста. Очень приятная старая дама. Конечно, взгляды у нее были довольно дурацкие — насчет нашего мира и Бога. Ей, понимаешь ли, нравилось одиночество, из дому она вылетала только по ночам. Но Угу-угу-угуста знала массу полезных вещей. Если б она тут еще жила, мы могли бы спросить у нее совета.

— А где же она? — спросил кот.

— Э, поди знай... Сменила квартиру. Она не переносила городской смог и вообще всегда была малость привередлива. А может, ее и на свете-то давно нет.

— Жаль, — вздохнул Мориц. И после небольшой паузы сказал: — Возможно, ей мешал колокольный звон. Думаю, там наверху он невыносим.

— Вряд ли, — усомнился Якоб. — Сов колокольный звон ничуть не беспокоит. — И он снова задумчиво повторил: — Колокольный звон... погоди, погоди! Колокольный звон?..

И вдруг Якоб подскочил и заорал во все горло: Ура! Нашел!

— Что такое? — перепугался Мориц.

— Да ничего, — Якоб снова упал духом и печально развел крыльями. — Не годится. Ничего не получится. Не стоит и говорить.

— Да что не получится? Скажи, скажи!

— Ах, да просто у меня вроде как родилась идея.

— Какая идея? Скажи, какая?

— Да вот, я подумал, что можно как-то так устроить, чтобы колокола зазвонили не в полночь, а раньше. Прямо сейчас, понимаешь?

Ведь как только зазвонит церковный колокол, сатанинский пунш перестанет исполнять желания шиворот-навыворот. Те двое так сказали. Помнишь? Достаточно самого первого тихого удара колокола в новогоднюю полночь. И тогда все их фальшивые пожелания исполнятся не наоборот, а по-настоящему, то есть получатся не злые, а добрые дела. Вот о чем я подумал.

Котишка молча уставился на ворона. Не одна минута прошла, прежде чем он понял, о чем речь, и тут глаза у Морица загорелись.

— Якоб, — сказал он почтительно, — дружище Якоб! По-моему, ты просто гений. Ты нашел спасение. И это меня вдохновляет!

— Эх, кабы нашел... — вздохнул ворон. — Но выйти-то ничего не выйдет у нас.

— Почему не выйдет?

— Да потому! Кто ударит в колокол?

— Кто? Конечно, ты. Полетишь туда на колокольню и зазвонишь. Это же чепуха, детская забава.

Хо-хо! Ничего себе, детская забава! Вот так сказанул! Может, это и забава, но для детей великанов. Ты когда-нибудь видел вблизи церковные колокола, дорогой мой герой?

— Нет.

То-то же. Они громадные, тяжеленные. Как грузовик. Уж не думаешь ли ты, что ворон среднего роста может раскачать грузовик? Да еще ворон, который страдает резыматизмом...

— А разве не бывает колоколов поменьше? Все равно ведь, большой колокол зазвонит или маленький.

— Послушай меня, Мориц. Даже самый маленький церковный колокол величиной — как винная бочка.

— Якоб, а давай попробуем вместе. Вдвоем мы непременно раскачаем колокол. Вперед! Ну, что ты сидишь?

— Куда ты собрался, дурень?

— Туда, на башню. Заберемся наверх, колокола ведь там. Если мы вдвоем изо всей силы дернем за веревку, колокол, наверное, качнется.

Охваченный вдохновением и жаждой подвигов, Мориц вскочил и бросился искать дверь, через которую можно было бы проникнуть внутрь и забраться на колокольню. Якоб, ворча и бранясь, полетел за ним. На лету он пытался растолковать котешке, что в наше время уже нет звонарей, что в колокола нигде уже не звонят просто так вручную, что все они приводятся в движение электрическими двигателями, а двигатели включаются простым нажатием кнопки.

— Вот и прекрасно, — обрадовался Мориц. — Значит, нам только и надо-то — кнопку отыскать.

Но радовался он напрасно. Единственная дверь башни оказалась запертой. Котишка повис на массивной дверной ручке — бесполезно, дверь на открылась.

— Ага, что я говорил? — сказал Якоб. — Учти, котик, уж если что-то не получается, значит, так тому и быть.

— Нет, получится! — с отчаянной решимостью воскликнул кот и посмотрел вверх. — В дверь не войти — пускай! Заберемся вверх по стене.

— То есть как — по стене? — в ужасе закаркал Якоб. — Ты что, спятил? Лезть по стене при таком ветре? Нет, ты и вправду рехнулся, приятель!

— А у тебя есть что ли другие идеи?

— У меня есть только одна идея — что твоя идея выеденного яйца не стоит. Глупость, чепуха — твоя идея. И не надейся, что я соглашусь в этом участвовать.

Значит, придется все делать самому, — сказал Мориц.

Огромная чаша из Холодного пламени наполнилась меж тем до краев. Жидкость в ней была теперь фиолетового цвета. Это варево представляло собой смесь самых диковинных веществ, но нужно было сделать еще очень многое, чтобы она стала волшебным напитком. Прежде всего, смесь следовало подвергнуть магизации, то есть проделать с ней целую серию различных процедур, в результате которых варево обретало поистине волшебную, таинственную и страшную силу. Именно магизация являлась во всей работе колдуна и ведьмы научной работой в истинном смысле слова. И тут руководил хим-колдун. Бизнес-ведьма годилась разве что в ассистентки.

Пергаментный свиток содержал наставление о том, как проводить магизацию. Оно было написано на профессиональном лабораторном жаргоне хим-колдунов. Даже Тирания с трудом понимала этот язык. Наставление звучало так:

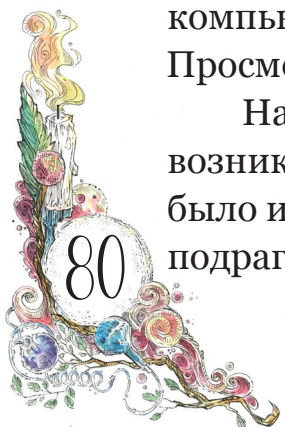

*Возьми тьфурурных суперстанций
И фантатомных гробосом,
Путем психидных стимуляций
Внедри их в фотомраклюксон.
Вальпургизацией гидризма
Получишь черный меланхоль,
Его посредством мозгоклизма
Спиритизируй в бредоголь.
За чумовидным хлопоформом
Фонтанно вспыхнет вымираж,
Под авантюрным флорохормом
Возможен срыв на клоунаж!
А ты в хрюшон — плюйкозы дозу,
Да трех схамелеонь жабрисс,
И сдинамитится бомбоза
До дребезгов летальных грызг.
И если грызги катафальны,
Их бандитарность возрастет,
Империмент пройдет мерзально,
Он вклад в террорию внесет.
Итак, вперед без ойфории!
Взирай на взгryw в налейдоскоп,
Не допускай метеории
Кикиморических свинкой.
Сморозишь — недолюциферит
Космофурийный Садиак.
Да постарайся промезгерить
Кошмарципаный мышькрысьяк...*

И так далее, и так далее, все в таком же роде.

Бредовред запустил все магические компьютеры, подключенные к адскому информационно-вычислительному центру, ввел в них информацию. Машины заработали на всю катушку — если можно так сказать об электронной технике. Поднялся писк, треск, жужжание, гул, компьютеры мигали, урчали и выплевывали формулы и диаграммы. Просмотрев их, колдун узнал, что делать дальше с жидкостью в чаше.

Надо было, например, создать антигравитационное поле, чтобы возникла полная невесомость. Только в условиях невесомости можно было извлечь варево из сосуда, что Бредовред и сделал. Жидкость, с легка подрагивая, повисла в воздухе в виде большого шара. Теперь Бредовред

смог обстрелять шар зарядами монстро-частиц. Пока варево находилось в сосуде, это было невозможно, Холодное пламя не пропускало монстро-частицы.

Следует заметить, что во время этой операции невесомыми стали и сам Бредовред и его тетка. Невесомость страшно осложнила работу. Колдун висел в воздухе вниз головой, а Тирания барахталась под потолком и вертелась вокруг собственной оси, как веретено. Обстреляв шар монстро-частицами, Бредовред кое-как добрался по воздуху вплавь до генератора антигравитации и отключил машину. И тогда шар грузно плюхнулся в свою чашу, а тетка и племянник приземлились на пол, крепко стукнувшись задами.

Впрочем, подобного рода неприятные случайности почти неизбежны во время столь опасных экспериментов, рвение колдуна и ведьмы от этого ничуть не уменьшилось.

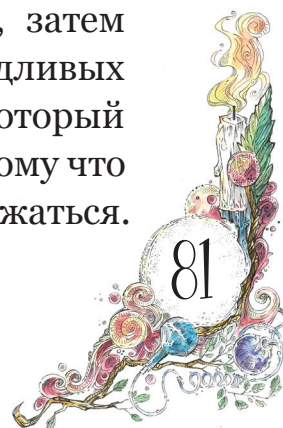
Однако немного позже все-таки произошло нечто непредвиденное. Даже привычные ко всяким неожиданностям колдун и ведьма натерпелись страху. Жидкость в чаше вдруг ожила!

В природе существуют живые организмы, которые называются амебами. Они крошечные, увидеть их можно только в микроскоп. А тут все содержимое стеклянной чаши вдруг превратилось в гигантскую амебу. Она перевалила через край чаши и распласталась на полу, словно здоровенная лужа желатина. И поползла. Тетка с племянником в страхе попятиться, потом бросились в разные стороны. А гигантская амеба разделась на две, одна поползла за колдуном, другая — за ведьмой. Никакого сомнения — чудовища хотели их съесть. Лишь с большим трудом Бредовред и Тирания хитростью заманили амеб обратно в чашу. Там чудовища жадно набросились друг на друга. А сожрав друг друга, они тут же снова превратились в жидкость. Опасность миновала.

Наконец, процесс магизации был завершен. Теперь вещество в сосуде сверкало и переливалось, как ртуть. Благодаря магизации оно могло вобрать в себя любую волшебную силу и обрести таинственную способность выполнять любые желания.

Мориц вспрыгнул на небольшой козырек над боковым входом колокольни, оттуда перескочил на навес над главным порталом, затем вскарабкался на маленькую островерхую башенку, всю в причудливых выступях и зубцах. С ее верхушки он смело прыгнул на карниз, который находился еще выше. С карниза Мориц чуть было не сорвался, потому что там под слоем снега таился лед, однако котикшке все же удалось удержаться.

Ворон взлетел на карниз и хрипло закаркал.

— Ну все, хватит! Немедленно спускайся. Ты слышишь или нет? Только кости себе переломаешь. Ты слишком жирный, и вообще, у тебя нет данных для таких кунштюков.

Но кот полез еще выше.

— У-ух! — Якоб разозлился не на шутку. — Клюв мой — враг мой! Чтоб он отсох! И чего я тогда не промолчал? Пускай бы все перья у меня повыезли, да только чтоб ничего я не сказал!.. Да что ж это такое, или в твоей дурьей кошачьей башке и впрямь мозгов нет? Говорят тебе — пустое это дело. Колокола там, наверху, слишком тяжелые. Ничего не выйдет, даже если мы вдвоем на них навалимся.

— А вот это мы еще посмотрим! — с непреклонной решимостью крикнул в ответ Мориц.

Он лез все выше и выше. И чем выше он забирался, тем беспощаднее хлестала его метель.

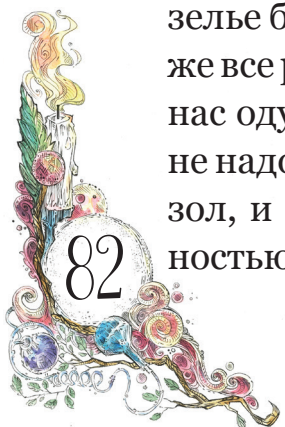
Забравшись на выступ над большим круглым окном, которое находилось над центральным порталом колокольни, Мориц вдруг почувствовал, что силы ему изменили. Все завертелось у него в голове. Он ведь и вообще-то был никудышным спортсменом, а вдобавок сказывалось то, что он долго сидел в баке с ядовитыми отходами.

Мориц перепрыгнул на водосточный желоб с лепным украшением в виде головы ухмыляющегося черта с торчащими острыми ушами. И тут котик заскользил вниз — не очень быстро, но неудержимо. Он непременно сорвался бы и упал — а даже для бывалого кота падение с такой огромной высоты означало верную смерть. К счастью, Якоб вовремя подоспел на помощь. В последний момент он схватил котика за хвост.

Морица трясло, он с трудом перевел дух и прижался к стене, чтобы укрыться от ледяного ветра. От холода лапы у него совсем заковенели.

Ворон уселся рядом с ним на водосточный желоб.

— Так. Ну, все, шутки в сторону. Последний раз тебе говорю: даже если ты все-таки заберешься на самый верх, ничего у тебя не получится. Да пошевели ты хоть раз в жизни мозгами, дуралей! Предположим, мы с тобой ухитримся сделать так, что колокол зазвонит. Да только гиблое это дело, ничего не выйдет, в сотый раз тебе говорю. Ну а дальше что? Ведь твой маэстро и моя мадама тоже услышат звон. И мигом смекнут, что колдовское зелье больше не исполняет желания шиворот-навыворот. И что тогда? Им же все равно! Они же всю эту возню с липовыми желаниями затеяли, чтобы нас одурачить. Но раз мы не присутствуем при их колдовстве, значит, им не надо никого морочить. Они просто начнут желать всему миру всяческих зол, и их искренние страшные пожелания исполнятся с буквальной точностью. И незачем им что-то такое выдумывать да мучиться, раз мы здесь

и не можем им помешать. Или ты воображаешь, что сможешь спуститься вниз с этой верхотуры, пробежать всю дорогу до виллы твоего маэстры и все-таки не опоздать на их новогодний праздничек? Интересно, как это тебе удастся? Хочешь знать, что с тобой будет? Крышка тебе будет — вот что! Окочуришься как последний дурак, а чего ради? Пропадешь ни за грош.

Но Мориц не слушал. Голос ворона доносился к нему словно из дальней дали, котик чувствовал себя совсем больным и несчастным, ему было не уследить за стремительным полетом мысли Якоба, да еще такой сложной. Он думал только об одном: до вершины оставалось ровно такое же расстояние, как до земли. И Мориц должен подняться наверх — так он решил. Разумно это решение или нет — для него не имело значения. Усы у Морица заледенели, глазенки слезились от резкого ветра, но кот снова начал карабкаться по стене.

— Эй! — обиженно крикнул Якоб. — Я тебе больше не напарник, слышишь? Хочешь погибнуть — ну и погибай! Но один! А мне геройства не надо. У меня и так резматизма. И твоим упрямством я сыт по горло! Я сматываюсь, понял? Все, я слинял, меня тут нет! Приветик! Чао! Покеда! Адье, дорогой коллега!

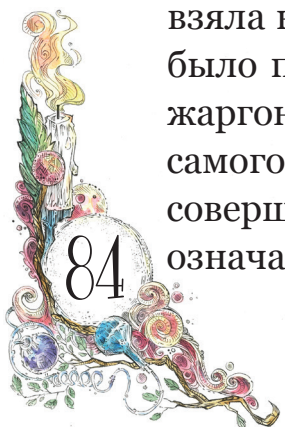
И в эту минуту он увидел, что котик повис и болтается в воздухе, уцепившись за водосточный желоб передними лапами. Якоб подлетел к нему, ухватил клювом за шкурку и из последних сил втащил на желоб.

Чтоб из меня чучело сделали! — сердито прокаркал он. — Уронили меня, видно, в детстве, то есть яйцо уронили, которым я тогда был. Вот с тех пор, видать, непорядок с головой, ясное дело.

Но тут ворон почувствовал, что окончательно выбился из сил. Пребывание в мусорном баке и для него не прошло даром. Якобу стало худо, хоть плачь.

— Все, дальше не полечу, каркнул он. — Буду сидеть тут и точка. По мне, пускай лучше мир гибнет. А я больше не могу. Если взлечу, так аккурат ухну вниз камнем, ясное дело... — Он посмотрел вниз. Далеко-далеко внизу мерцали огоньки — там лежал город.

Началась новая фаза колдовского эксперимента, и теперь руководство взяла на себя Тирания. Дело в том, что инструкция, следуя которой надо было придать пуншу волшебную силу, была составлена на ведьмовском жаргоне. Это был довольно замысловатый язык. Он состоял из слов самого обыкновенного человеческого языка, но использовались эти слова совершенно по-дурацки. Каждое слово означало совсем не то, что оно означает в нормальном языке. Например, «мальчик» значит «глобус»,

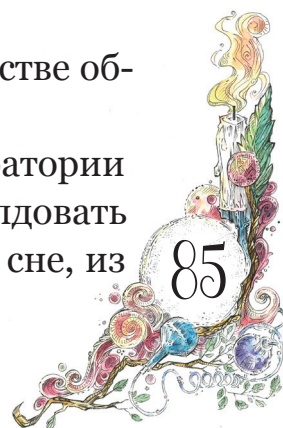
«девочка» — «бочка», «гулять» — «лопнуть», «сад» это «чемодан», «смотреть» значит «щипать», «собака» значит «кусок», «рыжий» значит «шустрый». Вот и выходит, что предложение: «Мальчик и девочка гуляли в саду и увидели там рыжую собаку» надо понимать так: «Глобус и бочка лопнули в чемодане и ущипнули шустрый кусок».

Тирания владела ведьмовским жаргоном в совершенстве. Для тех, кто по-ведьмовски не понимал, рецепт пунша выглядел абсолютной абракадаброй:

*Мастер на славу
варит отраву,
Каплет какао в табак,
Шарит в карманах
у тараканов,
Жарит на масле башмак.
Ухает ухо
Глухо, ух, глухо.
Туфля уткнулась в трубу.
Тюкают хрюшки
Клювами плюшки,
Клюква малюет клюку.
Слон желторотый
В волнах компота
Бодро уходит на дно.
Стриженный финик
Щиплет полтинник
Сивой синице назло.
Лебедь в берете
Едет в карете,
Свежие скрепки жует.
В клетке на ветке
Тлеют объедки,
Сельдь серенады поет...
И так далее...*

На самом деле инструкция была в пять раз длиннее, но в качестве образчика нам с вами хватит и небольшого отрывка.

Тирания сделала перевод с ведьмовского. Затем все огни в лаборатории были погашены и в полном мраке тетка и племянник пустились колдовать наперегонки, стараясь перещеголять друг друга. Словно в дурном сне, из

мракая являлись фантастические видения, они то набрасывались друг на друга, то шли в атаку, то отступали и наконец исчезали, а на смену являлись все новые и новые.

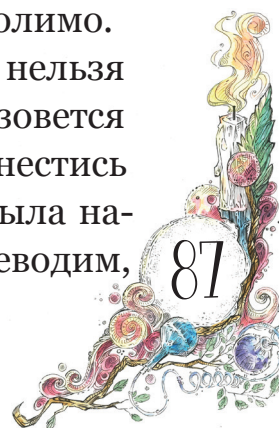
Вот завертелись в воздухе огненные смерчи, они кружились, рассыпали искры и вдруг выросли в огромные столбы пламени, потом уменьшились до размеров светлячка, и тут их склевал чей-то клюв, хотя никакой птицы не было видно. Надвинулась серая туча, из которой свешивался, уцепившись хвостом, скелет собаки. Вдруг собачьи кости превратились в огненных змей — они сплелись в клубок и покатались по полу. Оскалил зубы и страшно заржал лошадиный череп с пустыми глазницами. Крысы с человеческими головами пустились плясать и водить хоровод вокруг чаши с пуншем. Громадный синий клоп, на спину которого уселась верхом ведьма, бросился бежать наперегонки с огромным желтым скорпионом, которого оседлал колдун. С потолка дождем посыпались розовые пиявки, и тут появилось гигантское, высотой с человека черное яйцо, оно треснуло, на пол высыпало множество маленьких черных рук, — пятерни забегали по лаборатории, как пауки. Показались песочные часы, в которых песок бежал не вниз, а вверх. В черном мраке проплыла огненная рыбина. Крохотный робот на трехколесном велосипеде поразил копьём каменного голубя, и тот рассыпался в прах. Бритоголовый гигант с торчащими голыми ребрами сжимался, как гармошка, и снова вытягивался во весь свой огромный рост...

Этому не было конца — видения все быстрее сменяли друг друга, и все они исчезали, нырнув в чашу с волшебным пуншем, и всякий раз ее содержимое вскипало и шумно бурлило, словно в него погружали раскаленное железо.

Но вот видения промчались в последнем бешеном вихре, и прогремел взрыв — кунштюк-пунш в чаше из Холодного пламени вспыхнул желтым огнем.

Бредовред включил электрическое освещение. В результате столь тяжких трудов они с Тиранией вконец вымотались. Нужно было подкрепиться — принять особые волшебные таблетки, чтобы выдержать последнюю и самую трудную процедуру. Но они не могли позволить себе роскошь — сделать перерыв для отдыха. Ведь время мчалось неумолимо.

Четвертая, последняя фаза, была совершенно особенной. Ее нельзя было произвести в нашем мире, то есть там, где существует то, что зовется временем и пространством. Колдун и ведьма должны были перенестись в четырехмерное пространство. А инструкция по перемещению была написана на трансгалактическом языке, который абсолютно непереволим,

потому что выражает понятия и процессы, существующие только в четырехмерном пространстве, — в нашем мире их просто нет.

Эта последняя, невероятно трудная работа была необходима, чтобы придать пуншу способность делать все наоборот, выполнять все желания шиворот-навыворот, а не в прямом смысле.

Инструкция гласила:

*Мордочарный трубогрех
Квадромыро жвакни,
Дурогадный умамрок
Топозыро дрякни!
Щипцарапни, звизварни
Реживжиком пишишки,
Уйло, юйло обдрыгни,
Распохрясив хришки.
Гнусозлыкцы-шпырьянцы
Щурбят ва Пыхаре...
Визоплеслые фрыксы
Жвьырят усь тутаре.
Забуркочат грязьвейки
Плюйко, флозетливо,
Сжахнут чухло пустерки
Ас фумос щихливых.
Глобозор ды, гладнопрорв?
Хра! — забрызло хвакнет
Мордочарный трубогрех
Хи подзырбо дрякнет!*

Сначала ни Бредовред, ни Тирания не знали, как расшифровать эту инструкцию. Но они знали, что и читать, и говорить на трансгалактическом можно, лишь находясь в четырехмерном пространстве. Так что выхода не было — колдун и ведьма отправились в четырехмерное пространство.

А оно существует не где-то далеко, а прямо тут, в том месте, где мы находимся. Просто мы его не воспринимаем — ведь наши глаза устроены с расчетом на трехмерное пространство.

Тирания, будь она одна, ничего не придумала бы, но ее племяннику был известен способ перемещения из трехмерного пространства в четырехмерное.

Он извлек откуда-то медицинский шприц и маленький причудливой

формы пузырьков, в котором булькала бесцветная жидкость. «Люциферский Сатанинский Допинг» было написано на этикетке.

— Вот это нужно ввести в кровь, — сказал Бредовред.

Тирания кивнула:

— Наконец-то я вижу, мое золотко, что не напрасно платила денежки за твоё обучение. А ты испытал на себе действие этого вещества?

— Да, тетя, было такое. Пару раз. Я, знаешь ли, совершал с его помощью небольшие такие путешествия... Отчасти с исследовательской целью, ну и ради удовольствия.

— Тогда — в путь!

— погоди, тетя. Я должен предупредить тебя, что это путешествие небезопасное. Очень важно правильно рассчитать дозу.

— Что ты хочешь сказать?

Бредовред усмехнулся так, что ведьме сделалось очень, очень не по себе.

— Я хочу сказать, милая тетя Тираша, что мы с тобой можем очутиться неизвестно где. Если доза будет хоть чуточку меньше, чем надо, ты, тетя, провалишься в двухмерное пространство. А там ты станешь совершенно плоской, как кинокадр. Задней стороны — и той у тебя не будет, один перед останется, вот какой ты сделаешься плоской. А главное, без посторонней помощи ты не сможешь вернуться обратно. И придется тебе навсегда — понимаешь? — навечно остаться двухмерной плоской картинкой, бедная ты моя старушенция. Если же доза окажется слишком большой, ты улетишь в пятимерное или шестимерное пространство. А там, в пяти и шести измерениях, творятся такие диковинные вещи... Ты и сама-то забудешь, из каких частей когда-то состояла. Вот и вернешься обратно не вся, а только частично. Или обретешь новый облик — твои части могут сложиться по-новому, кто его знает, как... Да и вернешься ли вообще?

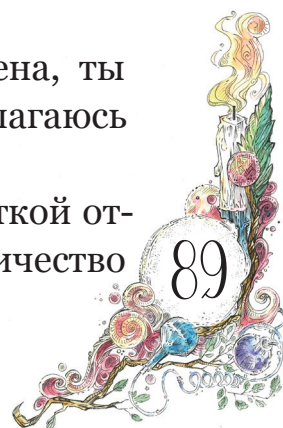
В течение нескольких минут колдун и ведьма молча глядели друг на друга.

Тирания знала, что до поры до времени племянник нуждается в её помощи. Пока катастрофо-фанархисториязвандалкогорючий кунштюк-пунш не готов, Бредовред у без помощи тетки было не обойтись. И Бредовред знал, что она это знает.

Оба усмехнулись одинаковой зловещей усмешкой.

— Хорошо, — с расстановкой заговорила Тирания. — Уверена, ты сделаешь все стопроцентно правильно. Я целиком и полностью полагаюсь на твоё себялюбие, золотко.

Бредовред наполнил шприц бесцветной жидкостью. Они с теткой отвернули рукава на левой руке. Бредовред тщательно отмерил количество

препарата и сделал инъекции — сперва тетке, затем себе.

И вот их очертания задрожали, начали расплываться, вытягиваться в длину и в ширину, еще миг — и колдун с ведьмой исчезли. И в этот же миг в чаше из Холодного пламени начали твориться поразительные вещи...

— Ты говоришь, я гений? — вдруг заговорил Якоб. — Охо-хо, хорош гений, ничего не скажешь! Так бы и ощипал себя всего за эту дурацкую гениальную идею. Никогда в жизни не буду больше размышлять — клянусь! Не сдержу слова — значит, не взлететь мне в небо до конца моих дней. Одни неприятности от размышлений, честное слово.

Но Мориц не слышал — он залез еще выше и сидел теперь под самой крышей колокольни. Крыша была крутая, почти отвесная.

— А ведь и вправду заберется, — сказал Якоб. — Ох, чтоб мне пере-
линять, ведь заберется, вот головорез!

Якоб собрал последние силенки и полетел вслед за котом, однако из-за темноты нигде его не увидел. Ворон сел на каменную голову трубящего в трубу ангела-глашатая Страшного суда и огляделся по сторонам.

— Мориц! Мориц, где ты? — закричал он. Ответа не последовало.

И Якоб в отчаянии прокричал в темноту:

— Эй, ты, рыцарь! Даже если ты в самом деле залезешь наверх! Эй! Даже если мы оба туда заберемся и раскатаем колокол — слышишь? Да только ничего не выйдет, так и знай! Так вот, в этом нет смысла! Потому что мы ведь поднимем трезвон теперь! И это будет не новогодний трезвон! А просто звон, обычный звон, вот и все! Ведь дело не в колоколах! Ведь надо, чтоб они зазвонили ровно в полночь!

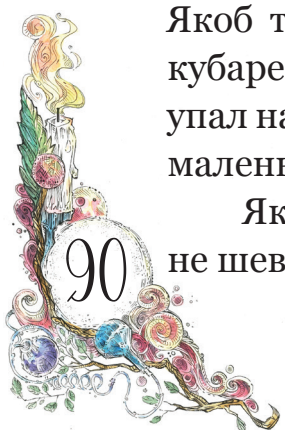
Ни звука не раздавалось в ответ, лишь ветер свистел и завывал над каменными статуями. Якоб крепче вцепился когтями в голову ангела с трубой и закричал что было мочи:

— Котик! Котик! Ты жив? Ты здесь или уже сверзился?

На долю секунды ему померещилось, будто где-то в вышине послышалось слабое жалобное мяуканье. Якоб полетел наугад в темноте, то и дело кувыркаясь в воздухе под порывами ледяного ветра.

Поразительно: Мориц в самом деле, сам не зная как, добрался до стрельчатого окна на самом верху и через него проник внутрь колокольни. Якоб тоже влетел в окно. В этот момент котик потерял сознание и кубарем покатился вниз. Но, к счастью, вниз лететь было недалеко. Он упал на деревянный пол звонницы и остался лежать без движения, словно маленький клочок пестрого меха.

Якоб подлетел к нему и легонько тюкнул клювом. Но котик даже не шевельнулся.

— Мориц! Ты умер?

Не получив ответа, Якоб печально понурился. И вдруг вздрогнул.

— Не могу не признать, котик, — тихо и торжественно сказал он, — хоть и не отличался ты великим умом, но героем ты был. Предки-артистократы могли бы гордиться тобой. Если бы у тебя были такие предки.

Но тут у Якоба потемнело в глазах, и он повалился навзничь рядом с котишкой. Ветер свистел над колокольной, заметал в окно снег, и снегом все больше заносило кота и ворона.

Под почерневшими от времени деревянными брусьями совсем близко — рукой подать — висели огромные темные колокола. Они молчали в ожидании полуночи, когда им предстояло величественным звоном торжественно встретить Новый год.

С бешеной скоростью, как в центрифуге, вращался в чаше из Холодного пламени волшебный пунш — там, словно сбесившаяся золотая рыбка в аквариуме, металась, рассыпая яркие искры, сверкающая хвостатая комета.

Бредовред и Тирания уже вернулись из четырехмерного пространства и теперь, вконец измочаленные, бессильно развалились в креслах. Больше всего на свете им хотелось просто посидеть хоть несколько минут без дела, хоть чуть-чуть передохнуть, но как раз этого они не могли себе позволить — это подвергло бы их жизнь величайшей опасности.

Оба сидели, уставившись на чашу с пуншем.

Напиток в принципе был готов. Никаких процедур теперь не требовалось, все было сделано точно по рецепту, однако в те несколько минут, которые оставались до начала колдовского сатанинского эксперимента, колдун и ведьма должны были одолеть еще одно трудное препятствие. И оно, похоже, было самым коварным. Задача состояла в том, чтобы не делать, вот именно — не делать определенных вещей.

Согласно самой последней инструкции пергаментного свитка, теперь следовало просто-напросто дожидаться, пока волнение в чаше само собой не успокоится и вся муть не растворится без осадка. А до этого момента колдун и ведьма ни в коем случае не должны были задавать никаких вопросов, даже мысленно. Ведь всякий вопрос (скажем: «Получится или нет?», или: «Почему я так поступил?», или: «Есть ли в этом смысл?», «Чем все это кончится?») содержит в себе крупную долю сомнения.

А в последние минуты никаких сомнений быть не должно. Нельзя было даже мысленно задать и вопрос о том, почему нельзя задавать вопросов.

Дело в том, что пока волнение в чаше не улеглось и пунш не стал прозрачным, он находился в крайне восприимчивом и нестабильном

состоянии. Он реагировал Даже на мысли и чувства. Малейшее сомнение в колдовской силе напитка — и варево взорвалось бы как атомная бомба, а уж тогда на воздух взлетели бы не только колдун с ведьмой, но и вилла «Ночной кошмар», да и весь город.

Однако, как всем известно, нет ничего труднее, чем не думать о чем-то, о чем думать запрещено. Например, обычно ты не думаешь о кенгуру. А вот если тебе скажут, что в течение пяти минут ты ни в коем случае не должен думать о кенгуру — ну, как тут сделать так, чтобы не лезли в голову мысли именно о кенгуру? Есть только один выход: предельно сосредоточиться и думать о чем-нибудь другом, не важно о чем.

И вот Бредовред и Тирания сидели в лаборатории и изо всех сил старались думать о чем угодно, только не о пунше, и ни о чем даже мысленно не задавать вопросов. От страха и усердия у них буквально глаза на лоб лезли.

Колдун бормотал себе под нос стишки, которые выучил когда-то в детском адике. (Детский адик у злых волшебников — то, что у обычных людей называется детским садиком). Бормотал он стихи монотонно и уныло:

*Я грязнуля-поросенок
Перепачкал сто пеленок,
Я неряха, я — хрю-хрю!
Скоро вырасту в свинью.*

Или вот такие стихи:

*Маленький мальчик жабу поймал,
Хрясь! — и головку ей оторвал,
Бросил в канавку и дальше пошел.
Вот молодец — поступил хорошо!*

Он и колыбельную вспомнил, которую когда-то в детстве пела ему матушка:

*Спи, моя радость, усни,
Глазки скорее сомкни.
Мышки летают в саду,
Дремят пиявки в пруду...
Спи, моя радость, усни...
Папа твой кровушку пьет.
Он и сыночку нальет,*

*Пей, мое солнышко, пей,
Будешь, как папа, злодей.
Пей, мое солнышко, пей...*

Прочел Бредовред и такой стишок:

*Жучкам и мухам лапки отрывает
Десятилетний полудиот.
Он идиотом полным стать мечтает,
Вот и ведет себя как идиот.*

Он читал и многие другие назидательные стишки и пел веселые детские песенки.

Тем временем Тирания подсчитывала в уме, какой доход принесет ей один золотой талер, если положить его в банк под 0,6 процентов годовых в нулевом году. Конечно, если принять, что банк, основанный в году, порядковый номер которого нуль, до сих пор не лопнул.

Эту математическую задачку она решала по формуле, которая известна всем бизнес-ведьмам и бизнес-колдунам:

$$K = K_0 (1 + i)^n,$$

где K — капитал, n — порядковый номер года, i — сумма процентов за один год.

Тирания дошла уже до такой суммы, которая равнялась стоимости сотен и тысяч золотых шаров размером с наш земной шар, однако до суммы процентов за текущий год ей было еще далеко. Тирания считала и считала в уме не хуже калькулятора — ведь на карту была поставлена ее жизнь.

Прошло довольно много времени, а кунштюк-пунш все еще бурлил и был мутным. С каждой минутой Бредовред все сильнее чувствовал, что его тело вытягивается в длину и изгибается в виде вопросительного знака. А Тирании мерещилось, что бесчисленные колонки цифр, которые она вообразила, состояли из множества малюсеньких вопросительных знаков — они мельтешили, прыгали и ни за что не хотели выстраиваться в ряды и столбики.

— Ох, ради всех канцерогенов (Канцерогены — химические вещества, воздействие которых на организм при определенных условиях вызывает рак и другие опухоли.)! Это выше моих сил, я не помню больше ни одного стишка...

А Тирания прошептала в ужасе:

— В моих подсчетах все смешалось! Сейчас... Сейчас я начну думать о...

Бац! Племянник отвесил тетушке отменную оплеуху — а что было делать?

Уй-юй-юй! — взвизгнула ведьма. — Ну, погоди! — И влепила племяннику такую затрещину, что у того очки слетели с носа да и улетели в дальний конец лаборатории.

И тут пошла у них такая драка, которая сделала бы честь самым каратистовым каратистам.

Наконец опомнившись, тетка и племянник увидели, что оба сидят на полу и пыхтя глядят друг на друга. У Бредовреда красовался под глазом синяк, у Тирании из носа сочилась кровь.

— Я не хотел тебя обидеть, тетя Тираша, — казал Бредовред. — Но взгляни-ка! — Он показал на чашу из Холодного пламени.

Огневой вихрь полностью утих, вся муть куда-то исчезла. В чаше переливался всеми цветами радуги прозрачный и спокойный катастрофанаархисториязвандалкогорючий кунштюк-пунш.

Колдун и ведьма глубоко вздохнули — гора с плеч!

— Дать пощечину — это была гениальная идея, — сказала Тирания. — Все-таки ты хороший мальчик, маленький мой.

— Ну вот, тетя, опасность миновала, и мы можем думать о чем угодно. По-моему, теперь самое время всласть поразмыслить о том, о чем хочется. Как ты считаешь?

— Идет!

Предвкушая удовольствие, ведьма аж глаза закатила.

А Бредовред осклабился. Конечно же, предложив тетке вволю поразмышлять о чем-то приятном, он втайне кое-что уже придумал — то-то тетушка подивится.

Ворон и котиха постепенно пришли в себя после обморока, и в первую минуту обоим показалось, что они спят и видят сон. Ледяной ветер стих, было очень тихо, на небе высыпали звезды, мороз ослаб. Звонница была озарена призрачным золотым светом. И вдруг одна из громадных каменных статуй, что уже много веков подряд взирали на город с высокого стрельчатого окна колокольни, обернулась и шагнула с окна к ним в звонницу. Оказывается, статуя была живая!

Это был худощавый пожилой господин в длинном расшитом золотом плаще. На плечах у него, точно эполеты, лежал снег. На голове у незнакомца была высокая епископская тиара, в левой руке он сжимал жезл с загнутым концом. Светло-голубые глаза под кустистыми белыми бровями смотрели довольно приветливо, но и немного растерянно — незнакомец удивился, увидев кота и птицу.

В первую минуту можно было бы подумать, что этот старец — святой Николай, Сайта-Клаус. Но он был без бороды. А разве кто-нибудь видел бритого Сайта-Клауса?

Старец поднял руку, и тут Якоб и Мориц почувствовали, что не могут ни пошевелиться, ни заговорить. Оба сильно испугались, но в то же время, у них, как ни странно, появилось чувство, что теперь они под надежной защитой.

— Вы что это тут делаете, сорванцы, а? Отвечайте! — Он подошел ближе и склонился, чтобы получше разглядеть ворона и кота. При этом он сощурился — наверное, он был близорук.

Кот и ворон испуганно смотрели на него снизу.

— Мне известно, что вы задумали, — продолжал старец. — Вы же во всю глотку кричали о своих планах, когда забирались сюда наверх. Вы задумали расстроить мой великолепный новогодний звон. Честно говоря, по-моему это не слишком красиво. Я и сам очень люблю разные озорные проделки, ведь я как-никак святой Сильвестр. Но то, что вы собрались устроить нынче вечером, это скверная шутка, согласны? Стало быть, я вовремя подоспел.

Кот и ворон хотели возразить, но по-прежнему не могли вымолвить ни словечка.

— Должно быть, вы не знаете, — продолжал святой Сильвестр, — что раз в год, в день моих именин, я прихожу сюда и смотрю, все ли в порядке. В наказание за то, что вы задумали такую скверную шутку, мне наверное, следует превратить вас в каменные изваяния и на часок-другой поставить в угол. Да, так и сделаю. Посидите-ка тут до утра, подумайте

о своем поведении. Но прежде я желаю услышать, что вы скажете в свое оправдание.

Кот и ворон молчали.

— Вы что же, дара речи лишились? — удивился святой Сильвестр. — Ах да, совсем забыл... — Он снова взмахнул рукой. — Ну, говорите, да не разом, а по очереди. И не вилять! Говорите правду.

Наконец-то два незаслуженно обиженных героя смогли промяукать и прокаркать, что привело их на колокольню и кто они такие, и какой страшный план придуман ведьмой и колдуном. От усердия Мориц и Якоб не раз начинали говорить вместе, так что святому Сильвестру стоило труда понять что к чему. Но чем дальше он слушал, тем добрее светились его глаза.

А Вельзевул Бредовред и Тирания Кровосос к этому времени сами себя загнали, прямо скажем, в тупик.

Когда колдун предложил ради отдыха дать свободу мыслям, он втайне устроил тетке коварную ловушку. Его целью было одурачить ничего не подозревавшую бизнес-ведьму. Кунштюк-пунш был готов, в теткиной помощи Бредовред больше не нуждался. Он решил от нее избавиться и использовать всю небывалую колдовскую силу пунша для себя одного. Но, разумеется, Тирания тоже притворялась — она согласилась на короткую передышку, чтобы в свою очередь перехитрить племянника. Она тоже сообразила, что теперь прекрасно может обойтись и без его помощи.

В одно и то же мгновение колдун и ведьма собрали все свои магические силы и попытались загипнотизировать и парализовать один другого пристальным магическим взглядом. Они уставились друг на друга, и началась беззвучная, но страшная борьба. Однако вскоре стало ясно, что сила воли у них абсолютно одинаковая. Вот и сидели они не шевелясь, не говоря ни слова, а от напряжения по лицам у обоих струились капли пота. Колдун не спускал глаз с ведьмы, ведьма — с колдуна. Они гипнотизировали друг друга сосредоточенно, усердно, не давая себе передышки.

Вдруг проснулась и с жужжанием принялась кружить по лаборатории жирная муха, что зимовала где-то на пыльных стеллажах. Она почувствовала, что ее что-то притягивает к себе, словно яркий свет. Но это был не свет, а парализующие лучи, они шли из глаз ведьмы и колдуна и вспыхивали в воздухе электрическими разрядами. Муха влетела в зону действия лучей и тут же с тихим стуком шлепнулась на пол, не в силах шевельнуть лапкой. И до конца своей короткой жизни эта муха осталась парализованной.

Но тетка и племянник тоже не могли двигаться. Гипнотизируя один другого, каждый сам подвергался действию гипноза. И разумеется, по этой причине они не могли перестать гипнотизировать друг друга.

Мало-помалу тетка и племянник начали соображать и поняли, что совершили роковую ошибку, но было уже поздно. Ни он, ни она не могли даже пальцем пошевелить, не то что повернуть голову или закрыть глаза и прекратить излучение. К тому же, нельзя было, чтобы излучение прекратил кто-то один — ведь тогда он оказался бы в безраздельной власти другого. Ведьма не могла прекратить гипноз, пока колдун не прекратит гипноз. Колдун не мог прекратить гипноз, пока ведьма не прекратит гипноз. Итак, по своей собственной вине они попали в так называемый замкнутый круг. В колдовских и ведьмовских кругах его называют также *circulus vitiosus* — порочный круг.

— Век живи — век учись, — сказал святой Сильвестр. — И однажды узнаешь, что даже наш брат может ошибиться. Напрасно я вас обидел,

мои маленькие друзья. Прошу у вас прощения.

— Не стоит и говорить о таких пустяках, монсиньор, — светским тоном ответил Мориц и махнул лапой. — Подобные недоразумения случаются даже в самом аристократическом обществе.

А Якоб добавил:

— Бросьте, ваше высокородие. Чего уж там! Не берите в голову. Я к плохому обращению давно привык.

Святой Сильвестр усмехнулся, но тут же лицо его снова стало озабоченным.

— Что же нам делать? — довольно растерянно сказал он. — То, что я от вас услышал, просто ужасно.

Мориц, преисполнившийся героическим воодушевлением благодаря неожиданной поддержке со стороны столь высокой особы, предложил:

— Монсиньор, быть может, для вас не составило бы труда собственноручно ударить в колокол?

Но святой Сильвестр покачал головой:

— Нет, нет, дорогие мои. Только не это. Это совершенно невозможно. Все на свете имеет свой порядок, свое место и время. Конец старого и начало Нового года — не исключение. Ничего тут произвольно изменить нельзя. Если мы вздумаем нарушить порядок, может произойти страшное несчастье.

— Ага, что я говорил! — хмуро заметил ворон. — Глупости все это. Зря старались. Порядок, понимаешь ли! Даже если из-за этого порядка весь мир полетит к черту.

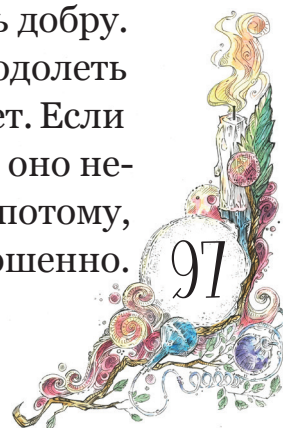
Святой Сильвестр сделал вид, будто не расслышал непочтительного замечания. Его мысли были, видимо, где-то далеко.

— Ах, да, да... Зло — так, кажется? Ну, да, припоминаю... — Он вздохнул. — Что такое, в сущности, зло? Для чего оно существует на свете? Иногда мы дискутируем об этом там, наверху. И все же этот вопрос остается загадкой. Даже для нас.

В глазах у святого Сильвестра появилось какое-то отсутствующее выражение.

— Знаете, мои маленькие друзья, с точки зрения вечности все часто представляется совсем не таким, каким видится нам в царстве Времени. С точки зрения вечности зло в конечном счете вынуждено служить добру.

Здесь есть внутреннее противоречие. Зло всегда стремится одолеть добро, но ведь без добра зло не может существовать, без добра зла нет. Если бы зло однажды получило полную неограниченную власть в мире, оно непременно разрушило бы все, над чем так жаждет властвовать. И потому, дорогие мои, зло существует лишь в силу того, что оно несовершенно.

Стань зло всесильным, оно само себя уничтожило бы. Поэтому в вечности для зла нет места. Вечно лишь добро, ибо оно существует само по себе и не несет в себе противоречия...

— Эй! — вдруг крикнул Якоб и, схватив клювом, дернул за край плаща Святого Сильвестра. — Не в обиду вам будь сказано, ваше высокоуродие... Ох, извините, я хотел сказать ваше высокородие! Сейчас-то, сейчас нам на это наплевать... Ох, извините, опять сорвалось. Только, пока вы тут хилософию разводите, поздно будет.

Святой Сильвестр, по-видимому, струдом вернулся к действительности.

— Что? — спросил он и приветливо улыбнулся. — О чем мы говорили?

— О том, монсеньор, — сказал Мориц, — что надо немедленно что-то предпринять. Иначе случится катастрофа.

— Ах, да! Правильно! Да-да-да... Но что же делать?

— Вероятно, монсеньор, спасти нас сейчас может лишь что-то вроде чуда. Вы же святой. Не могли бы вы просто взять да сотворить чудо? Маленькое такое, а?

— Просто сотворить чудо, — смущенно повторил святой Сильвестр. — Дорогой мой дружок, с чудесами все далеко не так просто, как тебе кажется. Никто из нас не может сотворить чудо, если ему не дано на то указания свыше. Так что сперва я должен подать запрос в высшие инстанции. Прежде чем я получу ответ, может пройти много времени. Если вообще получу ответ...

— Сколько времени? — спросил Мориц.

— Месяцы, годы, а то и десятки лет.

— Безобразие, — каркнул Якоб. — Такой ерунды нам не нужно. Нам чудо нужно сейчас, сию минуту.

У святого Сильвестра снова сделался этот странный, далекий от всего земного взгляд.

Чудеса, — благоговейно заговорил он, — не нарушают порядка в мире. Чудеса — это не колдовство. Они происходят в соответствии с высшим порядком, который непостижим для ограниченного земного разума...

— Так-то оно так, — вмешался Якоб, — но мы же имеем дело с колдовством, вот в чем беда. И времени у нас в обрез.

— Да-да... — святой Сильвестр снова не сразу вернулся из высших сфер философии к земной жизни. — По правде говоря, я вас понимаю, мои маленькие друзья. Но боюсь, я не слишком многое могу тут сделать. Я далеко не уверен, что мне вообще позволительно принимать решения. Но раз уж я здесь, то в порядке исключения... Может быть, все-таки есть выход...

Мориц подтолкнул ворона в бок и шепнул:

— Ага, понял? Он нам поможет!

Но Якоб ответил скептически: — Поживем — увидим.

— Если я вас правильно понял, — снова заговорил святой Сильвестр, — одного-единственного звука колокольного новогоднего звона достаточно, чтобы уничтожить обратное действие дьяволшебстворов... — он запнулся.

Катастрофанархисториязвандалкогорючего кунштюк-пунша, — без запинки промяукал Мориц.

— Вот-вот. Чтобы разрушить обратное действие этого напитка, правильно?

— Именно так они говорили, — подтвердил кот. Ворон кивнул.

— И вы полагаете, этого будет достаточно, чтобы предотвратить страшное злодеяние?

— Конечно, — сказал Якоб. — Но только, если эта чертова парочка ничего не пронюхает. Они ведь будут выкрикивать всякие добрые пожелания, чтобы натворить бед. А получатся как раз добрые дела.

— Так-так-так... — святой Сильвестр задумался. — Один-единственный звук из моего новогоднего колокольного концерта я, конечно, могу вам подарить. Будем надеяться, никто не заметит его отсутствия.

— Конечно, никто не заметит, монсиньор, — с жаром вскричал Мориц. — Одна нота в концерте ничего не значит, это известно любому певцу!

— А нельзя ли нам получить побольше нот? — спросил Якоб. — Просто на всякий случай, понимаете? Чтобы не вышло осечки.

— Это исключено, — строго ответил святой Сильвестр. — Даже один звук имеет значение, ибо мировой порядок...

— Ясно, ясно, — поспешно перебил ворон. — Я же только спросил... Но как же все это будет, ваше высокородие? Если вы сейчас разочек позвоните в колокол, то злодеи-то ведь услышат и сразу смекнут что к чему.

— Сейчас? — и снова у святого Сильвестра появилось отсутствующее выражение. — Звонить сейчас? Но это же совершенно не имеет смысла. Ведь это не будет новогодний звон. Новогодний звон начнется ровно в полночь. Таков порядок, ибо начало и конец...

— Вот именно! — с мрачным видом перебил ворон. — Кругом порядок! А в полночь поздно будет! Поздно! И всем крышка!

Мориц сделал ему знак замолчать. Взгляд святого Сильвестра, похоже, снова блуждал где-то в далеких краях. Сам же он вдруг сделался как бы выше ростом и всем своим видом внушал почтение.

— В вечности, — заговорил он, — мы живем по ту сторону пространства и времени. В вечности нет ни прошлого, ни будущего. Там следствие не обязательно идет после причины — они составляют вечно разделяющееся целое. И потому я уже сейчас могу подарить вам звук колокола, хотя

прозвучит он позже — в полночь. Действие этого звука будет предшествовать его причине. Таково свойство многих даров вечности.

Кот и ворон переглянулись. Ни тот, ни другой не поняли, о чем говорил святой Сильвестр. А он любовно погладил рукой край самого большого колокола... И вдруг в руке у него оказался кусочек прозрачного льда. Он осторожно взял его двумя пальцами и показал Морицу и Якобу, те осмотрели льдинку с обеих сторон. В ледяном кристалле сверкал и переливался яркий огонек, светившийся светом неземной красоты. В то же время он был в точности похож на музыкальную ноту, как ее изображают на письме.

— Вот, — сказал святой Сильвестр. — Возьмите и скорей отнесите туда. Незаметно опустите ее в чашу с адо... как там дальше? С этим пуншем. Но смотрите, не выроните ее на пол и не потеряйте. Она у вас одна, второй я вам не смогу подарить.

Якоб осторожно зажал льдинку в клюве и промычал что-то вроде «угу» — говорить-то он не мог. Зато он несколько раз поклонился.

Мориц изящно шаркнул задней лапой и промяукал:

— Покорнейше благодарим, монсиньор. Мы оправдаем ваше доверие. Но не могли бы вы дать нам еще один, последний совет? Как нам сделать так, чтобы не опоздать?

Святой Сильвестр вновь вернулся из своих далеких, очень далеких странствий — мысли его блуждали где-то в вечности.

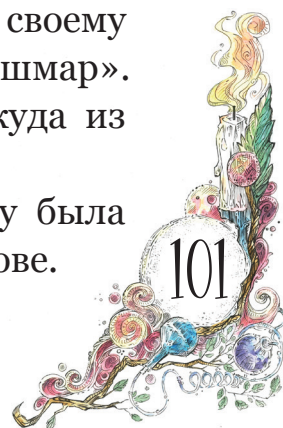
— Что ты сказал, мой маленький друг? — спросил он, глядя на кота с улыбкой, какая бывает только на лицах святых. — О чем мы говорили?

— Простите, — пролепетал котик, — я спросил об этом, потому что мне кажется, я вряд ли одолею этот долгий путь. Разве смогу я слезть отсюда? Да и бедняга Якоб совсем выбился из сил.

— Ах, вот оно что! Вот оно что... Ну, что ж, по-моему, все очень просто. Вы полетите со скоростью звука колокола. Путешествие займет одну-две секунды, вы вовремя прибудете на место. Но держитесь друг за дружку покрепче. А теперь мы с вами простимся. Мне было очень приятно познакомиться со столь храбрыми и честными созданиями Божьими. Я расскажу про вас там, наверху. — И он поднял руку и благословил кота и ворона.

А потом Мориц и Якоб крепко ухватились друг за дружку и со скоростью звука полетели по ночному небу. Спустя секунду они к своему удивлению очутились в кошачьей камерке на вилле «Ночной кошмар». Окно стояло раскрытым, и можно было подумать, что они никуда из комнатки не улетали.

Но сном все происшедшее не было — свидетельством тому была льдинка с прекрасным огоньком, которую Якоб Карр держал в клюве.

Жизнь черных магов чрезвычайно утомительна и беспокойна. А все потому, что они должны постоянно очень внимательно следить за всеми живыми существами, да и за неживыми предметами, которые отданы в их власть. В сущности, колдуны ни на секунду не могут позволить себе расслабиться — ведь их могущество основано только на принуждении. Ни одно живое существо и даже вещь не согласились бы служить им по доброй воле. Вот и приходится им постоянно держать все вокруг в рабской покорности. Делают это колдуны с помощью магического излучения. Если бы излучение хоть на минуту прекратилось, против них тотчас же поднялся бы мятеж.

Нормальному человеку, наверное, трудно себе представить, что есть люди, которым нравится обладать подобной властью. И все-таки такие люди были и есть. Они не отступают ни перед чем — лишь бы получить, а потом удержать в своих руках господство над окружающими. И это не только колдуны и ведьмы.

Чем больше силы воли Бредовред тратил, чтобы преодолеть паралитический гипноз Тирании своим гипнозом, тем меньше энергии у него оставалось на то, чтобы держать под неослабным контролем множество стихийных духов, которые томились в так называемом «естественнонаучном музее» колдуна.

Все началось с того, что проснулся тот самый на редкость уродливый грызун Буквояд, он потянулся, огляделся вокруг, а поняв, где находится, так разбушевался в своей стеклянной банке, что сверзился вместе с нею со стеллажа. Высота была не настолько большой, чтобы Буквояд пострадал при падении, но вполне достаточной, чтобы его стеклянная тюрьма разлетелась на куски.

Проснулись и другие духи, они махали друг другу, корчили рожи, стучали в стеклянные стенки банок. Увидев, что Буквояд вышел на свободу, многие стихийные духи последовали его примеру. Один за другим разбивались стеклянные сосуды, бывшие узники спешили на помощь тем, кто еще сидел в банках. Вскоре в темном коридоре так и кишели стихийные духи — тысячи и тысячи гномов и koboldов, водяных и эльфов, сифид и саламандр всевозможного вида и разнообразнейшего облика. Все они теснились в коридоре, натыкались друг на друга, метались туда и сюда, ведь никто из них не знал расположения комнат на вилле «Ночной кошмар».

Буквояд не обращал внимания на стихийных духов — как грызун высокообразованный он просто не верил в реальность подобных существ. Он принюхивался, стараясь что-то учуять в воздухе. Ужасно долгое время Буквояд не имел возможности заниматься любимым делом есть поедом книги, и страшно проголодался. Безошибочное чутье подсказало ему,

где следует искать пищу, и Буквоед поспешил в лабораторию. Кое-кто из гномов нерешительно двинулся следом за ним в надежде, что, может быть, Буквоед покажет всем путь к свободе. К этим гномам начали присоединяться другие стихийные духи, и вскоре в лабораторию зашагала уже целая армия во главе с Буквоедом, который, сам того не желая, оказался вождем мятежников.

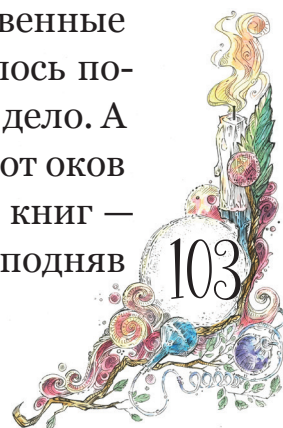
Все стихийные духи очень маленькие, однако, как известно, силой они обладают огромной. Каменные стены виллы «Ночной кошмар» содрогнулись до основания, словно при землетрясении, когда армия духов пошла на штурм лаборатории, сметая все на своем пути. Со звоном лопались оконные стекла, с грохотом распахивались двери, по стенам бежали трещины, как при взрыве бомб.

Но лабораторное оборудование, то есть вещи, которые все еще были заряжены колдовской энергией Бредовреда, вдруг ожили и оказали мятежникам сопротивление. Бутыли, стеклянные пробирки и колбы, тигли и штативы пришли в движение, засвистели, зафыркали, заплясали на месте, пошли прыскать едкими эссенциями и растворами. Многие в этом бою превратились в осколки, но и стихийные духи получили хороший урок; жалобно вопя и хромя, они поспешно ретировались в Мертвый парк. Там они и затаились.

Буквоед бежал от этого оглушительного сражения в тишину библиотеки. Здесь он хотел наконец спокойно закусить. Он снял с полки первый попавшийся том и принялся смачно поедать букву за буквой. Однако волшебная книга вдруг увернулась и живо сцапала

Буквоеда, крепко зажав его между двумя сторонами обложки. В такой вот переплет попал Буквоед! Он стал вырываться, и тут сотни и тысячи книг на полках ожили и стройными рядами стали спускаться вниз.

Всем известно, что многие книги непримиримо враждуют между собой. И всякий, у кого есть хоть капля такта, никогда не поставит, например, «Степку-Растрепку» («Степка-растрепка» — книга Генриха Гофмана, впервые изданная в 1847 г. и популярная до сего дня; переведена почти на все языки мира.) рядом с «Хайди» (Хайди — имя девочки — героини книг швейцарской писательницы XIX в. Иоганны Шпири.), а «Свод законов о налогообложении» рядом с «Бесконечной книгой» («Бесконечная книга» — роман Михаэля Энде). А ведь это самые обыкновенные книги, и они не смогли бы ничего поделать, если бы нам вздумалось поставить их рядом друг с другом. Волшебные книги — совсем другое дело. А здесь книги были не только волшебные, но еще и освободившиеся от оков рабства! И потому очень скоро образовались враждующие отряды книг — в соответствии с их содержанием. Они пошли друг на друга, грозно подняв

обложки, каждая книга пыталась проглотить какую-нибудь другую. При виде этого даже Буквоеду стало страшно, и он бросился наутек.

А затем и мебель не устояла на месте. Тяжелые шкафы, кряхтя, тронулись в путь, сундуки с домашней утварью и посудой грузно топотали, стулья и кресла, точно конькобежцы, раскатывали на одной ножке, столы скакали галопом и вставали на дыбы, как лошади на родео. Короче, началось то, что принято называть шабашем нечистой силы.

Стенные часы в слепой ярости молотили молотком не по своему пальцу, а куда попало. Стрелки на циферблате вертелись не хуже пропеллера, а потом часы вдруг сорвались со стены и пустились кружить над полем битвы, словно вертолет. И всякой раз когда они пролетали над колдуном и ведьмой, которые по-прежнему сидели в оцепенении, молоток бил их по головам.

К этому времени уже все до одного стихийные духи вырвались на свободу и разбежались кто куда. Книги, мебель и прочие вещи, которые до сих пор воевали друг с другом, теперь обратили свою ярость против угнетателей. На Бредовреда и Тиранию сыпались удары со всех сторон — книги их колотили, чучело акулы кусало, химические колбы обливали едкими веществами, комоды пинали, столы и стулья лупили ножками. В конце концов тетка и племянник разом повалились на пол и кубарем покатались по лаборатории. Действие взаимного гипноза, разумеется, в тот же миг прекратилось. Колдун и ведьма с трудом поднялись на ноги.

— Прекратить! — проревел Бредовред громовым басом.

Он взмахнул руками, и от десяти его растопыренных пальцев во все углы лабораторий во все самые дальние закоулки виллы, по извилистым коридорам, вверх по лестницам на чердак и вниз в подzemелье полетели огневые молнии.

А Бредовред пророкотал:

*Что за свалка?
Вот я вас!
С вами нужен глаз да глаз!
Распустились, баламуты!
Смирно!
Баста, кончить смуту!*

Ему не удалось вернуть стихийных духов, убежавших за пределы виллы, — пока суд да дело они успели защитить себя от магического воздействия колдуна. А вот побоище в стенах виллы в тот же миг прекратилось. Все, что кружилось в воздухе, с грохотом и звоном упало на пол,

все, что вцепилось друг в друга, расцепилось, и все вещи замерли. Только длинная пергаментная змея с написанным на ней рецептом волшебного пунша, долго извивалась в воздухе, точно гигантский червяк, пока не упала в камин, где и сгорела до тла.

Бредовред и Тирания перевели дух и огляделись. Картина была жуткая — кругом валялись изодранные в клочья книги, осколки стекла, черепки, обломки мебели. С потолка и стен капали химические эссенции, на полу стояли дымящиеся лужи. Бредовред и Тирания тоже выглядели не лучшим образом — с ног до головы в синяках и ссадинах, одежда у обоих грязная и рваная.

И только катастрофанархисториязвандал-когорючий кунштюк-пунш в чаше из Холодного пламени был цел и невредим и спокойно стоял на столе посреди лаборатории.

Когда в темном коридоре начали со звоном разбиваться стеклянные банки, кот и ворон как раз вернулись с соборной колокольни прямо в кошачью каморку. Ни тот, ни другой не могли понять, чем вызван адский шум, и на всякий случай выскочили из окна. В темном парке они уселись на ветке мертвого дерева и, прижавшись друг к дружке, испуганно прислушались к грохоту, от которого сотрясались стены виллы. То и дело трескались стекла в окнах и сыпались на землю осколки.

Как ты думаешь, это они поссорились? — шепотом спросил Мориц.

Якоб сжимал в клюве льдинку с прекрасным светлым огоньком внутри и ничего сказать не мог, он только хмыкнул и пожал плечами.

Тем временем ветер совсем стих. Черные тучи рассеялись, на небе миллионами бриллиантов засверкали звезды. Но мороз заметно усилился.

Кот и ворон тряслись от холода и теснее прижимались друг к другу, чтобы согреться.

Бредовред и Тирания стояли по разные стороны стола, между ними была чаша с пуншем. Тетка и племянник смотрели друг на друга с нескрываемой ненавистью.

— Проклятая старая ведьма, — проскрежетал Бредовред. — Это ты во всем виновата!

— Нет, ты! Ты, подлый обманщик, — прошипела Тирания. — Только посмей еще раз такое устроить!

— Это ты первая начала!

— Нет, ты!

— Врешь!

— Нет, не вру! Ты хотел от меня избавиться, чтобы выпить весь пунш в одиночку.

— Как раз ты хотела это сделать! Тут оба злобно замолкли.

— Золотко мое, — заговорила спустя некоторое время тетка. — Давай не будем делать глупостей. Как бы там ни было, мы потеряли уйму времени. И если мы не хотим, чтобы пунш, который мы с таким трудом приготовили, пропал зря, нельзя терять ни минуты.

— Верно, тетя Тираша, — криво усмехнувшись, согласился Бредовред. — Итак, пора привести сюда наших шпионов, да и начнем праздник. Пойду, приведу их.

— Я с тобой! А то у тебя опять появится какая-нибудь нехорошая идея, золотко.

Тетка с племянником живо пробрались через завалы из обломков и осколков и побежали по коридору.

— Они ушли! — прошептал Мориц. Он видел в темноте и хорошо различал через окно все, что происходило в лаборатории. — Скорей, Якоб! Лети, а я побегу.

Неуверенно хлопая крыльями, Якоб слетел с ветки и опустился на одно из разбитых окон лаборатории. Мориц с трудом слез с дерева — лапы плохо его слушались — потом, увязая в снегу, пробрался к дому, вспрыгнул на подоконник и осторожно пролез внутрь между острыми разбитыми стеклами. И вдруг он увидел на стене несколько окровавленных перьев и перепугался.

— Якоб! — шепотом позвал он. — Что с тобой? Ты поранился?

И тут Мориц несколько раз подряд сильно чихнул, да так, что едва не свалился с подоконника. Все ясно — в довершение несчастий он еще и схватил сильную простуду.

Мориц увидел страшный разгром в лаборатории.

«Господи, Боже мой! Да что ж это такое?» — хотел он сказать, но вместо слов получился лишь сиплый писк.

А Якоб уже сидел на краю чаши и силился разжать клюв, чтобы бросить в пунш льдинку. Но клюв словно заledenел.

Якоб жалобно посмотрел на Морица и промычал что-то.

— Ты лучше послушай! — с трагическим видом пропищал котик. — Слышишь, какой у меня голос? Вот что стало с моими вокальными данными. Все, нет у меня голоса и никогда больше не будет...

Якоб сердито запрыгал по краю чаши.

— Чего ты тянешь? — пропищал Мориц. — Бросай его туда.

— Гу-гу! Гу-гу! — Якоб отчаянно старался разжать клюв, но ничего не получалось.

— погоди, дай-ка я тебе помогу, — Мориц наконец понял, в чем дело. Он вспрыгнул на край чаши и вдруг пошатнулся и едва не свалился в пунш. Однако кот ухватился за ворона и благодаря этому не сорвался.

И тут в коридоре послышался голос ведьмы:

— Нет? Как это нет? Цып-цып-цып, Якоб, птичка моя, где ты? Куда же ты запропастился!

А затем и бас Бредовреда послышался:

— Мяуро ди Мурро, мой дорогой котик! Кис-кис, иди сюда, иди к своему дорожному маэстро!

Голоса слышались все ближе. — Всемогущий Котище наш на небесах, спаси нас, — пробормотал Мориц и обеими лапами потянул Якоба за клюв, чтобы тот разжался.

Плюх! Огромная чаша содрогнулась. Правда, колокольный звон не раздался, зато по поверхности пунша пробежала рябь, точь-в-точь мурашки по коже. И сразу же поверхность разгладилась, а льдинка бесследно растворилась в волшебном напитке.

Кот и ворон спрятались за опрокинутым комодом. И в ту же минуту в лабораторию вернулся Бредовред, а следом за ним Тирания.

Что такое? Здесь что-то произошло. Я чую, — заявила ведьма.

— Да что тут может произойти, — отмахнулся колдун. — Однако хотелось бы знать, куда запропастились кот и ворон. Если они удрали, то, выходит, все наши труды по приготовлению пунша пропали даром.

— Погоди, погоди! То есть как это «даром»?! До полуночи мы успеем выполнить наши договорные обязательства, ручаюсь стопроцентно. Или по-твоему, это значит «даром»?

Бредовред зажал тетке рот рукой.

— Ш-ш! Ты, что спятила, тетя Тираша? А вдруг они здесь и все слышат?

Колдун и ведьма настороженно прислушались. И разумеется, именно в эту минуту Мо-риц отчаянно громко чихнул.

— Ага! Будьте здоровы, господин камерный певец! — воскликнул Бредовред.

Кот и ворон нерешительно вышли из своего укрытия. У Якоба на груди краснело кровавое пятно, он волочил крылья по полу. Мориц шел пошатываясь, еле переставляя лапы.

— Та-а-к... протянула Тирания. И давно вы здесь, мои милые малютки?

— Вот сию минуту в окно влетели, — прокаркал Якоб. — Видите, мадам, я поранился о разбитое стекло.

— А почему вы не сидели в кошачьей каморке, как вам было велено?

— Мы сидели, — дерзко солгал Якоб. — Сидели и спали, все время. Но потом тут начался грохот и треск, и мы испугались и убежали в парк. А что стряслось-то? Просто страх какой шум стоял. Ой, а вы-то сами, вы только посмотрите, на кого вы-то похожи! Что с вами случилось?

Якоб подтолкнул Морица, и тот тоже спросил писклявым голоском:

— Что с вами случилось?

И тут на Морица напал жуткий кашель. Тот, кто хотя бы раз видел маленького котикшу, который весь трясется от кашля, знает, какое это душераздирающее зрелище. Колдун и ведьма притворились, что очень обеспокоены.

— Скверный кашель, котик, — сказал Бредовред.

— Сдается мне, скоро оба вы околеете, — посочувствовала Тирания. — Так с вами ничего больше не стряслось?

— Ничего больше! — вскричал Якоб. — Нет, каково? Битый час мы проторчали там на суку дерева, потому что боялись вернуться в дом. А стужа-то лютая! Ничего больше с нами не стряслось — конечно! Я ворон, мадам, а не пингвин. Моя ревматизма разыгралась не на шутку, я не могу пошевелить крылом, а большеничего! Мы едва не погибли, а больше ничего! Ох, я ведь с самого начала говорил, что все это добром не кончится...

— Ну ладно. А здесь вы ничего не трогали? — Тирания прищурилась, глядя на ворона.

— Да не трогали, не трогали! — буркнул Якоб. — Нам и того кошмара с бумажной змеюкой надолго хватит.

— Брось-ка, тетя Тираша, вмешался Бредовред. — Только время зря теряем.

Но Тирания покачала головой.

— Я что-то слышала. Меня не проведешь. — Она снова пристально посмотрела на кота и ворона. Якоб хотел что-то сказать и даже клюв открыл, но передумал — ему ничего не пришло в голову.

— Это все я, — вдруг пропищал Мориц. — Простите меня, пожалуйста. Хвост у меня замерз, сделался будто деревянная тросточка. Вот я нечаянно и задел хвостом вон ту стеклянную колбу. Но я чуть-чуть ее задел, ничего плохого тут не было, маэстро.

Ворон с уважением поглядел на коллегу. Объяснение Морица, по-видимому, успокоило колдуна и ведьму.

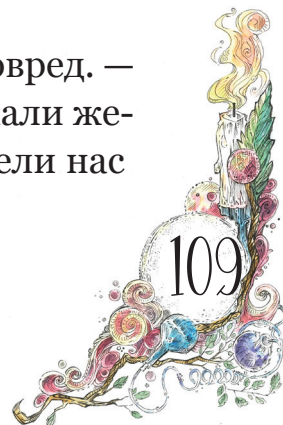
— Вы, конечно, не понимаете, почему лаборатория теперь похожа на поле брани, мои маленькие друзья, — сказал Бредовред.

И гадаете, кто же это так отделал меня и мою бедную тетю, не правда ли?

— Ага, кто? — каркнул Якоб.

— Ну, что ж, я вам скажу, — елеиным голосом продолжал Бредовред. — Пока вы мирно почивали в уютной кошачьей камерке, мы выдержали жестокое сражение. Мы бились с враждебными силами, которые хотели нас уничтожить. А знаете ли вы, почему?

— Нет. Почему? — спросил Якоб.

— Мы ведь обещали устроить вам чудесный, просто немыслимый сюрприз, правильно? А мы всегда выполняем наши обещания. Попробуйте-ка угадать, что это за сюрприз.

— Какой сюрприз? Какой? — закаркал Якоб.

И Мориц тоже запищал:

— Какой сюрприз? Какой?

— Ну, слушайте, мои дорогие маленькие друзья. Слушайте и радуйтесь. Моя добрая тетя и я неустанно, ценой великих личных жертв, — тут Бредовред бросил на Тиранию пристальный взгляд, — повторяю, ценой великих личных жертв трудились всю ночь напролет на благо всего мира. Власть денег, — и Бредовред указал рукой на бизнес-ведьму, — и сила знания, — тут он ткнул себя пальцем в грудь и слегка поклонился, — отныне объединятся ради счастья и благополучия всех живых тварей и человечества. — Бредовред сделал паузу и театральным жестом провел рукой по лбу, после чего продолжал: — Однако благие намерения вызвали сопротивление сил зла. Они напали на нас и сделали все возможное, чтобы не дать нам осуществить наш благородный замысел. Результаты вы видите. Но поскольку мы с тетей действовали заодно, силам зла не удалось одолеть нас. Мы их разбили и обратили в бегство. А вон там вы видите наше с тетей создание — волшебный напиток. Он обладает чудесной, божественной способностью выполнять любые желания. Разумеется, столь великая власть может быть дана лишь тем, чье благородство не подлежит сомнению, кто никогда не попытается использовать напиток в собственных эгоистических целях, пусть даже незначительных. Эта власть может быть дана таким людям, как тетя Тираша и я...

Даже для Бредовреда это было уже слишком. Он прикрыл рукой рот, чтобы никто не заметил, что он едва удерживается от злобного смеха.

Тирания довольно кивнула и воспользовалась паузой:

— Ты очень хорошо сказал, золотой мой. Я тронута. Настал великий час! — Тут она наклонилась и потрепала кота по шерсти, а ворона по перьям. Потом снова заговорила многозначительным тоном:

— А вам, мои милые малютки, выпала честь быть свидетелями великого события. Высокая честь! Вы счастливы, не правда ли?

— Еще бы! Премного благодарен, — со злостью каркнул Якоб.

Мориц тоже хотел что-то сказать, но вместо этого снова жутко раскашлялся.

Среди разбросанных по лаборатории вещей колдун и ведьма отыскивали два не разбитых бокала, нашлась и разливательная ложка. Пододвинув стулья, они уселись друг против друга по обе стороны чаши с пуншем.

Наполнив бокалы искрящимся волшебным напитком, колдун и ведьма залпом осушили их до дна. И оба тут же начали жадно хватать ртом воздух — пунш оказался и впрямь крепким. У Бредовреда повалил дым из ушей, жалкие волоски у Тирании на голове скрутились спиральями наподобие штопора.

Бредовред крикнул и вытер губы.

— Ах, хорошо...

— Здорово бодрит! Ох, ну и ну...

А затем оба принялись высказывать свои новогодние пожелания. Конечно же, эти пожелания имели стихотворную форму — для большей эффективности.

Колдун опередил ведьму и первым произнес свой стишок:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
Парк от смога занемог —
Пусть зазеленеет!
Скверик в смоге выжить смог —
Пусть не заболает!*

Тут у ведьмы подоспел стишок:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
Все акции фирмы «Лесные овраги»
Должны немедля упасть
До цен туалетной бумаги.
В клозет их! Лесам не дадим пропасть!*

Затем колдун и ведьма налили себе по второму бокалу и быстренько выпили до дна, — времени у них оставалось уже не так много, а ведь до полуночи им надо было выпить весь пунш до капельки.

Бредовред опять сложил стишок быстрее, чем ведьма:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
усть Эльба, Везер, Дунай и Рейн,
Чьи воды несут заразу,
От грязи избавятся поскорей.*

И рыбки вернутся сразу!

Тирания живо подхватила:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
Скряга, что сэкономить рад
На фильтрах и в речку отходы спускает,
Пусть позабудет про лимонад —
С водой пусть мочу лакает!*

Они снова наполнили бокалы и залпом осушили их. У Тирании в ту же минуту был готов новый стишок:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
Торгаш, что торгует зверьем убитым,
Жиром китов и костями слонов,
Пускай торгует себе в убыток
И вовсе останется без штанов!*

Племянник немедленно принял у тетки эстафету:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
Есть звери и птицы разной породы:
Кто-то полезный, другой — паразит,
Но всякого любит мама-природа,
Пусть ни один не исчезнет вид!*

Они опрокинули еще по стаканчику, и колдун важно продекламировал:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
С погодой неладное что-то творится:
Лето — не лето, зима — не зима...
Пора безобразию прекратиться,
Хватит погоде сходить с ума!*

После недолгого раздумья ведьма сладким голоском пропищала:

*А тот, кто дырку в озоне прожжег,
Погнавшись за прибылью сдуру,
Узнает пускай, что такое ожог,
— Гори огнем его шкура!*

Они выпили еще, и тут ведьма опередила колдуна:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
А тот, кто вздумал наполнить кассу
С продажи ракет и гранат,
К войне подстрекая народы и расы,
Пусть разорится, гад!*

А Бредовред пророкотал басом:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
Пусть в океане жизнь возродится.
Мазутные пятна — с глаз долой!
Живность морская должна расплодиться.
(То же относится и к земной).*

Вот так они пили пунш и сочиняли стишки, и чем больше они пили, тем труднее им было удерживаться от злорадного смеха. Ведь колдун и ведьма думали о том, какие страшные несчастья принесут на самом деле их «добрые» пожелания всему миру, и еще они оба невероятно веселились при мысли, что так ловко одурачили кота и ворона, а вместе с ними и Высокий Совет зверей. Они же были в этом уверены. Ну а кроме того, сказывалось и действие крепкого алкогольного напитка. И тетка, и племянник были, что называется, не дураки выпить и пить умели, но сейчас опрокидывать рюмочку им приходилось оченьуж быстро, а пунш-то был не просто крепкий, а дьявольски крепкий... Все это вместе оказало свое действие.

Попойка продолжалась, пожелания выпивох становились все более грандиозными и все более напыщенными. После десяти бокалов тетка и племянник начали икать, то и дело фыркая от смеха.

Тирания прочла такой стишок:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!*

*Немцы кичатся богатством своим,
Нажитым честно... ик!..
Пусть процветают!
Но не в ущерб народам другим, —
Позор богачу, коль сосед голодает!*

И Бредовред подал голос:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
Опасные электростанции — вон!
Взорвутся — пиши пропало!
Нам хватит энергии ветра и волн,
Это совсем не мало.*

После следующего бокала ведьма проверещала:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
Пусть честно торгует всякий торговец,
Пусть будет в лавках товаров не счесть,
Но не продаются свобода,... ик!.. совесть,
Доброе имя, достоинство, честь!*

Тут колдун завопил:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
И никакой чтоб новой хворобы,
Всем эпидемиям — укорот!
Прочь, аллергия, сгиньте, микробы!
Дадим им от ворот поворот!*

И опять они выдули по бокалу пунша, и Тирания просюсюкала:

*Кунштюк-пунш, твори кунштюк,
Хитроумный фокус-трюк!
Пусть к деткам радость с надеждой придут,
И жизнь у них будет хорошей-хорошей...
Пусть ... ик!.. чистоту на земле наведут.
Счастье детей нам всего дороже...*

Так все и шло. Получилось что-то вроде соревнования в пьянстве и рифмоплетстве. То колдун вырывался вперед, то ведьма брала реванш, но окончательно победить не мог никто.

Кот и ворон смотрели, слушали, и с каждой минутой им становилось все страшнее. Они ведь не знали, что там на самом деле творится в мире после каждого нового высказанного пожелания. Одна-единственная так до сих пор и не прозвучавшая нота колокольного звона, которую они бросили в чашу с пуншем... А вдруг она не оказала действия? А что если эта нота слишком слабая и не одолела дьявольскую силу пунша? Что если колдун и ведьма все-таки сказали им тогда правду и из всего, что они сейчас желали, в действительности получалось прямо противоположное? Тогда в мире уже началась страшная катастрофа и никто уже не может ее предотвратить...

Якоб сунул голову под крыло, Мориц зажал лапами уши, потом закрыл лапами глаза, потом снова уши.

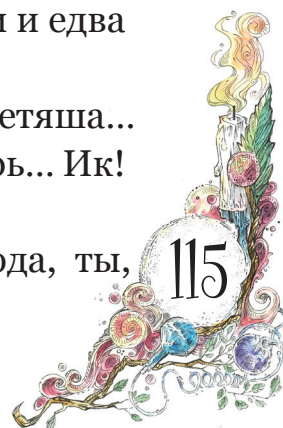
А колдун и ведьма к этому времени, похоже, порядком притомились. Во-первых, они с жутким трудом находили рифмы, а во-вторых, оба уже считали, что давно в полном объеме выполнили свои договорные обязательства по злодеяниям. В-третьих, им уже надоело пить и сочинять стихи. Они тоже не видели воочию последствий своего колдовства, а люди, подобные этим двоим, настоящее удовольствие испытывают лишь тогда, когда могут вволю полюбоваться несчастьями, которые натворили.

И потому колдун и ведьма решили употребить остаток волшебного пунша для собственного развлечения и поколдовать над теми, с кем изо дня в день имели дело. У Якоба и Морица от ужаса дух захватило, когда они услышали, что их ждет. Теперь оставалось лишь две возможности: или сейчас выяснится, что подарок святого Сильвестра, звук новогоднего колокола, не сработал — и тогда все кончено, все погибло, или колокольный звон действительно лишил пунш его способности выполнять желания шиворот-навыворот — и тогда Тирания и Бредовред тоже это заметят. А уж что в этом случае могло ожидать кота и ворона, догадаться нетрудно. Якоб и Мориц в страхе поглядели друг на друга.

Но Тирания и Бредовред к этому времени выдули уже по тридцать бокалов пунша, а может, и больше. Так что оба уже лыка не вязали и едва не валялись на пол.

— Послушай-ка меня, моя дорогая... Ик!.. Дорогая... тиша Тетяша... тетя... Тираша... — язык у колдуна заплетался. — Надо бы нам теперь... Ик! Взять на мушку нашу кошку и нашу пташку... Что ска... жешь?

— Хорошая идея, гы! — ответила ведьма. — Якоб, поди сюда, ты,

негодник... ик! Ты, горем-ык-а!

Якоб страшно перепугался.

— Как? Как? — закаркал он. — Прошу вас, мадам, очень вас прошу — не надо! Не хочу! Помогите! — Он попытался взлететь, но не смог и стал метаться по лаборатории, пытаясь забиться куда-нибудь в угол. Но Тирания уже выпила залпом очередной бокал и, хоть и не без труда, сложила такой стишок:

*Штюкпунштрюк твори пунштюк,
Хитроумный тюкиткж крюк!
Пусть ворон Якоб... Ик! Не болеет,
И перышки вновь у него отрастут,
Пусть станет всех воронов Якоб сильнее...
Гы-гы! Ревматизму — капут!*

Колдун, ведьма, да и сам ворон-пессимист ожидали, что бедняга ворон немедленно лишится последних перьев и останется голым, как ошипанный каплун, что его скрючит от жутких ревматических болей и что вообще он станет полутрупом.

Но вместо этого Якоб вдруг увидел, что на нем глянцевым блеском заблестели черные красивые перья, теплые и уютные, они были гораздо лучше, чем оперение, которое он потерял, когда нечаянно залетел в ядовитые химические облака. Якоб приосанился, высоко поднял голову, взмахнул одним крылом, другим, потом склонив голову к плечу, оглядел свой новый наряд. Оба крыла были без каких-либо изъянов.

— Ах, батюшки-светы! О великое яйцо птицы Рух (Птица Рух — мифическая птица, упоминается в «Сказках тысяча и одной ночи».)! — воскликнул Якоб. — Мориц, ты видишь то же, что и я, или я уже вконец рехнулся?

— Вижу то же, что и ты, — прошептал котик. — И от всего сердца поздравляю. Для ворона преклонных лет вид у тебя почти элегантный.

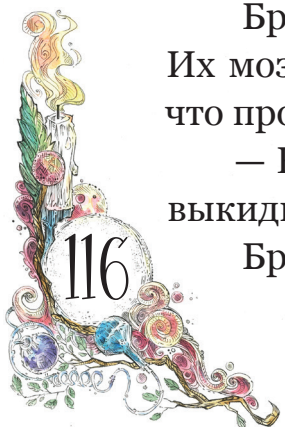
Якоб взмахнул новыми крыльями и закричал в восторге:

— Ур-ра! У меня нигде, нигде не болит! Я словно заново на свет вылупился!

Бредовред и Тирания смотрели на ворона остекленевшими глазами. Их мозги окутал такой густой пьяный туман, что оба толком не поняли, что произошло.

— Как же т-так... — пробормотала ведьма. — Что з-за дурацкие шутки выкидывает тут ... ик!... эта птица? Ик! Значит, все было не пра... правильно?

Бредовред пьяно захихикал:

— Тира... Ти-ри-ра... Ти-ра-ра-ра... Тетя! Ты, видать, чегой-то перепутала... Ик! Ты же вечно... Гы-гы! Вечно все путаешь и забываешь. Видно, ты у нас маленько дурочка... Эх, старушенция... Щас, щас, погоди... Я покажу, как делают... ик! такие дела настоящие... хро... хрю... фессионалы... Не зевай и смотри внимательно.

Он залпом осушил бокал и пробормотал заплетающимся языком:

*Трюкштюк-пуни, твори фрукттрюк,
Хитроушный... плюхпунибрюх!
Пусть кот облезлый с фальцетом писклявым
Станет как соловей голосист,
Гы! Обретет мировую славу,
А шелстка... (Ик!) шерстка как шелк заблестит!*

Мориц, который только что едва не умирал и не то что петть — говорить нормальным голосом не мог, вдруг почувствовал, что все его крошечное, толстое, слабенькое тельце налилось силой, он вдруг вырос и превратился в крепкого красавца кота. Шерсть у него теперь была не в дурацких пестрых пятнах, а белая как снег и мягкая как шелк, усы же у Морица стали такие, что ими мог бы гордиться даже тигр.

Мориц важно откашлялся и заговорил новым голосом — таким звучным и сильным, что сам пришел в восторг.

— Якоб, дорогой мой друг, как я тебе нравлюсь?

Ворон подмигнул и сказал:

— Первоклассный вид, Мориц. Ну, принц, ни дать ни взять! Ты таким всегда хотел быть.

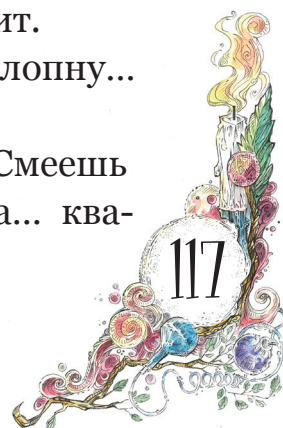
— Знаешь, Якоб, — сказал кот, разгладив усы, — зови меня, пожалуй, как раньше, Мяуро ди Мурро. Пожалуй, это имя мне теперь больше подходит, как тебе кажется? А ну-ка, слушай! — Он набрал полную грудь воздуха и сладко замыкал. — O sole mio!..

— Тише, тише! Помни об опасности, — зашикал на него Якоб.

К счастью, колдун и ведьма ничего не слышали — как раз в ту минуту, когда кот запел, у них начался дикий скандал. Они громко ругались, с трудом выговаривая слова, и костерили друг друга на чем свет стоит.

— Это ты-то спесивалист? — негодовала Тирания. — Да я щас лопну... ик! От смеха... Ха-ха! Ты просто шляпа... растяпа... неумеха...

— Да как ты смеешь! — зарычал Бредо-вред. — Ты-то! Ты! Смеешь судить о моих просеффио... фропессио... профессиональных хва... качествах, старая ты идитетка!

— Скорей, котик, — зашептал тут Якоб. — По-моему, лучше нам испариться да побыстрее. Того и гляди дойдет до них, что произошло, и тогда не миновать нам беды!

— Но я хочу увидеть, чем все это кончится, — шепотом ответил кот.

— Ну, мозгов у тебя не прибавилось! Конечно, зачем певцу мозги? Пошли отсюда, быстро, говорят тебе!

И пока ведьма с колдуном переругивались, кот и ворон незаметно выбрались через разбитое окно в парк.

На самом дне чаши из Холодного пламени еще оставалось немного пунша. Тетка с племянником наклюкались, как говорится, под завязку. И, как бывает обычно в таком состоянии с людьми злого нрава, они злились все больше и все яростней поносили друг друга.

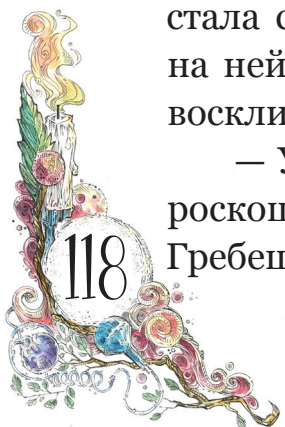
О коте и вороне они даже не вспомнили и потому не заметили, что те скрылись. Насчет того, что волшебный пунш мог каким-то чудом утратить свое обратное действие, у колдуна и ведьмы все еще не зародилось никаких подозрений. Зато оба в безудержной ярости вздумали хорошенько насолить другому, разумеется, с помощью волшебного зелья. Каждый задумал для другого самое страшное и плохое, что только мог выдумать, представил его себе дряхлым, ужасающе уродливым и смертельно больным. И с этой мыслью они выдули по полному бокалу пунша и в один голос завопили:

*Хрюкпунштюк, твори хрюктрюк
Ушлохитрый фуккаюк!
ТЕБЕ желаю (ик!) жизни беспечной,
Здоровья, радости, красоты,
Богатства, успехов, юности вечной,
Сердечной... гы-гы!.. доброты!*

И в следующий миг оба в величайшем изумлении уставились друг на друга — они стали прекрасными и юными, как сказочные принц и принцесса!

Тирания, онемевшая от изумления, недоверчиво ощупала себя. Она стала стройной, как тростиночка! Только вот платье цвета серы висело на ней теперь, как на вешалке. Бредовред провел ладонью по голове и воскликнул:

— Ух ты! Что это выросло на моей головушке? Ик! Вот это да! Какая роскошная шевелюра... Дайте мне зербешок, дайте мне геркальце! Тьфу! Гребешок и зеркальце... Надо причесать мои буйные кудри.

В самом деле, теперь над его лбом вились непокорные черные кудри. А у тети длинные золотые локоны ниспадали чуть не до пояса, как у Лорелеи (Лорелея — в европейском фольклоре златокудрая нимфа реки Рейн, которая прекрасными песнями увлекает корабли на скалы.). Коснувшись руками лица — раньше оно была морщинистым, с отвислыми щеками — Тирания воскликнула:

— Ой! Кожа у меня стала гладкая, как у ребеночка!

И вдруг оба вздрогнули и улыгнулись друг другу с любовью, словно впервые увидев друг друга. (Что было правдой, ибо в новом своем облике они друг друга никогда не видели.)

Но если кунштюк-пунш совершенно изменил обоих и, конечно, сделал их не такими, как они желали друг другу, то кое-что все же осталось неизменным и даже, пожалуй, усилилось — опьянение. Все-таки ни одно чудо не может отменить свое собственное действие, этого попросту не бывает.

— Вельзе-зе-вульчик, — пролепетала тетка — Ты же самый настоящий красавульчик. Но мне... ик! кажется, ты что-то очень сильно двоишься...

— О, прекрасная златокудрая дева, — заплетающимся языком отвечал племянник. — Ты — фатаморгана, мираж, у тебя вдруг появился нимб вокруг головы... Нет, целых два нимба! Как бы там ни было, я преклоняюсь пред тобой, дорогая тютя... тетя! Я чувствую, что в глубине моей души все перекувырнулось. Ик! На душе так светло... Понимаешь, доброты и красоты выше крыши...

— Вот-вот, со мной то же самое, — подхватила тетка. — Так бы весь мир и обняла! До чего же хорошо на душе...

Тирашенька, — еле ворочая языком сказал Бредовред. — Ты прямо такая замечательная тетя, знаешь, я хочу сейчас же помириться с тобой. Заключим вечный мир. И давай перейдем на ты, а?

— Золотой мой мальчуган, да мы же и так на ты!

Бредовред с усилием кивнул — голова у него была тяжелая.

— Правильно, правильно. Ты опять права, тетя. Ну тогда давай будем звать друг друга просто по имени. Меня вот зовут... Ик! Как же меня зовут-то?

— Не ик!.. играет роли. Забудем все, что было. Начнем новую жизнь. Давай, правда! Ведь мы с тобой были такие злые... ик! Такие злые-презлые, такие нехорошие...

Колдун разрыдался.

— Да, мы были злые... Противные, отвратительные! Злодеи — вот кем мы были. Ик! Мне так стыдно, так стыдно, тетя...

Тут и тетка заскулила, как замковая собачка.

— Приди ко мне, в мои девические чистые объятия... ик! О благородный юноша... Отныне все пойдет по-другому. Мы будем добрыми и ласковыми. Я — с тобой, а ты — со мной и оба мы — со всеми остальными.

Бредовред рыдал все пуще.

— Да! Да! Пусть так и будет! Я растроган этими нашими словами...

Тирания потрепала его по щеке и просюсюкала:

— Не плачь так горько, моя кровиночка. Ты жерываешь мне сердчиш... ик! сердечко! И потом, совсем нет причин для слез, ведь мы уже совершили столько добрых дел!

— Это когда же? — Бредовред вытер слезы.

— Да сегодня вечером.

— Как же это?

— А так! Пунш исполнил все наши пожелания в буквальном смысле, понял? Он ничего не сделал шиворот-навыворот.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда! Погляди на себя и на меня. Ик! Что, так ничего и не понимаешь?

И самой-то Тирании лишь в эту минуту стало по-настоящему ясно, о чем она говорит. Тетка уставилась на племянника, племянник на тетку. Оба переменились в лице: тетка пожелтела, племянник позеленел.

— Д-да в-ведь эт-то значит, — Бредовред начал заикаться, — что наши договорные обязательства мы не выполнили!

— Хуже, все гораздо хуже, — запричитала Тирания. — Мы профукали все, что успели сделать за год, все что могли бы представить в свое оправдание. Профукали на все сто процентов!

— Мы погибли! Спасенья нет! — завопил Бредовред.

— Караул! — завизжала Тирания. — Нет! Не хочу! Не надо меня наказывать!.. Смотри, смотри, там наберется еще по бокалу пунша.

Если мы сейчас придумаем что-нибудь, ну совсем, совсем страшное, что-нибудь такое ужасное, такое кошмарное... Может быть, мы спасемся!

В дикой спешке они наполнили бокалы остатками пунша. Бредовред даже поднял и перевернул вверх дном чашу из Холодного пламени, чтобы вылилось все до последней капли. Потом колдун и ведьма залпом осушили бокалы. Оба начали тужиться и пыжиться, но ни тот ни другой не могли придумать ужасающе страшного пожелания.

Не получается, захныкал Бредовред. — Я не могу придумать проклятия даже для тебя, тетя!

— И у меня ничего не выходит, малыш, — заплакала Тирания. — А знаешь почему? Потому что мы теперь слишком добрые!

Ужасно, — запричитал колдун. — Я хочу, желаю... Желаю стать в точности таким, каким был раньше. Тогда все будет в порядке...

— И я! И я тоже!

Эти пожелания не были рифмованными, однако волшебный пунш их исполнил. В мгновение ока тетка и племянник сделались такими, какими были всегда: злобными в душе и весьма непривлекательными с виду.

Но это им уже не помогло: ведь катастрофа-нархисториязвандалко-горючий кунштюк-пунш был выпит до последней капли. И последняя капля стала действительно последней для ведьмы и колдуна: оба мертвецки пьяные повалились на пол.

В тот же миг в пустой чаше из Холодного пламени раздался гулкий, мощный звон колокола. Чаша раскололась на куски.

А в городе зазвонили церковные колокола.

— Господа, — сказал Могилус Трупп, который, оказывается, был тут как тут — сидел в старинном кресле Бредовреда, — ваше время истекло. Я приступаю к исполнению своих должностных обязанностей. Имеете ли вы что-нибудь возразить?

В ответ послышался лишь храп на два голоса. Трупп встал и, прищурив безвекие глаза, оглядел лабораторию.

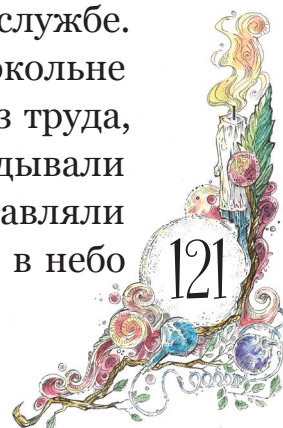
— Н-да, похоже, они славно повеселились. Но когда проснутся, настроение у них будет далеко не веселое. — Он поднял с полу один из бокалов, с любопытством понюхал его и в ужасе отпрянул.

— Тьфу ты, ангел! — выругался inferнальный чиновник и с отвращением отшвырнул бокал. — Какой мерзкий запах! Сразу чувствуешь, что в напитке была какая-то дрянь. — Он покачал головой и вздохнул. — И как это люди такое пьют? Впрочем, не удивительно, повывелись знатоки... Поистине, пора этому бездарному сброду уйти с нашей дороги.

Могилус Трупп открыл свой черный портфель и достал несколько почтовых марок с изображением летучей мыши. Лизнув одну марку, он наклеил ее на лоб Бредовреду. Потом прилепил такую же марку на лоб Тирании. Марки при этом зашипели.

Затем Трупп снова уселся в кресло, положил ногу на ногу и стал ждать прихода адских душегубов, которые должны были уволочь тетку и племянника в преисподнюю. Трупп тихонько насвистывал и пребывал в великодушном настроении, раздумывая о предстоящем повышении по службе.

В это время Якоб Карр и Мяуро ди Мурро сидели высоко на колокольне городского собора. Они еще раз забрались сюда, но на сей раз без труда, ведь сил у них теперь было предостаточно. Они с радостью поглядывали вниз и видели за ярко освещенными окнами людей, которые поздравляли друг друга с Новым годом и веселились. А над городом взлетали в небо

бесчисленные ракеты, рассыпавшие искры разноцветных огней. Кот и ворон слушали величественный концерт — новогодний колокольный звон.

Святой Сильвестр — на сей раз он был каменным изваянием — с блаженной улыбкой смотрел на город с высоты соборной колокольни.

— Счастливого Нового года тебе, Якоб, — взволнованно сказал Мяуро.

— И тебе! — ответил ворон. — Желаю успеха. Всего тебе хорошего, Мяуро ди Мурро.

Ты говоришь так, будто мы прощаемся, — удивился кот.

— Да. Так будет лучше, — сурово прокаркал Якоб. — Можешь мне поверить. Когда природные условия придут в норму, кошки и птицы снова станут врагами по природе.

— Жаль, ах как жаль...

— Э, брось! Все в порядке.

Некоторое время они молча слушали колокольный звон. Затем кот заговорил:

— Хотелось бы мне знать, что стало с колдуном и ведьмой. Неужели мы никогда этого не узнаем?

— Подумаешь какое горе! Главное, все сошло хорошо.

— Хорошо?

— А то нет! Опасность миновала. Мы, вороны, такие вещи чувствуем. Тут мы никогда не ошибаемся.

Кот на минуту задумался, потом тихо сказал:

— В чем-то мне их почти жаль... Тех двоих. Ворон строго поглядел на него.

— Все! Ставим на этом точку.

Они замолчали и снова стали слушать концерт колоколов. Обоим не хотелось расставаться.

— В любом случае, — снова заговорил кот, — для всех наступающий год будет наверняка очень хорошим. Я хочу сказать, если везде все получилось так, как с нами.

— Наверное, так и есть, — глубокомысленно кивнул Якоб. — А вот кому они всем обязаны — этого люди никогда не узнают.

— Люди не узнают, — согласился кот. — И даже если кто-нибудь им расскажет, они скорее всего подумают, что это сказка.

Вновь настала долгая пауза, но ни кот ни ворон не собирались прощаться. Они смотрели на искрящиеся звезды, и обоим казалось, что никогда еще звездное небо не было таким высоким и ясным.

— Видишь, — сказал Якоб, — вот они, вершины жизни, которых ты до сих пор не знал.

— Да, — восторженно подхватил кот, — Вершины жизни! С этой минуты

я буду покорять все сердца моими песнями, правда?

Якоб искоса настороженно поглядел на красавца кота и ответил:

— Кошачьи сердца — конечно. Ну а мне бы вернуться поскорей в уютное гнездышко, к моей Эльвире. Уж и подивится она, увидев меня такого молодого и в шикарном фраке. — Он аккуратно пригладил клювом несколько торчащих перышек.

— Эльвира? — переспросил кот. — Скажи честно, сколько у тебя жен?

Ворон чуть смущенно кашлянул.

— Дазнаешьли, нельзя им доверять. Надо вовремя сделать себе хороший запас, а то в конце концов один останешься. Тому, у кого нет родного крова, нужно везде иметь теплое гнездышко. Э, да тебе этого пока что не понять.

Кот возмутился.

— Я этого никогда не пойму!

— Поживем — увидим, господин лирический тенор, — сухо ответил Якоб.

Колокольный звон понемногу стихал. Кот и ворон молчали.

Наконец Якоб подвел итог:

— Теперь надо сообщить обо всем Высокому Совету зверей. А потом вернемся к обычной жизни. И тут наши пути разойдутся.

— погоди! Успеем еще в Высокий Совет. Прежде я хочу спеть мою первую песнь.

Якоб оторопел.

— Так я и думал! — каркнул он. — Кому же ты хочешь петь? Публики-то нет, а я абсолютно лишен музыкального слуха. У меня абсолютное отсутствие слуха, абсолютное!

— Я спою для святого Сильвестра и во славу Всемогущего Небесного Котищи.

— Пожалуйста, если уж тебе так хочется, — ворон пожал плечами. — А ты уверен, что там, наверху тебя услышат?

— Тебе этого не понять, друг мой, — с достоинством отвечал кот. — Это вопрос моего стиля.

Он наскоро пригладил свою шелковистую шерстку, разгладил внушительные усы, приосанился и замяукал свою первую и самую прекрасную арию, подняв голову к звездному небу. Ворон слушал терпеливо, хоть ничего и не понимал в музыке.

А так как чудесным образом у кота вдруг появилось великолепное знание итальянского языка, то пел он по-итальянски, несравненно мягким неаполитанским лирическим тенором:

Tutto e ben' quell' che finisce bene...

Что значит:

Все хорошо, что хорошо кончается.

Здесь Михаэль Энде пошутил — привел немецкую поговорку: «Ende gutalles gut», обыграв свою фамилию.

Энде Михаэль

Волшебный пунш

Ответственный редактор А. М. Решетникова

Перевод Г. В. Снежинская

Оформление Е. И. Королева

Верстка А. М. Решетникова

Корректурa О. В. Скавронская

ООО «RACCOON»

651066, г. Новокузнецк, ул. Транспортная 99, офис 4

Подписано в печать 02.06.2014 г.

Формат 210/297. Тираж 1 экз.

Отпечатано в типографии «Иван Федоров», г. Томск